

Б-37569

1592

1

ОНОМАСТИКА Средней Азии

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ЭТНОГРАФИИ им. Н. Н. МИКЛУХО-МАКЛАЯ

Б-37569

1

ОНОМАСТИКА СРЕДНЕЙ АЗИИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1978

К

4С

059

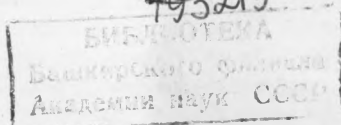
4.036

Ответственные редакторы

В.А. Никонов, А.М. Решетов

Б-37569

193219

Сборник включает статьи по ономастике Средней Азии. На материале антропонимии (личные имена), топонимии (географические названия), этнонимии (названия племен и народов) решается ряд проблем истории и этнографии народов Средней Азии и Казахстана. Сборник подготовлен сотрудниками Института этнографии АН СССР и учеными республик Средней Азии.

0 $\frac{70103-007}{013(02)-78}$ 210-77

© Главная редакция восточной литературы
издательства "Наука", 1978.

От редакторов

Еще недавно у нас твердили об отставании ономастики. Действительно, ее изучение долго было запущено. Но за последние годы положение резко изменилось. Сначала топонимия, а за ней антропонимия, этнонимия и другие разряды собственных имен стали предметом многих научных исследований, появилась научная литература по ономастике, проведены специальные ономастические конференции. Советская ономастика выходит в первые ряды мировой ономастической науки, в изучении же ономастики Востока не только разбила монополию колонизаторских стран, но и заняла по числу исследований первое место.

Фронт ономастических исследований охватил и всю Среднюю Азию. Народы, которые были лишь объектом исследований или даже не попадали в поле зрения науки, сегодня имеют собственные кадры исследователей ономастики. Неисчерпаемые ресурсы советского строя позволили в кратчайший срок создать ономастическую науку во всех советских республиках Средней Азии. В тесной связи с русскими учеными успешно работают казахские, каракалпакские, киргизские, таджикские, туркменские, узбекские. Среднеазиатский ономастический семинар, проведенный группой ономастики Института этнографии АН СССР на базе Самаркандского университета им. Алишера Навои в январе 1969 г., объединил их, вооружил научным методом исследования и дал направление их работам. Мы рады, что в нашем сборнике представлены все 6 советских республик Средней Азии.

Конечно, пока различен уровень работ и неравномерно представлены разделы ономастики. Впереди идет топонимика, в активе которой много статей, книг, диссертаций; их обзор сделан для нашего сборника крупнейшим специалистом в области топонимии Востока Э.М. Мурзаевым. Но все сделанное лишь малая часть необходимого: топонимия Средней Азии необъятна и сложна. Еще впереди анализ ее исторических пластов (а самые древние, доиранские, еще и не вскрыты), локализация топонимов прошлого, типология существующей топонимии, сбор микротопонимии, улучшение транскрипции.

Прочно встала на ноги и антропонимика. По личным именам

у всех народов Средней Азии появилось немало работ (особенно в связи с 1-м Всесоюзным антропонимическим совещанием — Москва, 1968 г.), а по именам таджиков, казахов, узбеков, киргизов за последнее десятилетие вышли отдельные книги. Богата картотека древнетюркских личных имен, собранная Т.Ж.Жанузаковым (Алма-Ата). В обеих этих отраслях ономастики надо заботиться теперь не о количестве, а о качестве.

Иначе обстоит дело с другими разделами ономастики. Еще нет глубокого научного изучения этнонимов Средней Азии, бесчисленных за тысячелетия ее сложной истории. На страницах истории мелькают сотни названий племен и народов, образующих сплошной калейдоскоп загадок. Даже такие "узловые" этнонимы, как *усуни*, еще спорны: кого они обозначали, тождественны ли с внешне сходными этнонимами, каково происхождение самого этнонима? Дискуссия об этнониме *киргиз* ограничилась этимологией слова, не решая коренного вопроса об историческом содержании этого этнонима: кого в каком столетии он обозначал. В ряде работ еще нет четкого различения истории этнонима и истории народа, а это совсем не одно и то же: один и тот же этноним нередко обозначал различные народы, а один и тот же народ называли по-разному. Общепринято мнение о монгольском происхождении этнонима *найман*, но на годовой сессии Отделения исторических наук АН СССР 1973 г. в Самарканде выдвинуты серьезные антропологические доводы против близости *найман* к монголам. Наш сборник "Этнонимы" (М., 1970) стимулировал изучение этнонимов, но в краткий срок рано требовать больших результатов.

Только самые первые шаги сделаны в изучении космонимии, таящей у народов Средней Азии немало драгоценных свидетельств об их далеком прошлом. Через Среднюю Азию проходит граница двух грандиозных космонимических массивов: Млечный путь называют на юге "соломенный путь", "путь вора соломы" (как в Передней Азии и Средиземноморье — у иранских и арабских народов), а на севере — "птичий путь", "путь диких гусей" (как в финно-угорских языках); граница разрезает и Казахстан, и Киргизию, но где именно она протекает — никто не изучал. А за этим — этническая история казахов и киргизов. Нет и исследований о том, как складывались и изменялись названия других космических объектов у народов Средней Азии. К сожалению, этот пробел зияет и в нашем сборнике.

Зоонимике Средней Азии хорошее начало положила Г.Ф.Фельде (Чимкент), собрав и рассмотрев зоонимию Тюлькубасского района на юге Казахстана (в сборнике "Этнография имен", М., 1971), — ею впервые описаны различия кличек животных в коллективных и индивидуальных хозяйствах, показаны характерные отличия зоонимов у казахского, русского и немецкого населения района. На страницах нашего сборника Н.А.Баскаков

дает лингвистический анализ каракалпакской зоонимии. Но это только первые шаги, зоонимия большинства народов Средней Азии еще ждет исследователей.

Можно сказать, почти не начато изучение теонимии. А исследование, например, имен домусульманских божеств открыло бы многое в истории народов и их религий.

Ничего не сделано и для изучения названий предприятий, магазинов, кино и т.д. (раздел собственных имен, еще не имеющий установившегося термина, — предложены ктематонимия, прагмонимия и др.). А в этом деле ученые могли бы серьезно помочь практикам. Эти названия, составляющие неотъемлемый и столь частый элемент повседневной жизни, влияют на формирование народного вкуса. Этот важный раздел тоже остался за пределами нашего сборника.

В статьях сборника немало спорного. Это не учебник с заранее решенными задачками. В научном споре (а не в споре науки с невежеством) редакция не считала себя вправе диктовать свои взгляды авторам, но не может и вводить читателя в заблуждение, выдавая спорное за недискуссионное окончательное решение, всеми принятое в науке.

Мы не считаем удачным, что А.З.Розенфельд именует суффиксом компонент *кент*, частый в ираноязычной топонимии. Сама А.З.Розенфельд указывает, что *кент* еще существует и как самостоятельное полнозначное слово. Процесс формализации его, утраты лексического значения еще не завершен.

Вероятно, подвергнется обсуждению и гипотеза О.Т.Молчановой о топонимическом ареале *-тай*. Собранный материал богат и выводы интересны. Но неясно, во-первых, относятся ли сюда же азово-донские топонимы (например, Батай, Несветай), во-вторых, все ли приведенные топонимы имеют *-тай*, а не распространенное тюркское окончание *-ай* (а *т* принадлежит основе)?

В сборнике жестки ономастические термины первого порядка. Вахханалия терминов (особенно на периферии) запутывает читателя и грозит привести к полному непониманию друг друга: употребляют неуклюжий и бессмысленный гибрид топономастика, смешивают топонимию с топонимикой, по старинке под ономастикой понимают антропонимию и т.д. Мы последовательно придерживаемся терминов топонимия — географические названия, топонимика — изучение их, антропонимия — собственные имена людей, антропонимика — изучение их, соответственно этнонимия и этнонимика и т.д. Термины же следующих порядков пока рано устанавливать — безудержная регламентация "вырок" обычно только мешает, — сначала необходимо устранить разнобой в основных терминах. Поэтому мы оставили предлагаемый в статье Л.И.Ройзензона и А.Бобоходжаева термин "серии имен" (для сходных имен в семье), хотя для этого явления есть более удачный термин "связанные имена".

Л.С. Толстова

ОТГОЛОСКИ РАННИХ ЭТАПОВ ЭТНОГЕНЕЗА НАРОДОВ СРЕДНЕЙ АЗИИ В ЕЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ ОНОМАСТИКЕ

Необычайная сложность, многослойность процесса этногенеза народов Средней Азии нашла отражение в ее исторической ономастике. Народы Средней Азии (таджики, узбеки, туркмены, каракалпаки, казахи)¹ имеют много общего в путях своего формирования, в составе древнейших исходных компонентов [26, 304] и в дальнейшем этноисторическом развитии, органически переплавив в процессе своего окончательного становления местные аборигенные и более поздние пришлые компоненты². Поэтому правомерно говорить как о путях этнического развития народов Средней Азии в целом, так и об отражении этих путей в ее исторической ономастике.

В длительном процессе этногенеза народов Средней Азии последовательно принимали участие компоненты, принадлежавшие к разным языковым семьям. На заре истории, еще в эпоху первобытнообщинного строя, здесь были распространены языки, относившиеся к одной из древнейших доиндоевропейских семей. Во II тысячелетии до н.э. (или, по крайней мере, с начала I тысячелетия) в Средней Азии распространяются языки иранской группы, восточноиранской подгруппы, к которым относились и языки таких народов древности, как саки, массагеты³, хорезмийцы, согдийцы, бактрийцы и др. [13, 66-68; 17, 131-146]. К иранской же группе относился язык сарматов, соседствующих с сако-массагетскими племенами на северо-западе и так-

¹Несколько особняком в отношении к этногенетическим процессам, протекавшим в Средней Азии, стоят киргизы, в формировании основного ядра которых принимали активное участие "тюркоязычные племена южной окраины объединения кочевых племен, носившего название "кыргыз" [1,61], продвинувшиеся на территорию современной Киргизии с востока.

²Абсолютное преобладание аборигенного населения в числе компонентов, составивших народ, здесь можно отметить лишь для таджиков, хотя и последние включили в свой состав известную долю тюркоязычных пришельцев, ассимилировав их отдельные группы [14].

³С.П. Толстов придерживался точки зрения принадлежности языка массагетов к фрако-киммерийской группе древних индоевропейских языков [27,86].

же принявших известное участие в формировании народов Средней Азии, по крайней мере, народов ее северной части (казахов, каракалпаков, туркмен). Уже с первых веков нашей эры на территорию Средней Азии начинают проникать тюркоязычные народы: гунны, потом тюрки (период Тюркского каганата); в VIII—IX вв. на северо-западе Средней Азии — в Приаралье и прилегающих степях — складываются огузские и печенежские племенные объединения; карлуки, уйгуры, чигили, ятма, кыпчаки и многие, многие другие тюркоязычные народы наводняют Среднюю Азию с востока и тюркизируют все большую часть ее населения. Дештикипчакские узбеки, пришедшие с Шейбани-ханом в XVI в. на территорию Средней Азии из степей, примыкающих к ней с севера, явились последним составным слагаемым в этногенезе наиболее крупного народа Средней Азии — узбеков, завершив своим переселением становление основных этнических единиц дореволюционной Средней Азии⁴.

Все эти разновременные и разноязычные народы, принимавшие то или иное участие в этногенезе народов Средней Азии, оставили свои следы в ее исторической топонимии. Эти же следы в значительной мере сохраняются в системах родо-племенного деления, существовавших в прошлом у кочевого и полукочевого населения Средней Азии и фиксируемых еще и поныне.

Ономастический материал широко привлекается советскими исследователями этногенеза и этнической истории народов Средней Азии, как историками, этнографами, так и лингвистами (С.П.Толстов, Т.А.Жданко, Н.А.Баскаков, С.М.Абрамзон, Б.Х.Кармышева, Г.П.Васильева, Б.В.Андрианов, В.В.Востров и М.С.Муканов и др.), проводившими, в частности, сопоставление этнонимов — названий родо-племенных подразделений современных народов Средней Азии — узбеков, туркмен, каракалпаков и др. — с названиями средневековых предков этих народов — печенегов, огузов, кыпчаков, ногаев — или отдельных племен в составе этих народов. Такие сопоставления (наряду с привлечением данных других смежных дисциплин) позволили ликвидировать много белых пятен на пути изучения средневекового этапа этногенеза народов Средней Азии; в ряде случаев ономастический материал привлекался для выяснения отдельных вопросов, относящихся и к более ранним периодам становления и развития

⁴ В нашу задачу, разумеется, не входит систематическое изложение основных этапов этногенеза народов Средней Азии. Здесь мы лишь наметили основные вехи с тем, чтобы подвести читателя к изложению конкретных материалов статьи.

Известную роль в этногенезе народов Средней Азии и — в значительно большей степени — в ее исторической ономастике сыграли народы, относящиеся к монгольской языковой группе (кара-китай, монголы).

народов данного региона. Позднейшие этноисторические процессы, переселения и передвижения народов и отдельных племен в их составе, явления этнического сближения и ассимиляции ряда этнических групп в составе более крупных народов, также получившие отражение в этнонимии и топонимии, нашли свое место в исследованиях.

В настоящей статье мы хотели обратить внимание на некоторые любопытные топонимы и этнонимы, встречающиеся еще в Средней Азии и являющиеся отголосками ранних этапов этногенеза ее народов или ранних периодов ее политической истории. Эти топонимы и этнонимы выделяются яркими пятнами, привлекая внимание исследователя, на общем фоне перечня селений ряда среднеазиатских республик в Материалах Всесоюзной переписи населения 1926 г. и других материалах массового обследования [18; 19], а также при сплошном рассмотрении многочисленнейших родо-племенных делений узбеков, туркмен, каракалпаков, казахов [12; 14; 6; 7].

*

*

*

Если далекий период господства в Средней Азии доиндоевропейских языков оставил в ее ономастике следы, пожалуй, лишь в виде отдельных топонимов и этнонимов⁵, то значительно больше следов в ономастике оста-

⁵ К числу таких этнонимов относятся, например, аффикс -ак, -к. Можно привести целый ряд этнонимов с этим формантом, прежде всего названий таких крупных народов Средней Азии, как узбеки, таджики, казахи (казак), каракалпаки, средневекового народа кыпчаков (оставившего следы в названиях ряда родо-племенных подразделений народов Средней Азии), названий родов и племен — итак, барракабак (рода племени мюйтен, вошедшего в состав каракалпаков и узбеков), кара-сирак (род каракалпакских племен колдаулы и мангыт, а также сарматское племя сирак). Немало таких этнонимов и на Кавказе, и в Малой Азии [для периода древности можно назвать, например, такие, как касқи (касқ'а, кашқ'а), мушқ'и, мосинойқ'и, халибақ'и и многие другие] [11, 10, 12, 123, 144]. Таких этнонимов вообще множество, и для периода древности (например, сақ'и, дербиқ'и в Приаралье и др.), и для современности. Не будем их более приводить, чтобы не давать параллелей с названиями народов, слишком отдаленных друг от друга во времени и в пространстве.

Высказывалось мнение, что аффикс -к, -ак является показателем множественности в древних кавказских языках, прежде всего в этнических терминах [25, 4-5, 10 и др.]. И.М.Дьяконов, рассматривая древний переднеазиатский этноним *мушхи*, также обращает внимание на этот аффикс: "Фор-

лось от длительного периода повсеместного распространения здесь древних восточноиранских языков. Специалисты, видимо, могли бы обнаружить немало следов того периода в лексическом составе и грамматическом оформлении современных топонимов и этнонимов Средней Азии, что и делается по отдельным регионам (О.И.Смирнова, А.З.Розенфельд) [21; 22; 23; 20]. Мы же в этой статье хотим обратить внимание лишь на те топонимы и этнонимы, восходящие к названиям древних народов и государств, которые нам удалось обнаружить при знакомстве с массовым ономастическим материалом Средней Азии.

Ко временам обитания на севере Средней Азии и в степях, прилегающих к ней на северо-западе, сако-массагетских и сармато-аланских племен (с середины I тыс. до н.э. до первых веков нашей эры) восходят, по нашему мнению, следующие топонимы и этнонимы:

Название древних *сарматов* сохраняется доньше в топониме *Сармат* (Округ Ташкент, район Верхний Чирчик, население — казахи) [18, 154]⁶ и в этнониме *самат* (название рода каракалпакского племени мюйтен и подразделения казахского рода телеу, Младшего Жуза) [7, 107].

С известным сарматским племенем *сираков* связаны довольно многочисленные этнонимы и топонимы, чаще всего выступающие в форме *кара-сирак*;

кара-сирак — род в составе каракалпакских племен мангыт и ашамайлы.

ма муш-к'и, — пишет он, — могла бы рассматриваться как протоармянское множественное число от муш- (ср. древнеармянский формант множественного числа $-f/k^h$), происхождение которого неизвестно" [11, 223].

Интересно отметить, что в ряде тюркских языков этот формант $-ак$, $-к$ также сохранился в названиях частей тела, причем тех именно, которые имеют множественный (двойственный) характер: ср. каракалп. бармак — пальцы, тырнак — ногти, кырпык — ресницы, аяк — ноги, кулак — уши. Известно, что названия частей тела относятся к основному словарному фонду языка и, как правило, из других языков не заимствуются. Общность древнего аффикса множественности $-ак$, $-к$ (в названиях частей тела, этнонимах) в языках кавказских, тюркских и ряде других, видимо, свидетельствует о том, что был какой-то древнейший пласт, общий и для кавказских, и для тюркских языков, от которого и сохранились до нашего времени эти форманты, что вполне согласуется с теорией "ностратических языков", разработанной в последние годы В.М.Иллич-Свитычем [10].

⁶При дальнейшем изложении для краткости материалы переписи по кишлакам мы будем оформлять так: Сармат — Ташкент, Верхний Чирчик, казахи.

Кара-сирак — название населенных пунктов в следующих районах: Зеравшан, Нарпай, население — узбеки; Самарканд, Паст-Даргом, узбеки; Самарканд, Джизак, узбеки; Ташкент, Пскент, курама; Ташкент, Мирзачуль, узбеки; Кашка-Дарья, Кассан, узбеки.

Сирак — Кашка-Дарья, Гузар, узбеки.

Джуван-сирак — Ташкент, Мирзачуль, узбеки.

Катта-сирак — Фергана, Беш-арык, узбеки и др. [18, 297, 169, 188].

Столь широкое распространение этнонима сирак по Узбекистану (охватившее Хорезмский оазис, долину Зеравшана, Ферганскую долину, область Ташкента), видимо, связано с расселением здесь племен дештикипчацких узбеков, сохранивших в своем составе родо-племенные группы с этим названием, дошедшим до нас из древности⁷.

К тому же периоду, по-видимому, восходит сохранившийся в башкирской ономастике этноним *масагут* [16, 157], ведущий свое происхождение от обитавших в южном Приаралье в VII—II вв. до н.э. *массагетов* (как известно из работ Р.Г. Кузеева, среди башкир были группы, тесно связанные своим происхождением с Приаральем и переселившиеся оттуда на территорию Башкирии уже очень рано — в VIII—IX вв. [15]; с ними и мог быть занесен в Приуралье этот древний приаральский этноним).

Название древних *тохаров*, одного из основных племен сако-массагетской конфедерации, захвативших во II в. до н.э. территорию древней Бактрии, которая получила по их этническому имени название Тохаристан, сохранилось в топо- и этнонимии, связанной с узбеками и казахами: *Токар* — название селения в округе Бухара (р-н Рометан, узбеки) [18, 56] и *Тохаристан* (Токарыстан, Токарстан) — название рода казахов племени суан (Старший Жуз) [7, 48, 130, 131].

Из ранних ираноязычных этнонимов, оставивших следы в топо- и этнонимии Средней Азии, прежде всего связанной с туркменами и узбеками, следует отметить название древних *аланов*, раскинувших свои кочевья во II—IX вв. н.э. от степей Приаралья до Северного Кавказа. Аланы, составившие основное ядро при формировании осетинского народа, приняли участие и в этногенезе ряда других народов: восточные группы аланов, позже тюркизированных (процесс их тюркизации отмечен великим хорезмийским ученым XI в. ал-Бируни, который писал об аланах, живших в районе Сарыкамыш: "это род аланов и асов, и язык их теперь смешанный из хорезмийского и печенежского"

⁷ Понимание этнотопонима кара-сирак как "қара сыйрақ" ("черная голень", с ряда тюркских языков), по нашему мнению, является типичной "народной этимологией", переосмыслением, приспособлением термина к своим языкам, что очень часто приходится наблюдать в ономастике.

[3, 193-194]), вошли в состав туркмен и узбеков, что нашло отражение в исторической ономастике. Связанные с названием аланов топонимы и этнонимы фиксируются прежде всего в низовьях Амударьи — в Хорезмском оазисе и прилегающих к нему пустынях: на правом берегу Амударьи, в районе Шурахана, Г.П.Снесаревым отмечена община "Кырк алан", на левом берегу, в районе Питнякской луки — канал Алан-яб [24, 31]. О развалинах под названием Ходжа-мияр-алан и русле старого канала с этим же именем на юге Хорезмского оазиса, в урочище Уаз, пишет и Б.И.Вайнберг [4, 45]. Ряд исследователей (Г.И.Карпов, Г.П.Васильева и др.) связывают с рассматриваемым этнонимом название туркменского племени олам (алам) [5, 87], живущего ныне на средней Амударье. К названию асов, т.е. тех же аланов⁸, восходит родовой этноним асс (род узбекского племени кыпчак в левобережном Хорезме, ныне Амударьинский р-н КК АССР) и целый ряд фиксируемых там же топонимов (Асс — Хорезм, Шах-абад, узбеки; Ишбай-ас — Хорезм, Ново-Ургенч, узбеки; Ас, Хусин-ас — Хорезм, Янги-арык, узбеки) [18, 11, 16, 27, 28]⁹.

Не только древние этнонимы сохранились в современной ономастике Средней Азии. Нашли отражение в ней и некоторые названия древних государств. В топонимах Согдиан-бой на территории современной каракалпакской АССР, в районе Шурахана [24, 30], и Сахтиян в Хорезмской области УзССР (Хорезм, Гурлен, узбеки; Хорезм, Ханки, узбеки) [18, 9, 29] отражено название одного из древнейших государственных образований Средней Азии — Согдианы, упоминаемой в источниках, наряду с Бактрией и Хорезмом, уже в середине I тыс. до н.э. и расположенная в бассейнах рек Зеравшана и Кашкадарьи. Видимо, топонимы, связанные с Согдом, отмечаемые на юге Хорезмского оазиса, восходят к поселениям здесь согдийцев, селившихся, возможно, с торговыми целями (широко известны, например, согдийские торговые фактории в Семиречье). Название могущественной Кушанской империи I-IV вв. н.э., границы которой простирались от Хорезма до Индии и Восточного Туркестана, сохранилось в среднеазиатской ономастике в виде топонима Кушан (Андижан, Янги-Курган, узбеки) [18, 225]. Иногда названия древних или раннесредневековых государств (или полунезависимых владений) оказываются запечатленными не в топонимии, а в этнонимии: уже отмечалось в исторической литературе, что название раннесредневекового полунезависимого владения Кердер в низовьях Амударьи сохранилось в названиях ка-

⁸О соотношении терминов алан и ас см., в частности, в работе Ю.С.Гаглойти [8].

⁹Г.П.Васильева считает восходящим к названию асов также туркменское племенное наименование языр [5, 87].

захского рода *кердери* (Младший Жуз) и рода *кердерли* каракалпак-ков-мойтенов [12, 103-104].

Особого рассмотрения заслуживает круг вопросов, связанный с топонимом и этнонимом *митан*, восходящим к лексическому составу некогда широко распространенных в Средней Азии восточноиранских языков. "Компонент *мйсан/мйтан* ..., как известно, восходит к древнеперсидскому *тае-уапа* 'жилье', 'обителѣ', парф. *таеһап*, согд. - *тудп* (давшему в новоперсидском *теһап* 'родина'). На основании письменных источников можно полагать, что появление этого компонента в топонимике Средней Азии относится к парфянскому времени. Особенно широко он засвидетельствован в топонимике Мервского и Бухарского оазиса и Хорезма", - пишет О.И.Смирнова [22, 2]. Об этом топониме (или составном компоненте топонимов) писали и другие исследователи [31, 28-29; 17, 138] ¹⁰.

Термин этот распространен значительно шире, нежели на территории Мервского и Бухарского оазисов, Хорезма и Согда. Как показывают Материалы Всесоюзной переписи населения 1926 г., в Узбекистане этот термин, помимо Хорезма, долины Зеравшана и Кашкадарьи, был распространен также в Ферганской долине и области Ташкента, т.е. практически по всей территории республики. Селения, названия которых содержат этот компонент, зафиксированы, кроме узбеков, у таких их этнографических групп, как курама, тюрки, кыпчаки, а также у таджиков ¹¹. Этноним же *митан* (мойтан), *муйтен*, как мы показали

¹⁰ На круге вопросов, так или иначе связанных с этнотопонимом *митан*, останавливались и мы в ряде своих статей [28; 29].

¹¹ Муйтан - Хорезм, Ханки, узбеки; Карамитан - Зеравшан, Кермине, узбеки; Симитан - Зеравшан, Хатырчи, узбеки; Мирзамитан - Зеравшан, Кара-Дарья, узбеки; Чормитан - Самарканд, Митан, узбеки; Митан - Самарканд, Митан, узбеки; Митан - Самарканд, Булунгур, узбеки; Ак-тепе-Митан - Самарканд, Булунгур, узбеки; Кара-арык-митан - там же; Майгун - Ташкент, Пскент, курама; Урмитан - Фергана, Коканд, тюрки; Митан - Фергана, Коканд, узбеки; Уймаут-митан - там же, каракалпакки; Митан - Андижан, Янги-Курган, кыпчаки; Карамитан - Кашка-Дарья, Бешкент, узбеки; Буриметон - Кашка-Дарья, Китаб, узбеки; Метан-азиз-ходжа - там же; Курган-Рометан - Бухара, Рометан-Хайрабад, таджики; Науметан - Бухара, Бухара, узбеки; Кумрабат-Науметан - там же; Армитан - там же; Зормитан - Бухара, Богоуэтдин, узбеки; Сенджамитан - там же [18, 30, 82, 87, 98, 108, 111, 125, 126, 162, 190, 192, 194, 224, 280, 286, 287, 54, 60, 61, 65, 68]. Написание терминов дается, разумеется, по цитируемым Материалам Всесоюзной переписи населения 1926 г.; очевиден некоторый раз-

в других работах [28; 29], является одним из древнейших родо-племенных названий каракалпаков и узбеков.

В узких рамках небольшой статьи трудно более или менее развернуто высказать и обосновать некоторые гипотезы, возникающие вокруг этого распространенного, восходящего к древности и очень интересного топонима. В самом деле, как могло получиться, что термин, имеющий древнейшее смысловое значение "жилище, дом, обитель", "селение", позже — "родина", одновременно обозначал какую-то родовую единицу, группу людей, в прошлом связанных кровным родством? Остаточные явления такого двойственного смыслового значения этого термина мы непосредственно могли наблюдать в Иштыханском и Булунгурском районах Самаркандской области, где компонент Митан/Мойтэн входил составной частью в названия ряда селений (Митан, Ак-Тепе-Митан, Хош-Тепе-Митан и т.д.), несомненно восходя к согдийскому названию селения *meʾan*, но одновременно этим же термином, абсолютно идентично произносимым, назывались бывшие племенные, ныне этнографические группы в составе зеравшанских узбеков и узбек-каракалпаков (у последних — каракалпак-митан/каракалпак-мойтэн). Можно высказать предположение, что этот термин, очень древнего происхождения, восходит к тем далеким временам первобытнообщинного строя, когда в сознании человека было нерасчлененным, недифференцированным понятие 'место поселения/стойбища' и 'люди, жители этого стойбища'. Позже происходила постепенная дифференциация значения этого термина, с одной стороны, на митан (и его варианты) — 'селение' (древнеиранский, согдийский, парфянский и др.), с другой — митан (мойтэн), мүйтен — первоначально просто 'жители стойбища, люди, народ', а позже — конкретное название определенной племенной (или этнографической) группы. Подобный тип образования ранних форм этнонимов из общего названия 'люди, народ' неоднократно фиксировался учеными [30]¹². Небезынтересно отметить очень широкую территориальную распространенность рассматриваемого этнотопонима и

нобой в написании, в значительной мере объясняемый тем, что в прошлом, при пользовании арабской графикой, существовавшей в Средней Азии до Октябрьской революции и в начале 20-х годов нашего столетия, гласные при написании не обозначались, читаясь в достаточной мере произвольно.

¹²Здесь мы наблюдаем совершенно иное явление, чем в ряде других случаев, когда этноним (генеоним — название племени) и топоним повторяют, дублируют друг друга (племена кыпчак, найман и названия селений Кыпчак, Найман, образованные от этих племенных этнонимов). В этих случаях первичным является этноним, нашедший отражение в топонимии, ставший этнотопонимом.

его многочисленных вариантов, бытующих и за пределами самой Средней Азии, что, видимо, свидетельствует о том, что термин этот существовал у каких-то весьма крупных языковых групп. Впрочем, этот сюжет мог быть бы темой не только отдельной статьи, но даже и большой работы, особенно если принять во внимание, что существует еще такой аспект рассмотрения этого термина (и ему родственных), как проникновение его в иные, неиндоевропейские языковые семьи.

Не рассматривая в этой небольшой статье топонимы и этнонимы, относящиеся по своему происхождению к языкам тюркской группы и в основном связанные с более поздними этапами этногенеза народов Средней Азии, мы скажем лишь несколько слов о некоторых более ранних из них, чье происхождение как будто бы не вызывает сомнений, но относительно языковой принадлежности самих первоначальных носителей этих этнонимов еще не утихли споры между специалистами.

Так, среди родовых названий соседящих и тесно связанных этнически, исторически и культурно с народами Приаралья башкир зафиксирован этноним *хунн* [16, 350, 379], несомненно восходящий к названию *хуннов* (*хуннов*), прокатившихся в свое время грозной волной из степей Центральной Азии через Казахстан в Восточную и Западную Европу, а в Семиречье и Присырдарьинские степи проникавших уже во II—I вв. до н.э. По мнению большинства исследователей, хуннский язык относился к тюркской языковой группе, хотя возможно, что в состав хуннского союза входили и племена, относящиеся к другим группам алтайской языковой семьи. С проникновения хуннов начинается длительный процесс тюркизации значительной части населения Средней Азии.

Еще один раннесредневековый народ, этническая принадлежность которого до сих пор в науке окончательно не установлена, оставивший в ономастике Средней Азии весьма ощутимые следы, — *эфталиты*. В настоящее время большинство ученых пришло к выводу об ираноязычности эфталитов, однако не исключается, что в формировании эфталитов известную роль играли тюркские этнические компоненты [9, 210]. В источниках эфталиты известны под разными названиями ("йе-да", "хептал", "хайтал", "абдел" и др.). В ономастике Средней Азии оставила следы последняя форма этнонима, в варианте *абдал*. Г.П.Васильевой этот этноним зафиксирован среди названий туркменских родов [5, 87], Р.Г.Кузеевым — среди родов башкирских [16, 278]. По Узбекистану же название *абдал* довольно распространено в качестве топонима прежде всего в Хорезме (Абдал-бай — Хорезм, Гурлен, узбеки; Мулла Абдал — там же; Абдаларас — Хорезм, Новый Ургенч, узбеки; Абдал-бова — Хорезм, Багат, узбеки),

но также и в округах Самарканд, Зеравшан, Бухара (Кара-абдал – Самарканд, Пай-арык, узбеки; Ходжа-абдал – Самарканд, Янги-казан-арык, узбеки; Абдаль – Зеравшан, Кара-Дарья, узбеки) [18, 7, 16, 31, 112, 131, 99, 70]. (Как мы видим, некоторые из этих топонимов имеют вторичное происхождение, будучи образованными от личных имен, содержащих компонент "абдал".)

Не останавливаясь на отражении в ономастике Средней Азии этапов этногенеза ее народов, связанных с печенегами, огузами, кыпчаками и т.д., как потому, что это выходит за рамки нашей статьи, так и потому, что эти материалы неоднократно и тщательно анализировались в работах других ученых (С.П. Толстов, Т.А. Жданко, Н.А. Баскаков, Г.П. Васильева и др.), выскажем лишь предположение, что целый ряд топонимов типа Кангыр, Кынгыр и т.п., довольно широко распространенных по Узбекистану¹³, восходят к названию основного печенежского племени Кангар [2, 17], а распространение его связано не столько с проникновением печенегов в глубины среднеазиатской территории, сколько с расселением дештикипчацких узбеков, в какой-то мере включавших в свой состав приаральских и приволжских кангаров.

Таким образом, географическая карта Средней Азии и ее родо-племенная этнонимия (генеонимия) хранят следы разновременных и разноязычных народов, племен и племенных объединений, некогда населявших ее просторы, создавших ее историю и в той или иной мере принявших участие в этногенезе народов, ныне ее населяющих.

Литература

1. Абрамзон С.М. Киргизы и их этногенетические и историко-культурные связи. М., 1971.

¹³ Кынгыр – Самарканд, Паст-Даргом, узбеки; Кынгыр – Самарканд, Янги-казан-арык, узбеки; Кунгур – Самарканд, Булунгур, узбеки; Байкунгур – Самарканд, Янги-курган, узбеки; Кунгур-бай – Самарканд, Заамин, узбеки; Кангыр – Фергана, Коканд, узбеки; Кунгурдак – Ташкент, Янгиюль, казахи; Конгурберг – Ташкент, Средний Чирчик, казахи [18, 120, 131, 124, 135, 139, 191, 153, 155, 159]. Понимание этого этнотопонима как "гнедой" (кунгур), из тюркских языков, по нашему мнению, является типичным переосмыслением и некоторым видоизменением, приспособлением термина к семантике современных тюркских языков Средней Азии.

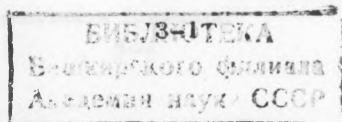
2. Константин Багрянородный. Об управлении государством. Известия византийских писателей о Северном Причерноморье. Пер. В.В.Латышева. — "Изв. ГАИМК". Вып. 91. М.—Л., 1934.
3. Абу Рейхан ал-Бируни. Тахдид нихайат ал-амакин ли-таских масафат ал-Масакин. Цит. по переводу С.Волина. — ВДИ, 1941, № 1.
4. Вайнберг Б.И. Топонимика как источник по истории туркмен Хорезма. — Топонимика Востока. М., 1962.
5. Васильева Г.П. Этнографические данные о происхождении туркменского народа. — "Советская этнография". 1964, № 6.
6. Винников Я.Р. Хозяйство, культура и быт сельского населения Туркменской ССР. М., 1969.
7. Востров В.В., Муканов М.С. Родоплеменной состав и расселение казахов (конец XIX — начало XX в.). А.—А., 1968.
8. Гаглойти Ю.С. Аланы и вопросы этногенеза осетин. Тбилиси, 1966.
9. Гафуров Б.Г. Таджики. Древнейшая, древняя и средневековая история. М., 1972.
10. Долгопольский А.Б. Какие языки родственны европейским? — "Наука и человечество. 1971-1972". М., 1971.
11. Дьяконов И.М. Предыстория армянского народа. Ереван, 1968.
12. Жданко Т.А. Очерки исторической этнографии каракалпачков. — "Труды Института этнографии АН СССР". Новая серия. Т. IX, М.—Л., 1950.
13. История Узбекской ССР. Т. 1. Таш., 1967.
14. Кармышева Б.Х. Очерки этнической истории южных районов Таджикистана и Узбекистана. М., 1976.
15. Кузеев Р.Г. Уральско-аральские этнические связи в конце 1 тыс. н.э. и история формирования башкирской народности. — Археология и этнография Башкирии. 4. Уфа, 1971.
16. Кузеев Р.Г. Этнический состав, история расселения и происхождение башкирского народа. Докт. дисс. Уфа, 1971.
17. Лившиц В.А. Иранские языки народов Средней Азии. — "Народы Средней Азии и Казахстана". Серия "Народы мира. Этнографические очерки". Т. 1, М., 1962.
18. Материалы Всесоюзной переписи населения 1926 г. в Узбекской ССР. Вып. 1. Поселенные итоги. Самарканд, 1927.
19. Материалы по районированию Средней Азии. Кн. 1. Территория и население Бухары и Хорезма. Ч. 1. Бухара. Ч. 2. Хорезм. Таш., 1926.
20. Розенфельд А.З. Топонимика Ванджа (Горно-Бадахшанская автономная область Таджикской ССР). — Топонимика Востока. М., 1962.

21. Смирнова О.И. Вопросы исторической топографии и топонимики верхнего Зеравшана. — Труды Согдийско-Таджикской археологической экспедиции. Т. I. Материалы и исследования по археологии СССР. № 15. М.-Л., 1950.
22. Смирнова О.И. К вопросу о среднеазиатских культах. Из среднеазиатской топонимики, рукопись.
23. Смирнова О.И. Очерки из истории Согда. М., 1970.
24. Снесарев Г.П. Объяснительная записка к "Карте расселения узбеков на территории Хорезмской области (конец XIX — начало XX в.)". — Хозяйственно-культурные традиции народов Средней Азии и Казахстана. М., 1975.
25. Соколов А.А. Основные этапы истории каракалпаков. По данным народных преданий каракалпаков и других памятников "живой старины". Рукопись в Архиве Каракалпакского филиала АН УзССР, 1933.
26. Толстов С.П. Основные проблемы этногенеза народов Средней Азии. — Сов. этнография (сборник). 6-7, М.-Л., 1947.
27. Толстов С.П. По следам древнехорезмийской цивилизации. М.-Л., 1948.
28. Толстова Л.С. Древнейшие юго-западные связи в этногенезе каракалпаков. — "Сов. этнография", 1971, № 2.
29. Толстова Л.С. Некоторые вопросы исторической ономастики Хорезмского оазиса. — Этнография имен. М., 1971.
30. Чеснов Я.В. Ранние формы этнонимов и этническое самосознание. — Этнография имен. М., 1971.
31. Шишкин В.А. Варахша. М., 1963.

193219

3798

Б-37569

Б.Х. Кармышева

СЛЕДЫ СРЕДНЕВЕКОВЫХ ЭТНОНИМОВ И АНТРОПОНИМОВ В УЗБЕКСКИХ ГЕНЕАЛОГИЯХ (*ас, кышлык, урус*)

Часть узбекского народа, как известно, вплоть до 20-х годов нашего столетия сохраняла в пережиточной форме традиции родо-племенного деления. Фиксация многочисленных узбекских родо-племенных названий (генеонимов), а также привлечение их в качестве одного из важных источников для изучения истории формирования узбекской народности были начаты еще дореволюционными исследователями. Работа эта продолжается и в наши дни. Многие узбекские племена и роды (включая и мелкие подразделения) носили имена народов и племен, хорошо известных в древности и особенно в средние века и вошедших впоследствии в состав ряда тюркских народов (см. статью Л.С.Толстой в настоящем сборнике). Встречаются среди узбекских генеонимов и такие, которые обязаны своим происхождением именам отдельных исторических лиц. В данном сообщении мы остановимся лишь на трех этнонимах — *ас, кышлык и урус*. Два последних, насколько нам известно, не рассматривались в литературе. Упоминание названия *ас* в рукописных сочинениях XVI—XVII вв. в качестве узбекского племенного имени вызвало сомнения у некоторых медиевистов, что и побудило нас обратиться к нему.

В известном историческом сочинении Камал ад-дина (Шер-) Али Бинаи (1453–1512) "Шайбани-наме" неоднократно перечисляются имена ближайших сподвижников Шайбани-хана с указанием племенной принадлежности каждого из них. Комментируя одно из таких мест этого памятника по последнему переводу на русский язык, осуществленному К.А.Пишулиной [22, 111], В.П.Юдин высказал сомнение относительно правомерности упоминания народа *ас* в указанном сочинении на том основании, что Бинаи, по мнению В.П.Юдина, ошибочно прочитал в аноним-

ном труде "Таварих-и гузида - Нусрат-наме"¹ اسدين *асдин* "из ас [ов]" вместо اندين *андин* "затем", ибо в этом предложении, как считает В.П.Юдин, в "Таварих ..." слово *андин* написано без точек над нуном и вместо одного зубчика для нуна начертана довольно длинная линия, которую можно принять за растянутый син [22, 509]. Основываясь на этом предположении, возникшем при сопоставлении указанных двух сочинений, В.П.Юдин приходит к заключению о том, что "упоминание народа *ас* в "Шайбани-наме" является плодом недоразумения, которое некритично было воспринято исследователями нашего времени" [22, 510], и, исходя из этого, в своем извлечении из "Таварих ..." в данном месте вместо "из ас [ов]" переводит "затем" [22, 28].

Нам представляется, что упоминание этнонима *ас* в одном ряду с найманами, дурменами, кущи и другими племенами кочевых узбеков как анонимным автором "Таварих ..." (кстати, это слово и в лондонском списке данного сочинения написано достаточно ясно - 29, рис. 284), так и в "Шайбани-наме" Бинаи вполне правомерно, ибо этноним *ас* среди потомков дештикипчацких узбеков сохранился в памяти стариков вплоть до наших дней в качестве названия одного из подразделений племени сарай и хорезмских кыпчаков². Согласно народным преданиям, записанным А.Д.Гребенкиным в начале 1870-х годов, основным местом расселения узбеков-сараев была Балхская провинция, откуда они двинулись на север и заселили степи около Гузара и степь, лежащую между Карши и Джамом (самаркандским), а часть их, перевалив через отроги шахрисябзских гор, расселилась в каттакурганской степи, куда, по словам А.Д.Гребенкина, из десяти основных подразделений сараев пришли только два - *джаман-ас* и *токбай* [7, 89].

В тех же местностях сараи были зафиксированы в 1924-1925 гг. Комиссией по районированию Средней Азии. При этом в Шахрисябзском оазисе наряду с другими подразделениями был зарегистрирован род *аз-сарай* [24, 191]. Однако этнографические исследования, проведенные нами в 1967 г. в Самарканд-

¹ По мнению большинства исследователей, труд Бинаи "Шайбани-наме" является переложением на персидский язык анонимного тюркоязычного сочинения "Таварих-и гузида - Нусрат-наме" [29]. Некоторые ученые (в частности В.П.Юдин) придерживаются того мнения, что автором последнего труда был сам Шайбани-хан [22, 10-13].

² Узбеки-асы в Хорезме К.Л.Задыхиной приводятся в числе крупных племен, в одном ряду с племенами кыпчак, найман и т. [10, 765], однако в дальнейшем К.Л.Задыхина о них ничего не говорит. Л.С.Толстой (см. статью в настоящем сборнике) и К.Ш.Шаниязовым [36, 148] асы названы одним из родов кыпчаков Хорезма.

ской области (в том числе в Джаме, в значительной мере заселенном потомками сараев), позволили установить, что сами представители этой группы узбеков произносят не *аз-*, а *ас-сарай* (*ас-сарйй*), считая первопришельцем в Джам некоего Ходжакул-ас'а. Такое же произношение записано Х.Данияровым [8, 80] и К.Кубаковым [17, 14] в Кашкадарьинской области. Название *ас* фигурирует и в списке 32-х "главных" узбекских племен, опубликованном А.Вамбери [5, 302].

Этноним *ас* закреплён и в топонимии Узбекистана, особенно Хорезма (см. статью Л.С.Толстовой в данном сборнике).

Этнонимы и топонимы с основой *ас* или *аз* зафиксированы на обширной территории от Алтая и до Урала, Кавказа и Крыма. Обзор противоречивых взглядов, существующих по вопросу об их происхождении, приведен в книге Р.Г.Кузеева [18, 228–230]. Следует подчеркнуть, что попытки усмотреть в топонимах основу *ас* не всегда бывают достаточно аргументированными [15, 66].

Слово *ас* вызвало сомнения и у М.А.Салахетдиновой при переводе с персидского на русский язык сочинения XVII в. "Дастур ал-мулук" Ходжа Самандара Термези [34]. В примечаниях к 21-й главе этого труда М.А.Салахетдинова пишет: "Не совсем ясно значение слова *ас*, прибавляемого при упоминании некоторых лиц, принадлежащих к разным племенам: Хуррам-бий парваначи *ас*, Гаиб Назар-бий сарай *ас*, Махмуд-бий катаган *ас*" [34, 194].

В рассматриваемом сочинении название *ас* прибавлено к именам четырех лиц: Гаиб Назар-бия аталыка – к его имени прибавлено один раз *ас* [34, 142] и четырежды – сарай [34, 90, 91, 116, 126]; Хуррам-бия хаджи парваначи – прибавлено четырежды *ас* [34, 78, 82, 86, 123]; к имени сына последнего, Мухаммад Хаким бека мирзы – дважды прибавлено *ас* [34, 67, 169], и, наконец, к имени Махмуд-бия парваначи один раз прибавлено *ас* [34, 96], другой – катаган [34, 96].

Отмеченный разнобой, как нам кажется, является показателем того, что асы, бывшие в свое время самостоятельным племенем в составе кочевых узбеков, в XVII в. в Бухарском ханстве (как в Мавераннахре, так и в Балхе) находились на стадии перехода в разряд второстепенных групп, примыкавших (в качестве подразделения) к наиболее влиятельным узбекским племенам, в число которых во времена Ходжа Самандара Термези входили сараи и катаганы. Для узбеков Мавераннахра были характерны одинаковые родовые названия³ в составе двух или нескольких племен. Так что асы могли быть в составе как сараев, так и катаган, тем более что оба этих племени

³ Один из информаторов Х.Даниярова, например, назвал асов среди найманских подразделений – *ас-найман* [8, 89].

жили на одной и той же территории — в Балхской провинции, в бассейне Кашкадарьи и Зеравшана. Не исключено, конечно, что прибавление этнонима *ас* к имени Махмуд-бия парваначи является случайной опiskой автора, вызванной совпадением имен указанных двух биев.

Во время полевых этнографических исследований в Самаркандской области в 1959 г. нами была выявлена немногочисленная группа узбеков, считавших своих предков принадлежавшими к роду *кышлык*. По словам стариков селения Тегирманбаши Каратепинского сельсовета Ургутского района, представители этого рода, помимо данного кишлака, жили еще в нескольких селениях бассейна Кашкадарьи: в двух под названием Кышлык, один из которых расположен в Кайнаре⁴, другой — к западу от Иккабага, и еще в нескольких селениях в районе Джартепа, где по традиции считалось 1000 дворов узбеков рода кышлык. В 1970 г. этноним *кышлык* зафиксирован К. Кубаковым в качестве наименования одного из подразделений племени кенегес [17, 17]. Наши информаторы из упомянутого кишлака Тегирманбаши отрицали свою принадлежность к кенегесам, говоря, что в прошлом кышлыки были самостоятельной племенной единицей. Возможно, что в Китабо-Шахриябзском оазисе, где главенство принадлежало кенегесам, кышлыки включали себя в состав этого довольно аморфного объединения, подобно тому как в Ташкентском оазисе кышлыки входили в состав курама [32, 9]. Западнее Китабо-Шахриябзского оазиса, на территории современного Камашинского района, по данным Б. Джураева, кышлыки не включались в состав кенегесов [9, 163]. Былая самостоятельность этой группы находит подтверждение и в письменных источниках: в памятнике XVI в. "Маджму' ат-таварих" название *кышлык* включено в список узбекских племен [27, л. 116]. Встречается оно и в ряде других списков такого рода [23, 212; 33, 62; 4, 554].

Происхождение этого племени, видимо, было связано с историческим лицом, Кышлык-тарханом. Как повествует Рашид ад-дин, у Екэ-Чэрэна, одного из старших эмиров Онг-хана, был табунщик по имени Кышлык. Он со своим нукером Бадаем предупредил Чингиз-хана о заговоре Онг-хана и его сына Сангуна. "С той поры и доньне, — пишет Рашид ад-дин, — они, их племя и род стали и есть тарханами⁵ и старшими эмирами" [26,

⁴ По данным А. А. Куна, относящимся к 70-м годам прошлого столетия, Кайнаром называлось все южное предгорье Каратепинских гор [19, 205]. Это название бытует и ныне. Здесь А. А. Куном было отмечено селение Кышлык в 20 дворов, населенное узбеками [19, 206].

⁵ О термине *тархан* см. 22, 497.

124; 22, 495]. Авторы XV — начала XVI в. и даже первой половины XVII в., упоминая отдельных лиц из потомков Кышлыка, обязательно оговаривают их происхождение от этого лица [29, рис. 262, 269, л. 96б; 22, 16, 20, 264, 265]. Например, потомком Кышлыка был тимуридский правитель Туркестана Мухаммад Мазид-тархан, на дочери которой был женат Шайбани-хан, а также тимуридский же правитель Бухары Абд-ал-Али-тархан, у которого в годы своего скитальчества нашел приют и покровительство молодой Шайбани-хан [22, 365, 366]. Думается, что в народе постепенно потомков Кышлыка стали называть не описательно "сыновья/потомки Кышлыка" قشلق اولاد لارى, как это в источниках [29, рис. 262, 269], а именовали просто кышлыками, что вытекает и из сочинения Абулгази [38, 54, 55].

В Узбекистане имеется несколько населенных пунктов с названием Урус (в узбекском произношении Орыс//Орис), что буквально значит "русский": Урус-кишлак в Мианкале [20, 31], одноименное селение вблизи Китаба [21, 288], зафиксированное еще А.А.Куном [19, 205], Урис в Яккабагском районе [21, 294]. Все они населены узбеками. Кроме того, это же название встречается в форме Урусон (он — показатель множественности в таджикском языке): селение под Бухарой и один из кварталов этого города [28, 179].

По всей видимости, о первом из перечисленных селений в начале XX в. писал А.П.Шишов: "Один из кишлаков этой плодородной страны известен под именем Урус, т.е. русский, в память беглых московских людей" [37, 11]. Современное население этого кишлака узбеки, в прошлом относившиеся к племени найман.

О происхождении квартала Урусон города Бухары, а также селения под этим названием существуют два мнения. О.А.Сухарева связывает их с возможным оседанием в Бухаре и его окрестностях некоторого числа русских пленных и постепенным слиянием их с местным населением [28, 179]. С.Караев, ссылаясь на Н.А.Кислякова, считает этот топоним видоизмененным названием Арусон ("невесты", "новобрачные") по аналогии с такими наименованиями, как Хавзи Арусон, Хавзи Арусони кухня, встречающимися в бухарских документах XIV в. [16, 126, 127; 35, 135-138 и др].

Что касается Урус-кишлака под Китабом, населенного узбеками, относившимися в прошлом к роду урыс племени кенегес, то местные работники и картографы ничтоже сумняшеся переделали его название на Рус-кишлак//Рус ("русский" в современном литературном языке, как узбекском, так и таджикском)⁶.

⁶ Указатель на трассе Большого узбекского тракта; карта "Кашкадарьинская и Сурхандарьинская области", изданная в Москве в 1970 г.

Нам представляется, что топоним Урус, Урыс действительно этнонимического происхождения, однако он никакого отношения к русским не имеет, а является отражением в топонимии названия одноименного узбекского рода. Подразделения под этим названием зафиксированы в составе узбекских племен конграт [33, 58; 14, 91] и кенегес [9, 161]. Он фигурирует в числе узбекских племен и в вышеупомянутом сочинении "Маджму' ат-таварих" [27, л. 116, 326]. Еще одним доказательством нашей правоты является наличие рода *урус/орыс* у казахов и каракалпаков, причем у казахов он зафиксирован рядом исследователей. Наибольшую ценность для нас представляют данные, приведенные Н.А.Аристовым, согласно которым род *урус* был: 1) в Среднем жузе среди кереев на Черном Иртыше — *абак-керей — джантекей — урус* (в порядке от наиболее крупного объединения к более мелким родовым группам) [1, 354]; 2) в Младшем жузе среди трех племен — у *жетиру* (семиродцы) — *табын — таракты — джилкычы — урус* [1, 384; 31, 75]; у *байулы — берш — исык — урус* [1, 380]; у *алимулы — чекли//чекти//шекти — урус* [1, 384; 31, 74; 6, 104].

Примечательно, что *абаклы* и *тараклы*/*тараклы* (*абак-керей* и *таракты* у казахов) являлись наиболее крупными подразделениями узбеков-кенегесов Шахрисябзского оазиса [24, 192], на что в свое время обратил внимание, вслед за Н.А.Аристовым [1, 424], И.П.Магидович [24, 193–194]. В состав кенегесов (а также узбеков-конгратов), помимо *абаклы*, вошел еще один керейский род — *ачамайлы* [24, 193]. Узбеки-кенегесы в 1920-х годах были расселены не только в Шахрисябзском оазисе и прилегающих к нему предгорьях (здесь они составляли большинство узбекского населения) [24, 266], но и в небольшом числе в Бухарском оазисе, включая район Кермине [24, 192–193], т.е. там, где встречается топоним Урус. Не исключена возможность, что ранее небольшие группы кенегесов жили и в Мианкале, о чем говорит присутствие здесь топонима Урус-кишлак. Это тем более вероятно, что в Кермининском и Бухарском оазисах и в районе Каттакурмана был расселен еще один род из жетиру — *тама*, который, так же как и упомянутый таракты, у узбеков входил в состав учуру [24, 196; 20, 40].

Если обратимся к алимулинскому роду *шекти*, подразделением которого является *орыс*, то заметим любопытную деталь: в составе алимулы, наряду с *шекти* и другими, присутствуют еще подразделения *каракесек* и *карасакал* [1, 384; 6, 82]. Одноименные селения имеются в Узбекистане и Таджикистане: *Каракесек* в Самаркандской области в районе Челека [20, 68] и *Карасакал* в районе Уратепа [20, 84]. Для нас существенно то, что род *шекти*, по мнению В.В.Вострова, имеет генетическую связь с аргынами и найманами [6, 105], которые в большом

числе и неоднократно вливались в состав узбекского народа. Их компоненты, как и ряда других племен Среднего жуза, широко представлены в узбекских генеалогиях [24, 175–179; 13, 17].

Род орыс присутствует еще в двух подразделениях казахов-жетиру: 1) *кердери-смай-колтай-орыс* [6, 83] и 2) *табын-чомишти-джылкышы-бозтай-джанкоса-орыс* [31, 74]. Происхождение кердери ряд ученых ведет из Приаралья [6, 83–84], с которым неразрывно связана этническая история не только казахов и каракалпаков, но и узбеков. Из табынских родов еще один – *тортуул* – имеется и среди узбеков [13, 9].

У каракалпаков интересующий нас этноним представлен в следующей последовательности: *он-торт-уру-шомишли-орыс* [12, 785], т.е. является подразделением того же рода *чомишли*, что и у казахов. Есть он и среди узбеков на Мианкале: *хитай-утарчи-чумичли* [7, 100]. Не исключена возможность, что подразделение *орыс* в узбекских генеалогиях было представлено не только в составе кенегесов и конгратов, но и хитаев, а мианкальский Урус-кишлак был населен не кенегесским, а хитайским родом орыс. Что касается приведенной А.П.Шишовым легенды о возникновении этого селения, то ее следует, несомненно, отнести к разряду позднейшей народной этимологии.

Нам остается рассмотреть еще один топоним – Боги Орыс, что значит буквально "Русский сад" или "Сад русского". Он подмечен Бахромом Ибрагимовым в сборнике купчих крепостей XVI в. "Маджму'а-и васайк", хранящемся в рукописном фонде Института востоковедения АН УзССР [11, 30]. В то время под этим названием был известен, согласно сообщению Б.Ибрагимова, сад под Самаркандом, махалля Ходжа Кафшир. Б.Ибрагимов высказывает различные предположения по поводу происхождения этого наименования: 1) оно могло быть связано с пребыванием русских – сад мог быть при постоянном дворе русских купцов, останавливавшихся здесь, направляясь через Самарканд в другие восточные страны, или здесь могла быть резиденция русского дипломата, или, наконец, сад мог быть посажен рабами из русских; 2) в этом саду мог остановиться Барак-хан, внук золотоордынского правителя Урус-хана, во время своего пребывания в Самарканде при дворе Улуг-бека и сад с тех пор мог получить название Боги-Урус в честь прославленного деда высокого гостя.

Не имея никаких данных о времени появления этнонима *урус//орыс* среди племен Дешти-Кипчака, мы не решаемся связывать топоним Боги-Урус с узбекским родовым названием, хотя и не исключаем такой возможности.

Происхождение этнонима *урус//орыс*, на наш взгляд, скорее всего связано с личным именем, ибо одноименный антропоним был широко распространен среди кочевых узбеков в сред-

ние века [25, 339; 30, 289; 22, 606]. Встречается он и среди моголов [2, 273; 3, 244], а в более раннее время — среди киргизов [26, 151].

Об этимологии антропонима Урус//Орыс трудно сказать что-либо определенное, ибо недостаточно ясен состав гласных в этом имени в средние века. К тому же этот вопрос уже вне пределов нашей компетенции. Хочется лишь отметить, что в каких-то случаях это личное имя могло произойти от этнонима. Дж. Х. Кармышева любезно обратила наше внимание на широко распространенный до недавнего времени среди киргизов и особенно казахов обычай называть новорожденного ребенка именем какого-либо народа, чаще соседнего (Казакбай, Ногайбай, Сартбай и т.п.).

Литература

1. Аристов Н.А. Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей и сведения об их численности. — "Живая старина". Вып. 3-4. СПб., 1896.
2. Бобир Заҳириддин Муҳаммад. Бобирнома. Тошкент, 1960.
3. Бабур-наме. Записки Бабура. Перевод М.Салье. Таш., 1958.
4. Валиханов Ч.Ч. Собрание сочинений в пяти томах. Т. I. А.-А., 1961.
5. Вамбери А. Путешествие по Средней Азии. М., 1874.
6. Востров В.В., Муканов М.С. Родоплеменной состав и расселение казахов (конец XIX — начало XX в.). А.-А., 1968.
7. Гребенкин А.Д. Узбеки. — "Русский Туркестан. Сборник, изданный по поводу Политехнической выставки". Вып. 2. М., 1872.
8. Дониёров Х. Ўзбек халқининг шажара ва шевалари. Тошкент, 1968.
9. Жўраев Б. Юқори Қашқадарё ўзбек шевалари. Тошкент, 1969.
10. Задыкина К.Л. Культура и быт узбеков Кипчакского района Каракалпакской АССР. — "Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции". Т. II. М., 1958.
11. Иброҳимов Баҳром. Боғи Ўрис. — "Гулистон". Тошкент, 1972, № 9.
12. Каракалпакско-русский словарь. М., 1958.
13. Кармышева Б.Х. Узбеки-покайцы южного Таджикистана. Вып. I. Историко-этнографический очерк животноводства в дореволюционный период. — "Труды Института истории, археологии и этнографии АН ТаджССР". Т. XXVIII. Сталинабад, 1954.

14. Кармышева Б.Х. Очерки этнической истории южных районов Таджикистана и Узбекистана (по этнографическим данным). М., 1976.
15. Кармышева Дж.Х. О написании некоторых названий и имен. — "Известия АН КазахССР, серия общественная", 1973, № 3.
16. Қораев С. Географик номлар маъносини биласизми? (Топонимик луғат). Тошкент, 1970.
17. Кубаков К. О некоторых родоплеменных группах узбеков Верхней Кашкадары. — Этнографическое изучение быта и культуры узбеков. Таш., 1972.
18. Кузеев Р.Г. Происхождение башкирского народа. Этнический состав, история расселения. М., 1974.
19. Кун А.А. Очерки Шагрисебаского бекства. — "Записки РГО по отделению этнографии". Т. 6. СПб., 1880.
20. Материалы Всероссийских переписей 1920 года. Перепись населения в Туркестанской Республике. Ч. 1. Поселенные итоги. Вып. 5. Поселенные итоги Самаркандской области. Таш., 1924.
21. Материалы Всесоюзной переписи населения 1926 г. в Узбекской ССР. Вып. 1. Поселенные итоги. Самарканд, 1927.
22. Материалы по истории казахских ханств XV—XVIII веков (Извлечения из персидских и тюркских сочинений). А.—А., 1969.
23. Материалы по истории киргизов и Киргизии. Вып. 1. М., 1973.
24. Материалы по районированию Средней Азии. Кн. 1. Территория и население Бухары и Хорезма. Ч. 1. Бухара. Таш., 1926.
25. Муҳаммад Солиҳ, Шайбонийнома. Тошкент, 1961.
26. Рашид-ад-дин. Сборник летописей. Т. 1. Кн. 2. М.—Л., 1952.
27. "Собрание летописей". Маджмӯ' ат-тавāрих. Подготовил к изданию А.Т.Тагирджанов. — Иранская филология. Вып. 2. Л., 1960.
28. Сухарева О.А. Бахара. XIX — начало XX в. (Позднефеодальный город и его население). М., 1966.
29. Тавāрих-и гӯзида — Нусрат-наме. Исследование, критический текст, аннотированное оглавление и таблица сводных оглавлений А.М.Акрамова. Таш., 1967.
30. Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов относящихся к истории Золотой Орды. 2. М.—Л., 1941.
31. Тынышпаев М. Материалы к истории киргиз-казацкого народа. Таш., 1925.
32. Файзиев Т. Узбеки-курама (в прошлом и настоящем). Автореф. канд. дисс. Таш., 1963.
33. Ханыков Н. Описание Бухарского ханства. СПб., 1843.

34. Ходжа Самандар Термези. Дастур ал-мулук (Назидание государям). Факсимиле старейшей рукописи, перевод с персидского, предисловие, примечания М.А.Салахетдиновой. М., 1971.
35. Чехович О.Д. Бухарские документы XIV в. Таш., 1965.
36. Шаниязов К.Ш. К этнической истории узбекского народа (Историко-этнографическое исследование на материалах кипчакского компонента). Таш., 1974.
37. Шишов А. Таджики. Этнографические и антропологические исследования. Таш., 1910.
38. Histoire des Mogols et des Tatares par Aboul-Ghâzi Bèhâdour Khan, publiée, traduite et annotée par le Baron Desmaisons. T.1. Texte. St.—Pbg., 1871.

С.С. Губаева

ПАТРОНИМИЯ В ТОПОНИМИИ ФЕРГАНСКОЙ ДОЛИНЫ

В Ферганской долине значительное количество небольших селений (кишлаков), а также кварталов (махалля) в крупных селениях носит странные названия: Бакаляр (*бақалар*)¹ букв. "лягушки", Чуджальяр (*чужалар*) букв. "цыплята", Хуккиэляр (*ҳўқизлар*) букв. "быки", Джинниляр (*жийилар*) букв. "ненормальные", Бангиляр (*бангилар*) букв. "наркоманы" и т.д. и т.д. Жители чаще всего не могут объяснить происхождения этих названий или, объясняя, прибегают к семантике исходного апеллятива: селение называется Бакаляр из-за большого количества лягушек в данной местности в былые времена, а название Бангиляр говорит о том, что жители этого кишлака увлекались наркотиками, и т.д.

Сбор материалов в селении Гулякандоз (Пролетарский район Ленинабадской области ТаджССР) несколько прояснил вопрос о происхождении подобного рода "неблагозвучных" названий.

Гулякандоз — большой и довольно старый кишлак. По словам одних информаторов, в селении имеются следующие кварталы: Кунград (*қонград* — название крупного узбекского племени), Чорвок (*чорвоқ* — название узбекского рода), Ахтачи (*ахтачи* — название киргизского рода), Бароз (*бароз* "высокое плато"; квартал так назван по кишлаку Бароз, переселенцами из которого являются жители данной махалли), Махсум (*махсум* — почетное название духовных лиц и их родственников мужского пола), Кичири (*қиҷири*, сокр. из *машқиҷири* "машевая каша"; маш — растение из семейства бобовых), Шугла (*шўғла* или *шавл* "особая рисовая каша с мясом, луком, морковью"), Ташвака (*ташвақа* "черепаха"), Тулки (*тулки* "лиса"), Буриляр (*борилар* "волки"), Бузавляр (*бузавлар* "телята"), Хуккиэляр (*ҳўқизлар* "быки"), Пшякляр (*пшяқлар* "кошки"), Сичконляр (*сиҷқонлар* "мыши"), Илонляр (*илонлар* "змеи"), Каргальяр

¹ В скобках названия даны в транскрипции, предложенной Н.А.Баскаковым [7,9].

(қарчалар "вороны"), Тариктешарлар (тарықтешарлар "протыкающие просо"), Пиёва (пиёва "суп"), Джанджалчи (жанжалчи "скандалист"). По словам других информаторов, в кишлаке имеются следующие кварталы: Тулкияр, Каргальяр, Пшякляр, Халталяр (халталар "мешки"), Бароз, Дусчирилдок (досчирилдок), Гурвот (гөрвот), Пештаг (пештаг), Катта мачит (кәтәмәчит "большая мечеть"), Хатин мачит (хәтинмәчит "мечеть женщины"), Кызыл мачит (қызылмәчит "красная мечеть"), Юкори мачит (юқарымәчит "верхняя мечеть"), Анджирата мачит (әнжирәтамәчит "мечеть Анджирата"), Мадраса (мәдрәсә "медресе"). По словам третьих: Кунград, Чорвок, Ахтаци, Бароз, Шуллоқ (шуллоқ), Дусчирилдок, Халталяр, Бузовляр, Сичконляр, Пшякляр, Куи йули (куийәли "нижняя дорога"), Янги базар (јәнгибазар "новый рынок"), Ташлак (ташлақ "каменистое место"), Янги тегирман (јәнги тегирман "новая мельница"), Гамак тегирман (гәмәк-тегирман "маленькая мельница"), Кази тегирман (қазитегирман "мельница судьи"), Учкувур (учкувур "три желоба"), Сайил джай (сәилжәй "место, где проводили народные гуляния в честь религиозного праздника"). Эти списки, несмотря на их непохожесть, в общем не противоречат друг другу. Такой разнобой в перечислении кварталов может объясняться, во-первых, тем, что Гулякандоз – кишлак растущий. Если Ахтаци, Кунград, Чорвок раньше были местечками в окрестностях этого селения, то теперь они вошли в состав его как кварталы. Поэтому не все информаторы включают их в число кварталов Гулякандоза. Во-вторых, некоторые кварталы имеют по два названия: например, квартал Шуллоқ называется еще Тулкияр, квартал Гурвот имеет второе название Джанджалчи (жанжалчи "скандалист") и т.д.

Поэтому одна группа жителей называет квартал Шуллоқ, другая тот же квартал называет Тулкияр. Но во всех этих списках обращают на себя внимание названия типа Тулкияр, Халталяр, Пшякляр, Ташбокаляр и др. Жителей этих кварталов в данном и окрестных кишлаках также называют тулкияр, халталяр, пшякляр, ташбокаляр, и т.д. По словам информаторов, каждая из этих групп жителей представляет собой один авлод "поколение" или топ "группа, толпа", т.е. семейно-родственную группу, которая ведет начало от одного реального предка (бир отадан тарқалган "разошедшиеся от одного отца"). Члены этой группы называются по прозвищу (ләқәм) предка, родоначальника данного авлода, данной семейно-родственной группы. Живут эти группы кучно, занимая один квартал или часть квартала. Квартал, как видим, называется по наименованию его жителей. Это, по-видимому, не что иное, как патронимия, которая была известна у многих народов и которая обстоятельно была иссле-

дована М.О.Косвенom [16]². Даже если официально существует другое наименование квартала, жители называют махалло или часть ее по прозвищу населяющих ее людей.

Патронимия, как пишет М.О.Косвен, "представляет собой группу семей, больших или малых, образовавшихся в результате разрастания и сегментации одной патриархальной семейной общины, сохраняющих в той или иной форме хозяйственное, общественное и идеологическое единство и носящих общее патронимическое, т.е. образованное от собственного имени главы разделившейся семьи, наименование" [16, 97]. Как отмечает А.И.Першиц, патронимия не только результат сужения до небольшой группы родственников, не только последний остаток архаического рода, но может представлять собой и особую внутриродовую группу [20, 32]. По-видимому, у кочевых в недавнем прошлом народов Средней Азии, у башкир патронимия представляла мельчайшую внутриродовую группу. Возможно, поэтому многие этнографы, специалисты по Средней Азии и Башкирии, называют патронимию родовыми подразделениями. Сравним родоплеменную структуру некоторых народов. У каракалпаков: *уру*, *улкен уру* (племя) → *уру* (род) → *тире* (родовое подразделение) → *коше* (мелкое родовое подразделение, т.е. патронимия [11]. У узбеков-курама: *уру* (племя) → *туп* (род) → *ота* (семейно-родственная группа), т.е. патронимия [32, 7]. У башкир: *ыру* (племя) → *ыру* (род) → *туб*, *тюба* или *аймак* (часть рода) → *аймак* (родовое подразделение) → *тармыт* (группа семей), т.е. патронимия [17, 29-30].

О том, что патронимия естественно становится названием места, населенного определенной семейно-родственной группой, писал М.О.Косвен. И почти все, кто касался вопроса о патронимии, отмечали, что она обязательно находит отражение в топонимии. Причем по патронимии называется не только небольшой населенный пункт или квартал, в котором живут члены данной патронимии, но, по наблюдениям Т.А.Жданко, и урочища — летние пастбища (*жайлау*), и мелкая ирригационная сеть. "Подобно тому, как более крупные арыки (*жаб*) именуются по названиям родов, построивших их, так *салма* — мельчайшие ответвления каналов — называются собственными именами, во многих случаях соответствующими названиями *коше*" [11, 82], т.е. патронимий.

Собранные нами материалы показывают, что отражение патронимии в географических названиях более характерно для кочевых или полукочевых в прошлом народов, чем для оседлых. Так, по данным информаторов, основное население кишлака Гулякандоз составляли узбеки племени *юз (тоза йзбек* "чистые,

² См. библиографию о патронимии у М.О.Косвена [16, 94-96]. Кроме того, о патронимии см. 15; 30, 66-69; 33, 128-129; 21, 79; 10.

настоящие узбеки", как они называли себя; основные роды, живущие в кишлаке: *кокани-карапчи, найман, балочазим, бешбала*) и таджики. Узбеки, по-видимому, более поздние поселенцы кишлака, так как в 70-х годах прошлого века А.И.Макшеев писал, что в "Наусском районе только один населенный пункт Гулякандоз таджикский, остальные все узбекские" [19, 47]. О том, что Гулякандоз населен исключительно "первобытным персидским племенем", т.е. таджиками, писал и А.Вамбери, правда, по расспросным сведениям [4, 189]³. Рассмотренные выше семейно-родственные группы (патронимии) принадлежат узбекам. Любопытно, что таджики и часть узбеков (издавна оседлая часть, которая не знала родо-племенного деления и известна в этнографической литературе под названием "сарты") нам называли кварталы по мельницам, мечетям и прочим объектам, а недавние кочевники — по семейно-родственным группам.

Тюрки⁴ Ферганской долины, полукочевые в недавнем прошлом, состояли в основном из племен *барлас, калътатай* и собственно *тюрков*. Кроме этих племен, они имели массу мелких подразделений: *кокалябаш* (*көкяләбаш* букв. "синеголовые"), *годжляр* (*гөджләр* букв. "не вмещающие голосу разума"), *джиндиляр* (*жиндиләр* букв. "ненормальные"), *бангиляр* (*бангиләр* букв. "наркоманы"), *кынгырляр* (*قىنقىرلәр* букв. "кривые"), *калляр* (*кәләр* букв. "плешивые"), *хаккляр* (*хәккәләр* букв. "сопроки") и др. Отсутствие подобных родовых подразделений у тюрков, живущих за пределами Ферганской долины [9, 79; 18, 200-201; 8; 34, 3-22], а также отрицательная семантика указанных подразделений (правда, это не очень весомый довод, так как многие этнонимы тоже имеют отрицательную семантику) наводит на мысль, что они являются не чем иным, как семейно-родственными группами, получившими название от прозвища не очень отдаленного предка. Все эти подразделения (или патронимии) живут в одноименных кишлаках или кварталах кишлаков⁵.

³ Кстати, само название селения Гулякандоз таджикское. Одноименное селение имеется в Пастдаргомском районе Самаркандской области [33, 32].

⁴ Об этнографической группе "тюрк" имеется ряд работ. Мы ссылаемся лишь на основные [9, 79; 18, 200-201; 8; 34, 3-22; 5, 382-408].

⁵ Разница между махалля и кишлаком в Ферганской долине очень условна. Сами жители почти не видят ее. Их просят назвать махалли, они перечисляют кишлаки и наоборот. Об этом говорят и названия селений, в которых одним из компонентов часто является термин "махалля": селение Арабмахалля, селение Киргизмахалля и т.д. Та же картина, по устному сообщению Б.Х.Кармышевой, наблюдается и в Самаркандской, и Сурхан-

По материалам С.М.Абрамзона, у киргизов патронимии (*бир отанын балдары*) тоже широко распространены. Селятся такие группы также поблизости друг от друга и называют свои поселения, по-видимому, по имени своего предка [1, 33; 2, 152-156]. Судя и по таблицам Я.Р.Винникова, мельчайшие родовые подразделения киргизов являлись не чем иным, как патронимией [6, 136-181].

Приведу только два примера из своего полевого материала. В районе Язъявана Ферганской области в сельсовете Лойсон небольшое селение Когиш (*когиш*) называется так по имени киргиза, который впервые поселился на этом месте. Прошло всего три-четыре поколения с тех пор, пустошь превратилась в небольшой поселок, заселенный потомками первопоселенца, которые называют себя и свой поселок по имени предка Когиш. Другой пример. В сельсовете Кайки Учкурганского района Наманганской области находится небольшой киргизский кишлачок Пичан-топи. Первые жители его прибыли с Чаткала и здесь занимались тем, что выращивали клевер и продавали его в виде сена (*пичан*). Их потомков за это прозвали пичантопи (*пичантопи*) "потомки [продавцов] сена". Естественно и кишлак, где они живут, называется Пичан-топи.

Как уже говорилось, для издавна оседлых групп населения менее характерно называть селение или квартал по патронимии, хотя семейно-родственные группы в пережиточном состоянии могут сохраняться и у них. Кишлак Ворух, например (Ленинабадская область, Исфаринский район, сельсовет Ворух), населен в основном таджиками. Жители делятся на авлоды (поколения), которые называются по имени предка: авлоди Муллобой, авлоди Юсупвой, авлоди Саид и др. Но эти семейно-родственные группы не играют той роли, по-видимому, какую они играют у бывших кочевых народов. Члены патронимии не занимают в этом кишлаке определенную часть селения, а живут и жили, как говорят информаторы, разрозненно. И ни один квартал этого кишлака в Самаркандской области, и в Южном Таджикистане. Порой даже в крупном городе тех районов отдельные кварталы называются "кишлаками".

Если какой-то крупный населенный пункт по каким-либо причинам теряет былое значение, от него откалываются бывшие кварталы и превращаются в самостоятельные населенные пункты, сохраняя свои названия без изменения. И наоборот, незначительный когда-то населенный пункт начинает укрупняться за счет близлежащих кишлаков, которые очень просто и естественно становятся кварталами, опять же не изменяя своих названий (о процессе образования кварталов в позднефеодальном городе см. в работе О.А.Сухаревой "Квартальная община позднефеодального города Бухары", рукопись которой была любезно предоставлена мне автором [29]).

лака не получил название по семейно-родственной группе: Ташкурган "каменная крепость", Калача "крепостца", Таги махалля "под махаллей", Майдан "площадь", Мачити боло "верхняя мечеть", Гузар "квартал или квартальный базарчик", Сарикурум, Сариканда (название подразделения киргизского племени канды [6]), Кучикози, Кучболо.

У горных таджиков Памира М.С.Андреевым, а затем Н.А.Кисляковым были обнаружены родовые группы и более мелкие их подразделения каумы (*каум* араб. "народ, племя, нация, родственник, родич, родня") или кунда (*канда* иран. "пень, обрубок, чурбан, ствол") [3, 18, 14, 21]. Но, как пишет Н.А.Кисляков, род (а значит и патронимия. — С.Г.) "у горных таджиков — это учреждение уже отжившее, сохраняющееся только в виде отдельных пережитков" [14, 26]. Семейно-родственные группы когда-то селились кварталами. Но впоследствии родственные связи ослабли и принцип расселения принял более смешанный характер [14, 25]. Называются кварталы селения Сангвор (о котором пишет Н.А.Кисляков) не по имени семейно-родственной группы, даже если в квартале живут только представители какой-либо одной патронимии, а по каким-то иным признакам [14, 22]. По-видимому, имя семейно-родственной группы (так же как и рода, подразделения) не играет уже той роли у этих таджиков (какую играет у народов, родоплеменные отношения которых были еще недавно сильны), а значит не может служить ориентиром при обозначении местности.

Иное дело, если рядом компактной группой живут представители иной национальности. Тогда квартал или селение получает название чаще всего по национальному признаку. Национальность, пока существуют нации, еще достаточно яркий ориентир даже для издавна оседлого населения. Многочисленны, например, названия типа Киргизмахалля, Узбекмахалля, Тюркмахалля в районах с исключительно таджикским населением.

В этом плане интересен и материал М.Х.Султанова по кишлаку Даштновот в Сурхандарьинской области [26]. Население этого кишлака состояло из узбеков-чагатаев (издавна оседлая часть населения Мавераннахра [13, 17–18]) и тюрков-барласов (одно из племен полукочевых узбеков [9, 79; 18, 200–201; 8; 34, 3–22])⁶. Соответственно Даштновот делился на чагатайскую часть и барласскую. В чагатайской части мечети и махалля назывались по ландшафтному признаку или по объекту: Хирманджой "место, где находится ток", Кутарам боло "верхний акведук", Коронги дара "темное ущелье", Девона кишлак "селение юрдивых", Подахона. В барласской части мечети,

⁶ По устному сообщению Б.Х.Кармышевой, раньше барлаская и чагатайская части Даштновота были самостоятельными селениями.

а следовательно и кварталы, назывались по имени человека, который, надо полагать, был родоначальником патронимии: Мулла Холбой, Турсун-бовабой, Турсун-кассоб, Тош-кассоб.

Некоторым исключением как будто являются материалы Хорезмского оазиса — одной из древнейших оседлых областей Средней Азии. По наблюдениям Г.П.Снесарева, в Хорезме и в наше время сохранилось понятие семейно-родственной группы, которую там называют *лакаб* (букв. "прозвище"). Эти группы обычно живут компактно, имеют общее имя, которое получили по прозвищу или личному имени предка — родоначальника данной патронимии. Квартал или селение, в котором живут члены этой семейно-родственной группы, называется по патронимии (устное сообщение Г.П.Снесарева). Эти семейно-родственные группы имели и общий дом-могилу, название которого также идентично названию лакаба: Таджикляр джамоати [джамоатом именуются здесь, по Г.П.Снесареву, дома-могилы], Черчиляр джамоати, Каляндарляр джамоати и т.д. [24, 64–66]. Думаем, что наблюдения Г.П.Снесарева не противоречат нашему выводу. Благодаря некоторой изолированности Хорезма (Хорезм с трех сторон окружен пустынями Каракум и Кызылкум), здесь, по словам Г.П.Снесарева, сохранились архаизмы в быту [25, 20]. Для Хорезма также "существенное значение имело вековое соседство с кочевой степью — зоной большой консервации ... социальных институтов (например, родо-племенных отношений)" [25, 20]. Кроме того, на консервацию архаических пережитков влияло и ирригационное земледелие, которое, как пишет Т.А.Жданко, "по всей вероятности, даже в большей мере требовало сохранения общинных традиций, чем кочевое скотоводство" [12, 637]. А раз так, то и семейно-родственная группа и ее имя играют у оседлых жителей Хорезма ту же роль, какую играют у кочевых или полукочевых в недавнем прошлом народов. Поэтому вполне естественно, что и селения, и кварталы в этом древнем центре оседлости часто называются по имени семейно-родственных групп, живущих в них.

Известно, что названия патронимий очень часто образуются от личного имени предка. И в топонимии Ферганы они нашли, конечно, отражение. Например, упоминавшийся выше топоним Когийш образован от личного имени родоначальника патронимии. В кишлаке Лойсон (Ахунбабаевский район Ферганской области) один из кварталов называется Ахунбуваатои "поколение Ахунбувы" по имени уже родоначальницы патронимии. В кишлаке Ляган (Ферганский район Ферганской области) один из кварталов называется Ризо, а в кишлаке Араб (Алкарский сельсовет Янгикурганского района Ферганской области) один из кварталов называется Мисовой. Оба этих названия кварталы также получили по именам родоначальников патронимий, живущих в них.

Правда, к анализу топонимов, образованных от антропонимов, надо подходить осторожно, так как от личных имен образуются также и названия принадлежностные, и названия-посвящения. Доверять в таких случаях можно только документу или сведениям, полученным от информаторов на местах. Но тем не менее, надо иметь в виду, что определенная часть подобных топонимов образована не от личного имени, а от названия семейно-родственных групп.

В Ферганской долине не только в районах расселения недавних кочевников и полукочевников, но и в районах расселения узбеков, не имевших родо-племенного деления, а также таджиков встречаются названия типа Ишантопи "поколение ишана"⁷, Ходжа топи "поколение ходжей"⁸, Бектопи "поколение бека"⁹, Девонатопи "поколение юродивых", Суфиляр "суфии"¹⁰, Мирзаяр (или Мирзоён) "мирзы"¹¹, Шейхляр (или Шайхиён) "шейхи"¹². Все эти названия указывают на то, что в данном селении или квартале жили, а в некоторых живут и сейчас потомки данных сословий. Несмотря на то что социальное положение этих сословий различно, все они выделялись из общей массы населения. Со временем некоторые из них, например ходжа, приобретали даже этнический оттенок [22]. Не случайно население выделяло кварталы или селения, населенные потомками этих сословий, названием, в котором указывается, кто живет в данном населенном пункте. Компонент *-топ*, а также аффикс *-ляр* (*лар*) в данных топонимах позволяют нам отнести их к названиям, образованным от патронимии.

Компонент *топ* (*тўп* тюрк. "группа, толпа") превратился уже в патронимический формант, и мы не сомневаемся в отпатронимичном образовании топонима, если в нем имеется данный финалий. Аффикс же множественного числа *-ляр* (синонимом ему в таджикском языке является *-он*, *-ён*) не обязательно указывает на патронимию. В топонимии Средней Азии эти аффиксы указывают на жителей вообще, на людей определенной профес-

⁷ Ишан — священнослужитель, руководитель суфийского ордена [27, 58].

⁸ Ходжа — действительные или мнимые потомки первых арабских завоевателей. Считали себя священным сословием и противопоставляли себя простонародью [27, 66–67; 28, 184–187].

⁹ Бек — титул знатного лица; правитель какого-нибудь района или города в среднеазиатских ханствах в эпоху феодализма [31].

¹⁰ Суфи — рел. суфий, муэдзин (служитель мечети, призывающий к молитве) [31].

¹¹ Мирза — ист. писарь, писец, секретарь; уст. господин, человек, принадлежащий к привилегированному обществу [31].

¹² Шейх — рел. шейх, духовный наставник [31].

сиональной или этнической группы. В этом случае вопрос может решить семантика исходного апеллятива: топоним Пиллякашляр "кокономотальщики" (от *пиллкаш* "кокономотальщик" + *-ляр*) говорит о том, что в данном квартале, селении жили люди определенной профессии; топоним Арабляр "арабы" указывает на определенную этническую группу, топоним же Халталяр "мешки" может указывать только на патронимию, так как нам неизвестны ни название подобной профессии, ни подобный этноним.

Литература

1. Абрамзон С.М. К вопросу о патриархальной семье у кочевников Средней Азии. — "Краткие сообщения Института этнографии АН СССР". Вып. 28. М., 1957.
2. Абрамзон С.М. Формы родоплеменной организации у кочевников Средней Азии. — Родовое общество. Материалы и исследования. М., 1951.
3. Андреев М.С. К характеристике древних таджикских семейных отношений. — "Известия Таджикского филиала АН СССР". № 15. Сталинабад, 1949.
4. Вамбери А. Путешествие по Средней Азии. СПб., 1865.
5. Винников Я.Р. Современное расселение народов и этнографических групп в Ферганской долине. — Среднеазиатский этнографический сборник. 2. М., 1959.
6. Винников Я.Р. Родоплеменной состав и расселение киргизов на территории Южной Киргизии. — "Труды Киргизской археолого-этнографической экспедиции". I, М., 1956.
7. Вопросник "Диалектологического атласа тюркских языков СССР" [проект]. М., 1969.
8. Гаврилов М.Ф. Материалы к этнографии "тюрок" Ура-Тюбинского района. Таш., 1929.
9. Гребенкин А.Д. Узбеки. — "Русский Туркестан. Сборник, изданный по поводу Политехнической выставки". Вып. 2. М., 1872.
10. Джикиев А. Этнографический очерк населения юго-восточного Туркменистана. Аш., 1972.
11. Жданко Т.А. Очерки исторической этнографии каракалпаков. — "Труды Института этнографии АН СССР". Новая серия. Т. 9. М.-Л., 1950.
12. Жданко Т.А. Патриархально-феодальные отношения у полуседлого населения Средней Азии. — Материалы I Всесоюзной конференции востоковедов в г. Ташкенте в 1957 году. Таш., 1958.
13. Кармышева Б.Х. Некоторые данные к этногенезу населения южных и западных районов Узбекистана. — "Краткие сообщения Института этнографии АН СССР". Вып. 27. М., 1957.

14. Кисляков Н.А. Следы первобытного коммунизма у горных таджиков Вахио-боло. М.-Л., 1936.
15. Кондауров А.Н. Патриархальная и домашняя община и общинные дома у ягнобцев. М.-Л., 1940.
16. Косвен М.О. Семейная община и патронимия. М., 1963.
17. Кузеев Р.Г. Очерки исторической этнографии башкир. Ч. 1. Уфа, 1957.
18. Магидович И. Население. — Материалы по районированию Средней Азии. Кн. 1. Ч. 1. Таш., 1926.
19. Макшеев А.И. Географические, этнографические и статистические материалы о Туркестанском крае. — "Записки РГО по отделению статистики". Т. 2. СПб., 1871.
20. Першиц А.И. Патронимия у арабов. — "Краткие сообщения Института этнографии АН СССР". Т. 13. М., 1951.
21. Рассудова Р.Я. К истории сельской общины в Средней Азии во второй половине XIX — нач. XX века. — "Советская этнография", 1971, № 1.
22. Рассудова Р.Я. Термин *ходжа* в топонимии Средней Азии (см. статью в настоящем сборнике).
23. Снесарев Г.П. О причинах сохранения религиозно-бытовых пережитков у узбеков. — "Советская этнография", 1957, № 2.
24. Снесарев Г.П. Большесемейные захоронения у оседлого населения Хорезма. — "Краткие сообщения Института этнографии". Вып. 33, 1960.
25. Снесарев Г.П. Реликты домусульманских верований и обрядов у узбеков Хорезма. М., 1969.
26. Султанов М.Х. Этнографические наблюдения в Сурхандарьинской области. — Материалы по истории Узбекистана. Таш., 1966.
27. Сухарева О.А. Ислам в Узбекистане. Таш., 1960.
28. Сухарева О.А. Бухара. XIX — нач. XX в. М., 1966.
29. Сухарева О.А. Квартальная община позднефеодального города Бухары. М., 1976.
30. Таджики Каратегина и Дарваза. Под ред. Н.А.Кислякова и А.К.Писарчик. Вып. 1. Душ., 1966.
31. Узбекско-русский словарь. Под ред. А.К.Боровкова. М., 1959.
32. Файзиев Т. Узбеки-курама (в прошлом и настоящем). Автореф. канд. дисс. Таш., 1963.
33. Этнографические очерки узбекского сельского населения. Под ред. Г.П.Васильевой и Б.Х.Кармышевой. М., 1969.
34. Кармышева Б.Х. Этнографическая группа "тюрк" в составе узбеков. — "Советская этнография", 1960, № 1.

Э.М. Мурзаев

ТОПОНИМИКА В СРЕДНЕЙ АЗИИ И КАЗАХСТАНЕ

Еще двадцать лет назад топонимическое изучение пяти Союзных республик СССР — Казахской, Киргизской, Узбекской, Туркменской и Таджикской — казалось несвоевременным. Отдельные статьи и небольшие публикации на эту тему рассказывали о частных вопросах, этимологиях случайно выбранных названий или наблюдениях, разбросанных главным образом в исторических трудах наших и зарубежных востоковедов. Интерес к познанию топонимии обнаружили в первую очередь географы, которые иногда удачно, но часто и неудачно, ставили на страницах своих работ топонимические вопросы. Усилия географов на первых порах не встречали поддержки со стороны лингвистов. Правда, топонимическими сюжетами Средней Азии занимались многие известные ученые, начиная от А.Вамбери, В.Радлова и В.Бартольда, но в их исследованиях такие темы были, как правило, не основными, а сопутствующими. Систематическое же изучение географических названий началось только в последние 10–20 лет. При этом важно указать, что значительное количество трудов было выполнено и местными научными сотрудниками — национальными кадрами. Именно о таких работах дальше и пойдет речь.

В наши годы мы стали свидетелями все расширяющегося интереса к массовому изучению географических названий в Алма-Ате, Ташкенте, Ашхабаде, Душанбе, Фрунзе, Нукусе. Необходимо прежде всего сказать похвальное слово в адрес алмаатинских топонимистов, которые достигли выдающихся успехов. В первую очередь следует отметить заслуги пионера казахской топонимики Г.К.Конкашпаева — автора многих интересных работ [23–27], в которых он показал богатство казахской географической народной терминологии, ее участие в образовании собственных названий, выявил монгольские топонимические элементы в Казахстане, установил закономерности тюркоязычной терминологии, систематизировал в словаре топонимы и раскрыл их

этимологию. В этом словаре [25] собрано 2000 географических названий, даны их казахские формы и русские эквиваленты, варианты, семантика, местные географические термины, вошедшие в русскую литературу (*адыр, саз, сырт* и др.); термины, требующие более полного объяснения (*аксай, балкаш, белъ, ирим, кемер* и др.); указатель названий, транскрипция которых нуждается в исправлении¹.

Начало, положенное Г.К. Конкашпаевым, было подхвачено А. Абдрахмановым [4], который дал лингвистический анализ топонимии Казахской ССР на историческом фоне ее образования. В последние годы активность проявил Е. Койчубаев, который специально изучал топонимию Семиречья [21], опубликовал несколько статей о нецветовой сущности компонентов *ак, кара, кок* и *сары* [20], о том, что финалы *-ты* и *-сы* в казахских названиях предположительно могли восходить к тюркским *тау* "гора" и *су* "вода" [22]. Эти вопросы представляются дискуссионными. Этот же автор видит в географических названиях с элементами *аз, каз* — этнонимы: так, топонимы Бегазы и Казбек в Центральном Казахстане образованы ими и могут быть этимологизированы: "высота народов азов или казов", где *бег, бек* "высота, высокий" и сравнимо с *бийик, бейек, биек, буюк* "большой, высокий".

В Киргизской ССР составлен словарь географических названий республики по бассейнам основных рек и озер [14], что позволяет исследователю анализировать исходный материал в суммарном и систематизированном виде. Но топонимических работ здесь опубликовано пока немного. С. Умурзаков познакомил с этимологиями некоторых названий Киргизии и рассказал о терминах, обозначающих горные перевалы в Киргизии [37]: *ашуу, белъ, арт, даван*, каждый из которых несет свою смысловую нагрузку и имеет свой ареал. Кроме них топонимическое значение имеют также: *отмёк, отёк, дарбаза* (тадж. "ворота", "дверь", в переносном значении "проход"), *эмель* (монг. "седло", ср. русское *седловина*). Затем он опубликовал заметку о названии известного своей живописностью озера Сары-Челек, а также озера Сон-Кель и др. [38; 39].

После нескольких небольших статей специальную работу по топонимике Северной Киргизии выполнил Д. Исаев, представив ее к защите на соискание ученой степени кандидата филологических наук [13]. В этой работе предлагаются новые этимологии для таких широко известных названий, как Иссык-Куль, Джеты-Огуз, Ала-Тоо и др., и содержится лексико-семантической классификация топонимов и анализ их лексико-грамматической структуры. Ш. Токомбаев указал на необходимость наименования реки Чу только ниже слияния с р. Сон-Кемин, тогда как

¹ Более подробно см. в нашей рецензии [30].

раньше считали, что она образуется от слияния двух рек: Кочкора и Джуван-арыка [36].

В Узбекистане есть все условия для развития топонимических исследований, которые могли бы оказать существенную помощь в понимании географических названий других республик Средней Азии. Однако такие исследования здесь еще не получили необходимого размаха, но нужно думать, что в ближайшем будущем они достигнут масштаба, соответствующего общему уровню науки в республике. До 1945 г. работы ташкентских ученых, посвященные анализу географических названий, исчислялись единицами. Но в последующее время они уже насчитываются десятками в Узбекской ССР, где сразу же следует отметить двух наиболее известных ученых — Х.Хасанова и С.Караева. Именно Х.Хасанову можно поставить в заслугу широкий подход к пониманию топонимии Средней Азии. В своих многочисленных работах он показал ее богатство. Занимаясь изучением географического наследия выдающихся среднеазиатских ученых прошлого — Махмуда Кашгарского, Бируни, султана Бабура и других, он обнаружил и довел до нас их богатейшее топонимическое наследие. Х.Хасановым опубликована книга "Происхождение географических названий Средней Азии"² [44]. Он много занимался вопросами транскрипции географических названий на узбекский язык [42]. Еще в 1940 г. выступил со статьей, в которой рассматриваются этимологии некоторых топонимов Средней Азии, в частности им сделана попытка объяснения названия "Памир" [41]. В своей докторской диссертации, посвященной анализу географического наследия ученых Средней Азии [45], в книге "Среднеазиатские географы и путешественники" [43] и в ряде статей этот автор много внимания уделил топонимическим темам.

Другой ташкентский ученый, Суюн Караев (С.Қараев), целеустремленно занимается географическими названиями. Его диссертация "Опыт изучения топонимии Узбекистана" [28] содержит много интересных наблюдений, особенно по этимологии названий и семантике узбекских географических терминов. С.Караев напечатал несколько статей по топонимике Узбекистана, но основная его работа — топонимический словарь "О чем рассказывают географические названия" [29]. В этот словарь включены топонимы объектов, лежащих и за пределами Средней Азии, но основное содержание книги посвящено этимологии среднеазиатских названий.

Отдельные региональные топонимические очерки дали А.Ишаев [15] по Хорезму, Р.Х.Халимов по бассейну Кашкадарьи [40] и Ж.А.Хашимов [46] по Нуратинским горам. Большую работу по топонимии Кашкадарьинской области выполнил Т.На-

²Рецензия опубликована С.Атанязовым [5].

фасов [35], который в своей кандидатской диссертации и ряде статей анализирует этимологии, грамматические и лексико-семантические особенности географических названий. Аналогичный труд проделан по Ташкентской области Л.Г.Каримовой [19]. Городская ташкентская микротопонимия представлена в кандидатской диссертации Ш.М.Кадыровой [16].

Топонимика Каракалпакии получила достаточно подробное освещение в работах К.Абдимуратова, который защитил на эту тему кандидатскую диссертацию [2], а затем опубликовал популярную книгу, в которой рассматриваются структура каракалпакских географических названий, их семантика и этимология избранных названий [3]. В отдельной статье [1] он рассказал о происхождении топонима "Нукус", столицы автономной республики, из словосложения Нукус - "десять человек"³.

В Самарканде в январе 1969 г. под руководством В.А.Никонова проведен первый среднеазиатский ономастический семинар, который объединил многих исследователей ономастики Средней Азии.

В Туркмении развитие топонимических исследований связано прежде всего с именем С.Атаниязова (С.Атаниязов), который, защитив кандидатскую диссертацию по топонимике юго-восточной части республики [6], опубликовал подробный топонимический словарь Туркмении [7], а затем популярную брошюру "Язык Земли" [8], в которой автор рассказал о формировании географических названий, о взаимоотношениях топонимики с языкознанием, историей, географией и о географических названиях своей республики. В диссертации автор указал на глагольные конструкции, в последние годы отмеченные разными исследователями и в других тюркоязычных областях Азии. Нужно сказать, что сложные названия, выражаемые целыми предложениями, - категория, как правило, микротопонимическая. При частом употреблении они эллиптируются, упрощаются и тогда перестают быть микротопонимическими.

М.Гельдыханов подготовил кандидатскую диссертацию, в которой собраны туркменские географические народные термины, проведен их семантический анализ и разработана классификация. Известно, что такие термины, как правило, составляют основу очень многих собственных географических имен, почему эту работу по праву можно считать топонимической, тем более, что автор всюду иллюстрирует тот или иной термин топонимом, от него образованным при помощи суффиксации, словосложения или словосочетания. К защите он опубликовал статьи по теме диссертации [10; 11]. О туркменских гидронимах, особенно о терминах, обозначающих типы колодцев, писала З.Б.Мухамедова [34].

³ Развитие этого тезиса и другое решение см. Э.М.Мурзаев [31].

Топонимическое изучение Таджикистана проводилось главным образом русскими учеными: О.И.Смирновой, А.З.Розенфельд, А.Л.Хромовым. Подготовка местных кадров здесь отстала по сравнению с другими республиками. Пока в Таджикской ССР нет сводных топонимических словарей, нет и региональных топонимических исследований. В сводном обзоре А.Л.Хромова об изученности географических названий Таджикистана, который напечатан в 1969 г. [47], среди перечисленных авторов нет ни одной таджикской фамилии. Но о том, что местные научные сотрудники начали работать в топонимическом плане, свидетельствует факт массового сбора географических названий Памира, обладающих, видимо, наиболее консервативными и трудно этимологизируемыми формами. Так, Р.Х.Додыхудоев собрал материалы по микротопонимии Бадахшана [12]. А.Гафуров опубликовал популярную книгу по ономастике [9], где специальный раздел посвящен топонимам. Если личным именам, бытующим среди таджиков, он уделил большое внимание, составив словарь антропонимов, то географические названия Таджикистана оказались вне его интересов. Здесь отмечены только Бадахшан, Вахш, Искандеркуль, Зеравшан.

Насколько мне известно, в ближайшие годы мы увидим новые исследования по топонимике Таджикской ССР. Эти годы уже не за горами.

Таков по необходимости очень краткий обзор топонимических исследований, проведенных научными сотрудниками — казахами, узбеками, каракалпаками, киргизами, туркменами и таджиками. Конечно, в нем не все отражено. Многие статьи, разбросанные в разных журналах или сборниках, оказались не упомянутыми. Но ведь это не библиография, да и нет никакой возможности в небольшой статье рассказать обо всех работах.

Какие же выводы можно сделать из нашего обзора? Постараемся их сформулировать в нескольких пунктах:

1. В наши дни отряд советских топонимистов заметно пополняется учеными — представителями национальностей Средней Азии и Казахстана. Правда, это пополнение пока происходит неравномерно. В деле подготовки кадров в лучшем положении оказались Казахская и Узбекская ССР. Отстают Киргизская и Таджикская ССР. Среднее положение занимает Туркменская ССР. За последние годы резко повысилась топонимическая изученность Средней Азии и Казахстана. Помимо многочисленных журнальных публикаций, появились крупные сводные работы, посвященные всестороннему исследованию географических названий отдельных республик в целом или их крупных частей. Наконец, как итог, синтезирующий сумму известного, публикуются топонимические словари. На эту высшую ступень поднялись уже топонимисты Казахстана, Узбекистана и Туркменистана.

2. Задачи дальнейшего топонимического изучения Средней

Азии сформулированы мною в другой статье [33]. Здесь ограничусь указанием только на необходимость сбора и систематизации массового материала как собственных названий, так и народных географических терминов, семантика которых отнюдь не одинакова в разных, хотя и близких, тюркских языках. Важное значение приобретает и изучение старых и древних источников. Необходимо показать взаимоотношения топонимов с антропонимами и этнонимами, выяснить топонимическую стратиграфию, особенности морфологической структуры географических названий, их этимологию. Все это можно выполнить на хорошем научном уровне, если не замыкаться в узких региональных рамках, если локальный материал интерпретировать на широком поле окружающих районов и стран, в полной мере используя сравнительно-лингвистический и сравнительно-географический методы с учетом исторических данных.

3. На фоне роста топонимики в Средней Азии и Казахстане видны уже некоторые ошибки и штампы, которых нужно избегать. Изучая кандидатские диссертации на топонимические темы, можно заметить удручающее однообразие их плана, а бывает, и самого материала. Наиболее обычная схема таких работ сводится к классификации топонимов (от животных, от растений, от личных имен и т.д.), к лексико-грамматическому анализу (словосложение, словосочетание, суффиксы, частые в тюркской топонимии, -лы, -лык, -ты, -лар), этимологическому анализу отдельных топонимов. Иногда такая схема завершается региональным топонимическим словарем. В принципе трудно возразить против такого плана диссертаций. И первая из них достойна похвалы. Но когда по одной и той же схеме рождаются одна за другой аналогичные работы, в которых меняется только заглавие района исследования, это уже должно настораживать. В таких случаях протоптывается торная дорога для подражательства. Работы выполняются в технологическом потоке и тем самым, к сожалению, теряют новизну, мало способствуя развитию науки.

4. В исследованиях по региональной топонимии наиболее оригинальными оказываются этимологические разделы, в которых авторы пытаются показать происхождение отдельных географических названий, взятых изолированно от других или в ряду себе подобных. Но и здесь намечается одна опасная тенденция. В стремлении переосмыслить бытующие прозрачные этимологии, чтобы обязательно сказать что-то дотоле неизвестное, молодые научные работники предлагают новые решения. Иногда это бывает интересным и оправданным с точки зрения соответствия географическим реалиям. Но нередко приходится сомневаться в правильности таких изысканий. Так, в одной из работ рекомендуется толкование загадочного топонима с айгыр "жеребец", якобы переосмысленного в порядке народной этимологии из айрык

"развиллина". Топонимика тюркоязычных стран, а также и Монголии, где *айгыр* заменяется словом *азрага*, безошибочно говорит о широком применении этого слова главным образом в оронимии и гораздо реже в гидронимии. Если *айгыр* в порядке ложной этимологии заменил *айрык*, то в первую очередь это слово должно было бы присутствовать в названиях рек и каналов. Мне уже приходилось писать на эту тему [32]. Г.К.Конкашпаев остроумно предложил: *айгыр* "жеребец", в составе сложного географического названия приобретает значение "большой" [25]. По нашему мнению, в пользу такого предложения ясно говорит монгольское словосочетание: *азраган бороо* "сильный дождь, ливень", тогда как *бороо* просто "дождь". Нельзя отмахнуться и от топонимов с *байтал* и *бия* "кобыла", образующих единый топонимический ряд. Попытка объяснения слова *байтал* в смысле "сугроб снега" также неубедительна. Что может значить название перевала через Заалайский хребет Ак-Байтал? "Белый снежный сугроб"? Но ведь снег всегда белый! А куда примыкает имя реки Сары-Бия в бассейне Карадарьи? Не так просто это решить.

Другие примеры. Общетюркское *кок* "синий, голубой" рекомендуют понимать как переосмысленное на тюркской почве ираноязычное *кот*, *кух* "гора". Но ведь такие прозрачные топонимы, как Кок-Арт, Кок-Бел и др., имеют определенный географический смысл. К тому же первая позиция слова *кок* в собственных именах позволяет думать о тюркском начале. Ведь известно, что в тюркских топонимах, как правило, первый компонент выступает в роли определения, второй компонент — в роли определяемого.

Монгольское *сувук* "сухое русло, канава" (соврем. *суваг*) предлагается соотнести с тюркским *сай*, *сой*. Между тем здесь видна прозрачная параллель с монгольским *сайр* "сухое русло, иногда мелкое место в реке, галька". Кстати, в Таримской впадине подгорные равнины Куньлуня, сложенные галечным и щебнистым материалом, уйгуры тоже называют *сбями*. Неоправданным мне кажется и попытка понять значение слова *кара*, *хара* во второй позиции тюрко-монгольских оронимов. В МНР они как будто встречаются только в западной части и не отмечаются на востоке республики. Я вижу в этом индоевропейское *гар*, *гора*. Сравним: Гарчистан, Кандагар и многие другие. Сюда же относится главная вершина Заилийского Алатау — Талгар (есть и другие точки зрения). Спрашивается, почему *кара* восходит к тюрко-монгольскому *хыр*, *хыра* "вышенность, плато, поле"? Ведь эти последние термины существуют параллельно и в Монголии и в тюркоязычных странах: *хыр*, *хыра*, *хырат*, *хыра* и т.д. Наличие индоевропейских элементов в топонимии Казахстана — факт очевидный.

Мне трудно согласиться с автором новой этимологии назва-

ния реки Или, по которой этот гидроним связан с тюркским словом *йел* "ветер". Это монгольский (калмыцкий) топоним. Почему такая большая река должна называться "ветром"? В гидронимии неизвестна такая семантика, она ей вообще не свойственна. Тем более, что монгольская и южносибирская гидронимия имеет повторные названия — Ил, Или.

Такие примеры можно продолжить. Однако вряд ли есть в этом нужда. Мне важно было ими проиллюстрировать высказанные положения и тем самым помочь начинающим авторам избежать штампов и ошибок, кажется, неизбежных в любом начинании. По существу, это трудности роста.

Л и т е р а т у р а

1. Абдимуратов К. О происхождении названия "Нукус". - "Вестник Каракалпакского филиала АН УзССР", 1965, № 1 (19).
2. Абдимуратов К. Топонимика Каракалпакии. Автореф. канд. дисс. Нукус, 1966.
3. Абдимуратов К. Почему так названо? (По материалам каракалпакской топонимии). Нукус, 1970.
4. Абдрахманов А.А. Некоторые вопросы топонимики Казахстана. Автореф. канд. дисс. А.-А., 1954.
5. Атаниязов С. Ценная работа по топонимике Средней Азии. - "Известия АН ТуркмССР, серия общественных наук". 1966, вып. 4.
6. Атаниязов С. Топонимика юго-восточного Туркменистана. Автореф. канд. дисс. Аш., 1966.
7. Атаниязов С. Топонимический словарь Туркменистана. Аш., 1971 (на туркм. яз.).
8. Атаниязов С. Язык Земли, Аш., 1971 (на туркм. яз.).
9. Гафуров А. Рассказы об именах. Душ., 1968.
10. Гельдыханов М. Географические термины, связанные с гидрографией Туркменистана. - "Проблемы освоения пустынь". Аш., 1967, вып. 6.
11. Гельдыханов М. Гидрографические термины Туркменистана. - Местные географические термины, М., 1970.
12. Додыхудоев Р.Х. К топонимике Западного Памира. - "Известия АН ТаджССР. Отделение общественных наук". Вып. 2 (56). Душ., 1969.
13. Исаев Д. Топонимика Северной Киргизии. Автореф. канд. дисс. Фрунзе, 1972.
14. Исаев Д.И., Токомбаев Ш.Т., Алиев З.А., Мурзахметов С.М. Словарь географических названий Киргизии. Фрунзе, 1962.

15. Ишаев А. Этимология топонимических названий Северного Хорезма. – Филология масалалари. Таш., 1962 (на узб. яз.).
16. Кадырова Ш.М. Микротопонимия Ташкента. Автореф. канд. дисс. Таш., 1970.
17. Караев С. К этимологии топонимов "Шибер" и "Сибирь". – Общественные науки в Узбекистане. Вып. 7, 1966.
18. Караев С. Географические термины в зоне контактирования узбекского, киргизского и таджикского населения. – Местные географические термины. М., 1970.
19. Каримова Л.Г. Топонимы в североузбекских говорах. Автореф. канд. дисс. Таш., 1972.
20. Койчубаев Е. Нецветовая сущность топонимических компонентов *ак*, *кара*, *кок*, *сары*. – Всесоюзная конференция по топонимике СССР. Л., 1965.
21. Койчубаев Е. Основные типы топонимов Семиречья. Автореф. канд. дисс. А.-А., 1967.
22. Койчубаев Е. Казахские географические названия с формантами *-ты* и *-сы*. – Топонимика Востока. М., 1969.
23. Конкашпаев Г.К. Казахские народные географические термины. – "Известия АН КазахССР". Вып. 99 (Серия географическая. Вып. 3). А.-А., 1951.
24. Конкашпаев Г.К. Географические названия монгольского происхождения на территории Казахстана. – "Известия АН КазахССР, серия филологии и искусствоведения". Вып. I (II). А.-А., 1959.
25. Конкашпаев Г.К. Словарь казахских географических названий. А.-А., 1963.
26. Конкашпаев Г.К. Цветовые слова в тюркских топонимах. – Географические науки. А.-А., 1969.
27. Конкашпаев Г.К. Названия типа Ушкара и значения слов Жаксы, Жаман в топонимике Казахстана. – Географические науки. Вып. 4. А.-А., 1973.
28. Кораев С. Опыт изучения топонимии Узбекистана. Автореф. канд. дисс. Таш., 1969.
29. Кораев С. О чем рассказывают географические названия. Таш., 1970 (на узб. яз.).
30. Мурзаев Э. Топонимика в Казахстане. – "Известия АН СССР, серия географическая", 1964, № 6.
31. Мурзаев Э.М. О происхождении названия "Нукус". – "Вестник Каракалпакского филиала АН УзССР", 1968, вып. 2.
32. Мурзаев Э.М. Географическая семантика некоторых тюркских топонимов. – Ономастика Поволжья. Ульяновск, 1969.
33. Мурзаев Э.М. Задачи топонимического изучения Средней Азии. – "Известия Киргизского Географического общества". Вып. 8, 1970.

34. Мухамедова З.Б. Естественные и искусственные гидронимы. – Конференция по топонимике северо-западной зоны СССР. Рига, 1966.
35. Нафасов Т. Топонимы Кашкадарьинской области. Автореф. канд. дисс. Таш., 1968.
36. Токомбаев Ш.Т. Об одной ошибке в топонимике Тянь-Шаня. – "Известия Киргизского Географического общества". Вып. 6, 1966.
37. Умурзаков С.У. О киргизских географических терминах, обозначающих перевал. – Всесоюзная конференция по топонимике СССР. Л., 1965.
38. Умурзаков С.У. Киргизские топонимические заметки. – "Известия АН СССР, серия географическая". Вып. 4, 1970.
39. Умурзаков С.У. Топонимические заметки. – Вопросы киргизской терминологии. Фрунзе, 1971.
40. Халимов Р.Х. Топонимика восточной горной части бассейна Кашкадарьи. – Географический сборник. Вып. 1, Казань, 1966.
41. Хасанов Х.Х. Топонимика Средней Азии. – "Совет педагогикаси", Таш., 1940, вып. 5.
42. Хасанов Х.Х. Транскрипция географических названий на узбекском языке. Таш., 1962 (на узб. яз.).
43. Хасанов Х.Х. Среднеазиатские географы и путешественники. Таш., 1964 (на узб. яз.).
44. Хасанов Х.Х. Происхождение географических названий Средней Азии. Таш., 1965 (на узб. яз.).
45. Хасанов Х.Х. Географическое наследие ученых Средней Азии. Автореф. докт. дисс. Таш., 1967.
46. Хашимов Ж.А. Топонимика Нуратинских гор. – Географический сборник. Вып. 1. Казань, 1966.
47. Хромов А.Л. Изучение географических названий Таджикистана в СССР и за рубежом. – "Известия АН ТаджССР. Отделение общественных наук". 1969, вып. 3 (57).
48. Юсупов К. Избранные топонимические вопросы. – Журн. "Ўзбек тили ва адабиёти", 1966, вып. 1 (на узб. яз.).

Г.И. Донидзе

ОТРИЦАНИЕ В ТЮРКСКОЙ ТОПОНИМИИ

К одной из общих закономерностей процессов номинации географических объектов в различных языках следует отнести, как показывают наблюдения, крайне редкое обращение к отрицанию при образовании конкретных топонимов этих языков.

Яркой иллюстрацией сказанного может служить, в частности, тюркская топонимия, в которой отрицательные формы названий встречаются буквально единицами, например, 47 из 6700 по Киргизской ССР [4], и составляют не более 0,7% всех названий, в том числе и повторяющихся, регистрируемых в специальных источниках.

Интересно было бы проследить, как проявляет себя отмеченная закономерность в топонимии отдельных языков и групп языков, наша же цель — попытаться показать основные особенности использования отрицания в географических названиях тюркской группы языков.

Первое, что обращает на себя внимание при знакомстве с материалом, это то, что большую часть отрицательных топонимов тюркских языков составляют названия, закрепленные за физико-географическими объектами. Так из 114 отрицательных названий, зарегистрированных в источниках по топонимии ряда тюркских языков [1; 2; 4; 6; 7; 8; 9], 86 относятся именно к физико-географическим объектам и лишь 28 — к населенным пунктам, при этом часть последних повторяет названия физико-географических объектов.

Заслуживает быть отмеченным здесь еще и то, что соотношение "отрицательных названий физико-географических объектов больше, чем таких же названий населенных пунктов" характерно не только для топонимии тюркских языков в целом, но и, с некоторыми отличиями в абсолютных показателях, для топонимии каждого из этих языков в отдельности. Ср., например, соответственно 13 и 2 по Азербайджану [2], 3 и 1 по Казахстану [9], 10 и 1 по Якутии [6] и т.д.

Вторая из главных особенностей использования отрицания в

географических названиях тюркских языков заключается в следующем.

В тюркской топонимии встречаются названия как с приименным, так и с приглагольным отрицанием, однако предпочтение в ней отдается, как правило, последним, т.е. названиям с приглагольным отрицанием. Так из тех же 114 топонимов, о которых говорилось выше, 93 образовано отрицательными формами глаголов и лишь 21 — отрицательными формами имен.

Следует, однако, иметь в виду, что рассматриваемая особенность, в отличие от первой, может дать и нередко дает значительные отклонения в ту или иную сторону, в зависимости от того, с топонимами какого конкретного тюркского языка мы имеем дело. Так, например, в источнике по топонимии Якутской АССР [6] нам не встретилось ни одного названия с приглагольным отрицанием, а в источнике по топонимии Киргизской ССР [4] — ни одного названия с приименным отрицанием, из чего, правда, вряд ли можно заключить, что в якутской топонимии вовсе нет названий с приглагольным, а в киргизской — с приименным отрицанием, но все же.

Характеристика второй особенности будет неполной, если не отметим еще и то, что, наряду с якутским языком, к названиям с приименным отрицанием более всего тяготеют тюркские языки юго-западной группы, примером чего может служить хотя бы азербайджанский, источники по топонимии которого [1; 2] дают 7 названий с приименным отрицанием из 32 зарегистрированных топонимов в отрицательной форме.

Итак, названия с приглагольным и с приименным отрицанием, с преобладанием первых у определенной группы объектов.

Как и глагольные топонимы в целом [3], названия, образованные отрицательными формами глаголов, представляют собой определительные сочетания слов с полным (определение + определяемое) или же, что встречается наиболее часто, с усеченным (субстантивированное определение) составом компонентов.

В отличие от положительных глагольных топонимов, первый или единственный компонент которых выражается чаще всего причастиями прошедшего времени на *-ған/-ген...* (ср., например, казахские *Қалғанкөл* < *қал-* 'остаться, оставаться', *-ған*, *көл* 'озеро' и *Кескен* < *кес-* 'резать, срезать', *-кен*), первый или единственный компонент отрицательных глагольных топонимов тюркских языков выражается преимущественно причастиями будущего времени на *-ар/-ер,-р* в отрицательной форме, встречающейся в следующих фонетических вариантах аффиксов: *-мас //-мес, -бас //-бес, -пас //-пес* и др.

Примеры: Эстебес-Төр (киргизск. *эсте-* 'помнить, вспоминать' или же 'зевать', *-бес*); Кайтпас (киргизск. *кайт-* 'возвращаться', *-пас*), Күребес (киргизск. *күрө-* 'сгребать лопатой', *-бес*),

Ахмаз (азербайджанск. *ахмаз* 'стоячая вода; пруд' < *ах* — 'течь, протекать, литься', — *маз*) и др.

Причастия на *-ар/-ер*, *-р* в отрицательной форме выступают в роли первого или единственного компонента рассматриваемого типа названий чаще всего не самостоятельно, что было показано выше, а в сочетании с предшествующими им словами, обычно именами существительными в основном падеже, обозначающими, как правило, субъект или, реже, объект действия.

Примеры: Кун-Тийбес-Сай (киргизск. *кун* 'солнце', *тий* — 'касаться', — *бес*); Ат-Чыкпас (киргизск. *ат* 'лошадь', конь, *чык* — 'выходить; взбираться', — *пас*), Окужетпес (казахск. *оқ* 'стрела', *жет* — 'достигать', — *пес*), Қойсоймас (казахск. *қой* 'овца', *сой* — 'резать; сдирать шкуру', — *мас*), Құланөтпес (казахск. *құлан* 'кулан — дикий осел', *өт* — 'проходить; переходить', — *пес*) и много других.

Особняком стоит уже известное всем название острова в Аральском море Барсакелмес, представляющее собой целый условный оборот с причастием будущего времени в отрицательной форме (*бар* — 'идти туда', — *са* — аффикс условного наклонения, *кел* — 'идти сюда, возвращаться', — *мес*).

В исключительных случаях первый или единственный компонент рассматриваемого типа отрицательных топонимов может быть выражен также причастием прошедшего времени на *-ған/-ген...* (*-маған/-меген...*), личной формой глагола в настоящем времени на *-(й) ыр/- (й) ир/- (й) ур/- (й) ур* (*-мыр/-мир/-мур/-мур...*) и, вероятно, другими единицами, например: Қазылмаған (казахск. [10] *қазыл* — 'быть вырытым', — *маған*), Гонагкермур (азербайджанск. *гонаг* 'гость', *көр* — 'видеть, смотреть, замечать', — *мур*) и некоторые другие.

Приименное отрицание в тюркских языках, выражается, как известно, аффиксом *-сыз/-сиз/-суз/-сүз* или же специальным словом *чох* (хакасск.), *суох* (якутск.) и т.д., восходящим к единому источнику и имеющим единое значение "нет; не; без".

Названия, образованные отрицательными формами имен, как и названия, образованные отрицательными формами глаголов, представляют собой определительные сочетания слов с полным (определение + определяемое) или же, что встречается наиболее часто, с усеченным (субстантивированное определение) составом компонентов.

В роли первого или единственного компонента таких названий выступают, как правило, имена существительные в основной форме (при *-сыз/-сиз/-суз/-сүз*) или же в форме принадлежности 3-го лица единственного числа *-ы/-и, -сы/-си...* (при *чох/суох* и т.д.).

Примеры: Сусызқара (казахск. *су* 'вода; река' — *сусыз* 'безводный'); Башсыз (азербайджанск. *баш* 'голова; вершина; верховье' — *башсыз* 'не имеющий вершину', перен. 'бестолко-

вый'), Өткелсіз (казахск. *өткел* 'брод; переправа' — *өткелсіз* 'без брода; без переправы'), Бaлыңа-Суох (якутск. *балык* 'рыба' — *балыба суох* < *балык* — *а суох* 'без рыбы, где нет рыбы'), Отто-Суох (якутск. *от* 'трава' — *отто суох* < *от* — *то суох* 'без травы, где нет травы') и др.

Второй, подвергающийся усечению компонент, т.е. определяемое, названий как с приглагольным, так и с приименным отрицанием выражается в тюркской топонимии обычно именами существительными, обозначающими род называемого объекта, или иначе — географическими терминами, например: Эстебес-Төр (киргизск. *төр* 'высокогорное пастбище'), Күн-Тийбес-Сай (киргизск. *сай* 'русло реки; ложбина'), Сусызқара (казахск. *қара* 'сопка') и т.д.

Некоторые исследователи склонны считать отрицание, в частности приименное — *сыз*//—*сиз*//—*суз*//—*суз*, топонимическим формантом, антонимичным аффиксу —*лы*//—*ли*//—*лу*//—*лу*. Здесь следует подчеркнуть со всей определенностью, что отрицание не несет в себе никаких особых топонимических функций: географические названия в тюркских языках, как, вероятно, и в других, образуются не самим отрицанием — приглагольным или приименным, а словами или с участием слов в отрицательной форме. Что это действительно так, убеждают нас названия типа азербайджанских *Үркмәзи* (*урк*—'пугаться, бояться, встретиться', —*мәз*, —*ли*), *дтјемәзи* (*әт* 'мясо' *је*— 'есть, кушать', —*мәз*, —*ли*), *Сусузлуг* (*су* 'вода', —*суз*, —*луг*) и др. с топонимическими аффиксами —*ли*, —*луг* после отрицательных форм, как правило, не допускающими присутствие второго компонента и относящими данный тип названий к группе однословных аффиксальных топонимов.

В заключение хотелось бы попытаться ответить на следующий вопрос, касающийся нашей темы: чем объяснить столь редкое использование отрицания при номинации географических объектов если не во всех, то по крайней мере в тюркских языках?

Начнем с того, что один из принципов номинации географических объектов состоит, как известно, в отражении в названиях наиболее характерных признаков объектов. Коль скоро это так, то при реализации его важно не то, чего нет в объектах (об отсутствующих признаках можно ведь только гадать), а, главным образом и в первую очередь, то, что в них есть и что выделяет их среди других однородных или неоднородных объектов; отсюда — масса положительных топонимов, отсюда и преобладание отрицательных названий в группе физико-географических объектов, в которой принцип номинации по характерным признакам действует в наибольшей степени и последовательности.

Литература

1. Азербайжан ССР. Инзибати-эрази белгусу [Азербайджанская ССР. Административно-территориальное деление]. Баку, 1961.
2. Азербайтан ССР-ин изахлы тографи адлар лугети [Толковый словарь географических названий Азербайджанской ССР]. Баку, 1960.
3. Донидзе Г.И. Глагольные топонимы в тюркских языках. — Топонимика Востока. Новые исследования. М., 1964.
4. Исаев Д.И., Токомбаев Ш.Т., Алиев З.А., Мурзахметов С.М. Кыргызстандагы географиялык аттардын сөздүгү [Словарь географических названий Киргизии]. Фрунзе, 1962.
5. Картотека географических названий СССР Отдела географических названий ЦНИИГАиК.
6. Комаров Ф.К. Словарь русской транскрипции терминов и слов, встречающихся в географических названиях Якутской АССР. М., 1964.
7. Конкашпаев Г.К. Словарь казахских географических названий. А.-А., 1963.
8. Кыргыз ССР. Административдык-территориялык белунуш [Киргизская ССР. Административно-территориальное деление]. Фрунзе, 1964.
9. Қазақ тілінің орфографиялық сөздігі [Орфографический словарь казахского языка]. Алматы, 1963.
10. Султаньяев О.А. Из наблюдений над глагольными названиями Кокчетавской области. — Филологический сборник Министерства высшего и среднего специального образования Казахской ССР. Вып. 6 — 7. А.-А., 1967.

С.У. Умурзаков

К ИСТОРИЧЕСКОЙ ТОПОНИМИИ КИРГИЗИИ

Давно признана важность и необходимость выявления и изучения древней топонимии любой территории. Историко-лингвистическими и историко-географическими методами можно установить историю возникновения и формирования современной системы географических названий местности, ее структуру, лексику, этимологию. Подобные топонимические исследования дают много ценного для истории, этнографии и географии края.

Территория Киргизии, как любой другой страны, в течение многих веков была ареной сложных исторических событий, оставивших заметный след в ее топонимии. Неоднократные переселения разноязычных народов и племен обусловили многослойность географических названий, возникших в разное время. Выделить из них наиболее древние пласты и изучить их — неотложная задача топонимии.

На современной территории Киргизии нами выявлено около 300 древних географических названий (с вариантами), известных по историческим источникам, начиная с античного времени по XII в. В это число включены и отдельные топонимы соседних территорий, в свое время входивших в состав государственных и административных объединений, центром которых служил Тянь-Шань. Таковы Тараз, Исфара, Сох, Касан, этнонимы *тюргеш*, *карлук*, *ягма* и др.

Из общего количества топонимов на античный период приходится около 40 собственных географических названий, в том числе оронимов 8, гидронимов 6, этнонимов 12. Однако в современной топонимии Средней Азии сохранилось, кажется, лишь 5 названий. Это этнонимы *усунь*, *канглы* и *уш*. В первых двух видят наименования казахского рода *уйшунь* и узбекского — *канглы*¹; *уш* — племя, населявшее в древности Алайскую долину, как полагает А.Н.Бернштам, дало свое имя городу Ош [3, 14].

Уверенно можно сопоставить название города, крепости IV в.

¹ Это племя входит и в состав казахского народа.

до н.э. Шу, расположенной в Чуйской долине, с именем р. Чу. С V в. н.э. известен город Талас (совр. Джамбул), посещенный в 568 г. византийцем Земархом, а затем и Сюань Цзаном (630 г.). Однако река Талас под названием Далуй или Дулай была упомянута еще в I в. до н.э. [6, 166; 4, 13].

Для античного времени можно указать еще три собственных географических имени (Хюсюнь, Чигучэн и Цунлин), являющихся китайской калькой местных названий. Из них *хюсюнь* — другое название племени *усунь* или его западной ветви, жившей в Восточной Фергане [3, 14]; Чигучэн — “город Красной долины”, который обычно размещают на юго-восточном берегу оз. Иссык-Куль, соответствует тюркскому “Кызыл-Суу”. В этом районе в озеро впадают реки Чон-Кызыл-Суу и Кичи-Кызыл-Суу.

О Цунлине (“Луковые горы”) в Танской династийной хронике сказано, что “В горах много каменного лука, отчего и название им” [5, 169]. В действительности в горах Средней Азии горный лук растет почти повсеместно. Только в пределах Киргизии и Восточного Памира встречаются 76 видов лука. Поэтому горы Тянь-Шаня и Памира с давних пор пристраивают тюркоязычными названиями: Кобургенти (“Луковые”), Сарымсакты (“Луковые”), Миязды (“Луковые”), Согонду (“Луковые”) и т.д. Китайцы калькировали эти оронимы на свой лад обобщенным Цунлин.

О языковой принадлежности топонимов античного периода можно говорить пока лишь в общих чертах. Большей частью они зафиксированы в источниках в виде греко-римских (Имаус, Демос, Комеды, Ойхард и др.) и китайских (Ючэн, Эрши, Юйту, Цунлин, Чигучэн и др.) названий. Но в основе эти топонимы несомненно восточноиранского (включая такие названия, как Яксарт, Паркане, Кушан и др.) и тюркского (в том числе *уш*, *кангуй*, *аскатаги* и др.) происхождения.

Для средневековья (V–XII вв.) наш список содержит около 250 собственных географических названий (с вариантами) на территории Киргизии. Из этого числа оронимов 33, гидронимов 45, этнонимов 33. Остальные — названия стран, областей, населенных пунктов и др.

В большинстве своем средневековые топонимы являются тюркоязычными или гибридными (тюрко-иранскими), что отражает тогдашний состав населения страны. Вслед за тюркскими по численности идут имена иранского происхождения (Баркуаб, Заркан, Керван, Некад, Пенджикент, Риштан, Хефтедех, Хуршаб и др.). Арабоязычные названия встречаются гораздо реже и то исключительно в Южной Киргизии, которая в VIII–IX вв. оказалась под игом арабских завоевателей. Таковы: Абардадж, Менара, Насрабад, Неджм, Сейхун, Селат, Хазрет-Аюб и др.

Топонимы, приводимые в китайских источниках, обычно

являются кальками или эквивалентами местных тюркских или ираноязычных названий, что устанавливается по этимологии и местоположению географических объектов. Гора Бада (Баньда) соответствует пер. Бадалъ (Бедель) на хр. Какшаал-Тоо; оз. Жехай ("Теплое море") – оз. Иссык-Куль; Линшань ("Ледяные горы") – хр. Музарт; Агитяхань (Ацзитянь) ("Белые горы") – одно из названий Тянь-Шаня; Чишань ("Красные горы") – Кызыл-Тоо (в системе Терской Ала-Тоо); Бинъю ("Тысяча источников") – Мин-Булак (в Таласской долине); Цинцюань ("Тысяча источников") – Мин-Булак; Чжень-чжухэ ("Жемчужная река") – калька тюркского названия р. Сырдарья (Нарын), зафиксированного в орхоно-енисейских текстах – Йенчу-Угуз и т.д.

Однако расшифровать транскрипцию китайских названий удается далеко не всегда. Анализ двойной номенклатуры (китайской и арабо-персидской) исторической топонимии Киргизии, их сопоставление и локализация затрудняется тем, что китайские названия относятся большей частью к первой половине VII в., а арабо-персидского происхождения – к концу IX в. За это время могло многое измениться, в том числе и географические названия [2, 283]. И действительно, целый ряд топонимов в исторических источниках VI–XII вв. названы по-разному. Город Талас (совр. Джамбул) известен под названием Тараз, Далосы, Хынлос, Гуйлосы и др.; оз. Иссык-Куль – Цинджи, Суй-е, Суйшешуй, Йе-хе, Иссык-Куль, Туз-Куль и т.д.; р. Нарын – Йенчу-Угуз, Чжихэ, Йоша, Нами, Хатлам и др.; город Баласагун – город генерала Пейло, Куз-Орду, Куз-Улуш, Баласагун и др.

Топонимический материал, которым мы располагаем, хотя и значителен численно, но явно недостаточен для суждения о составе и системе географических названий Киргизии того времени. К сожалению, письменные источники донесли до нас ничтожно малую часть исторической топонимии, особенно природных объектов.

Большинство рассматриваемых топонимов имеют двухэлементное строение (определение + определяемое). Простых однословных топонимов единицы. Основные модели: существительное + существительное, прилагательное + существительное, числительное + существительное (Бадал + Арг, Мис + Кан, Ак + Сай, Кара + Сенгир, Хефт + Дех, Мин + Булак и т.д.).

Однако в составе исторической топонимии отсутствуют названия, образованные аффиксами *-лы, -ты, -луу*, многочисленные в современной системе географических названий Киргизии. Письменные источники V–XII вв. не содержат также типичных монгольских слов и терминов типа *гол, даван* и др., которые ныне образуют важный стратиграфический пласт в топонимии страны.

Он возник, видимо, после установления господства монголов в Средней Азии.

Не представлены в исторической топонимии географические названия с компонентом *ата* "отец", служащим для обозначения мест с объектами культово-религиозного характера.

Наиболее употребительной моделью топонимии населенных пунктов выступают иранско-тюркские слова *кент* и *кет* (с вариантами в значении "город", "селение", "деревня": Абсаканд, Адарканд, Ардланкет, Бискенд, Бунджукет, Заркан, Кавакет, Керминкет, Кумбиркет, Невакет, Некад (Наукад), Нузкет, Орду-кент, Пянджикент, Текабкент, Узгенд, Хамукат, Шуйкент, Як-кент и др.).

Речные названия образованы тюркскими терминами *угуз*, *суб/суб/шуб*, персидскими *об*, *дарья*, *руд*, арабским *нахр*, китайскими *тэ*, *чуань*, *шуй* со значениями 'река, вода, поток' (Йенчу-Угуз, Тавушган-Угуз, Джуль-Шуб, Узген-Суви, Хуршаб, Нахр аш-Шаш, Суйшешуй, Чжэхэ и др.); озерные — тюркским словом *кёль* 'озеро' (Сидинг-Кёль, Иссык-Куль и др.), китайскими *чжи* 'озеро' и *тай* 'море' (Жежай, Яньхай, Цинчжи).

Для средневековой оронимии Киргизии самым примечательным является наличие топонимического ряда, образованного термином *арт*. Как собственное географическое название топоним с *арт*. (Иградж-Арт — Внутренний Тянь-Шань) упомянут впервые в X в. автором "Худуд ал-Алам" [16, 61-62, 95-96, 277]. В XI в. это слово выступает уже как продуктивный оронимический компонент в значении 'горный перевал', 'нагорье, гора'. Махмуд Кашгарский [12, т. I, 354, 364 и др., т. III, 39, 136 и др.] приводит 6 топонимов, где *арт* составляет второй элемент сложного географического названия (Бададь-Арт, Букач-Арт, Занби-Арт, Кавак-Арт, Ториг-Арт, Яфгу-Арт).

Топонимы этого типа встречаются на территории Киргизии и поныне, но уже только в виде архаизмов в названиях перевалов и рек, истоки которых лежат вблизи этих перевалов.

Между прочим, топонимы на *арт* сохранились исключительно на современной территории Киргизии, Тувы, Горного Алтая и в прилегающих к Киргизии частях Кашгарии, населенных киргизами. В значении 'горный перевал' он не приводится в словарях уйгурского, узбекского и казахского языков. Есть основание думать, что *арт* являлся словом исконно киргизским или южносибирской (алтайско-саянской) группы тюркоязычных народов. Его нахождение в X-XI вв. в составе собственных географических названий на современной территории Киргизии служит несомненным свидетельством длительного пребывания киргизов на Тянь-Шане по крайней мере с X в. Без этого вряд ли в XI в. могли получить прочную "прописку" на географической карте множество оронимов и гидронимов с компонентом *арт*. Судя по широкому ареалу топонимов этого ряда по

стране, киргизы в то время населяли не только Восточный Тянь-Шань, но и западные и южные районы Киргизии вплоть до верховий Таласа, Ферганы и Алая.

Более углубленное изучение и дополнительное выявление древней топонимии страны даст новый материал для интересных поисков и обобщений по исторической географии, топонимике и в других отношениях.

Литература

1. Абрамзон С.М. Киргизы и их этногенетические и историко-культурные связи. Л., 1971.
2. Бартольд В.В. Соч. Т. II. Ч. 2, М., 1964.
3. Бернштам А.Н. Древняя Фергана. Таш., 1951.
4. Бернштам А.Н. Памятники старины Таласской долины. А.-А., 1941.
5. Бичурин Н.Я. (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. 2, М.-Л., 1952.
6. Зуев Ю.А. Поход гуннского шаньюя Чжи-Чжи на Талас. — "Труды киргизской археол.-этногр. экспед.". Т. 3. Фрунзе, 1959.
7. История Киргизской ССР. Т. 1. Фрунзе, 1968.
8. Караев О. Арабские и персидские источники IX-XII веков о киргизах и Киргизии. Фрунзе, 1968.
9. Молчанова О.Т. Топонимия горного Алтая — источник древней истории Южной Сибири. — Ономастика, М., 1969.
10. Орузбаева Б.О. Словообразование в киргизском языке. Фрунзе, 1964.
11. Умурзаков С. Очерки по истории географических открытий и исследований Киргизии. Фрунзе, 1959.
12. Махмуд Кошгарий. Девону луготит турк. Т. 1-3. Тошкент, 1960-1963.
13. Хасанов Х. Ўрта Осиё жой номлари тарихидан. Тошкент, 1965.
14. Қораев С. Географик номлар маъносини биласизми? Тошкент, 1970.
15. [Hiouen-Thsang]. Mémoires sur les contrées occidentales, traduits du sanscrit en chinois en l'an 648, par Hiouen-Thsang. Vol. 1-2. P., 1857.
16. Hudūd al-'Ālam. Translated and explained by V. Minorsky. L., 1937.

А.Л. Хромов

ТАДЖИКСКАЯ МИКРОТОПОНИМИЯ ДОЛИН ВЕРХНЕГО ЗЕРАВШАНА И ЯГНОБА

Современная топонимия Таджикистана, так же как и топонимия любой другой достаточно обширной территории, представляет собой исторически сложившееся образование, состоящее из пластов разной степени древности и различного языкового происхождения. Среди этих топонимических пластов можно выделить следующие: таджикский, памирский, согдийский, ягнобский (новосогдийский), тюркский (узбекский и киргизский), монгольский, русский.

Таджикская топонимия самая многочисленная; тюркская встречается почти всюду, но наибольшие сгущения наблюдаются севернее Туркестанского хребта, в Гиссарской и Вахшской долинах, а также на Восточном Памире; памирский топонимический слой отмечен на Западном Памире, в Вандже и Дарвазе; ягнобский — в долине реки Ягноб, в северных частях Варзобской долины и Рамита.

В русском топонимическом пласте преобладают названия, возникшие в советскую эпоху: Авангард, Вахшстрой, Октябрь, Пролетарск, Чкаловск и т.д. Из наследства дореволюционного времени остались лишь считанные топонимы (например, Приданово — селение, расположенное в Ленинабадской области недалеко от Советабада).

Особый интерес представляет горная территория, известная в раннем средневековье под именем Буттам, в XIX — начале XX в. именовавшаяся Кухистаном, а ныне входящая в состав Айнинского района Таджикской ССР. Здесь до наших дней сохранился единственный потомок согдийских диалектов — ягнобский язык; в таджикских говорах этого региона прослеживается согдийский субстрат; топонимия сохранила здесь в наибольшей мере согдийский и новосогдийский (ягнобский) слой [3; 4]. Однако и здесь основной пласт составляет топонимия таджикского происхождения.

Таджикская микротопонимия Кухистана во многом отражает общие закономерности микротопонимии Таджикистана.

В структурном отношении в таджикской микротопонимии можно выделить следующие типы:

1) ничем не осложненная основа – существительное: Ағба "Перевал", Ангор "Пашня", Тағоб "Ущелье", Чашма "Источник";

2) топоним-композит; здесь, как и в ягнобской топонимии, преобладает двухосновность; Говхуна "Коровник", Калкӯҳ "Лысая гора", Оғтобру "Солнечная сторона", Пулбоғ "Сад у моста".

Топонимы-компози́ты могут состоять из существительного и основы настоящего или прошедшего времени глагола: Баррата-рош "Место, где стригут овец", Барфгир "Место, где берут снег (для маслобоек)", Санграв "Каменистая осыпь", Санкпар "Камнепад", Говхуфт "Место ночлега коров". Встречаются также композиты, состоящие из числительного и существительного: Дунов "Место двух ущелий", Дуошук "Двое возлюбленных";

3) топоним-словосочетание; здесь мы имеем преимущественно изафетную конструкцию, в которую могут входить существительные, прилагательные и реже причастия прошедшего времени: Барози пойон "Нижний перевал", Боғи Олим "Сад Олима", Гузари боло "Верхний квартал", Мӯри йах "Ледяная лощина", Мӯри тез "Узкая лощина", Мӯри кайкак паридаги "Давно осыпавшаяся лощина"; 4) основа, осложненная топоформантом. Отмечены следующие топоформанты:

1) –а: Барикрахā "Узкая тропа", Дупула "Место с двумя мостами", Себеда "Место, где растут три ивы", Сийанова "Черная лощина";

2) –ак: Барфистак "Место, где скапливается снег", Боғак "Садик", Даштак "Ровная площадка", Заминак "Небольшой земельный участок";

3) –зор: Бутгазор "Кустарник", Лолазор "Место, где растут тюльпаны", Ровазор "Место, где растет трава "рова";

4) –варā, –барā: Катвара "Место, где растет дикий лук", Чукривара "Место, где растет кислячка", Гулвара "Цветник", Ғазвара "Камыш";

5) –(и)стон: Каткистон "Место, где растет дикий лук", Хористон "Место, где растет колючка", Дористон "Сланцевые отложения";

6) –и (после согласных), –ги (после гласных): Сурхи "Местность с красноватой поверхностью", Танги "Теснина", Муғоки "Место, где много ям", Новаги "Место лошин", Дуноуги "Место, где соединяются две лошины";

7) –он, –ўн: Седодарийон "Место трех братьев", Лўлийон "Место цыган", Пастўн "Низины", Вигўн "Место, где растет трава "вигна";

8) –(х)о: Заминако "Земельные участки", Кандаҳо "Рытвины", Сафедорако "Тополя", Себако "Яблони", Шарраҳо "Водопады";

9) –обод: Зиробод, Новобод, Хайробод, Навобод, Зулмобод.

Большинство перечисленных топоформантов восходит к соответствующим словообразовательным суффиксам таджикского языка. Топоформант *-зо* происходит из показателя множественности. Будучи средством топонимического словообразования, *-зо* во многих случаях утратил первоначальное значение множественности как таковое.

Таджикский топоформант *-он* может быть двоякого происхождения: в одном случае он восходит к словообразовательному суффиксу *-он*, происходящему из древнеиранского *-āna*, в другом случае — к показателю множественности *-он* (из древнеиранского *-ānām*). Топонимы с исходом *-ān* распространены на всех ираноязычных территориях. С помощью *-ан* образованы названия населенных пунктов и областей. Не все среднеазиатские топонимы с *-ān* (*-он*) таджикского происхождения. Некоторые из них могут быть этимологизированы на согдийской почве. В этом случае топоформант *-ān* может восходить к согдийскому суффиксу *-ān*, с помощью которого образовывались существительные и прилагательные [7, 157].

Компонент *-обод* (*-абад*) — один из самых продуктивных топоформантов в Средней Азии. Его "специализация" — образование названий населенных пунктов. Можно даже говорить о его интернациональном характере: с его помощью образуют новые топонимы не только в республиках Средней Азии, но и в Иране, Афганистане и Пакистане. Чтобы убедиться в этом, достаточно взглянуть на географические карты или просмотреть соответствующие справочники и путеводители.

Названия с исходом *-ābād*, происходящим из среднеперсидского *-ānām* "населенный", "цветущий" [1, 61], засвидетельствованы на территории современного Ирана уже в раннесасанидский период, в III–IV вв. н.э. [6, 324]. Названия с *-anap* встречались и на территории древней Армении [8, 379; 2, 102]. В Среднюю Азию (Мавераннахр) *-ābād* начинает проникать позже, примерно в VII–VIII вв., в период арабского завоевания и интенсивного распространения здесь персидско-таджикских диалектов. Высокой степени продуктивности топоформант *-ābād* достиг уже в XIII в., о чем прямо сообщает арабский автор Якут: "Но что касается *ābād*: оно часто используется в названиях городов, селений и рустаков в этой книге; например, говорят: Асадабад, Рустамабад, Хуснабад; Асад — это имя человека, а *абад* — название заселенного места по-персидски; следовательно, значение его — "поселение Асада"; таким же образом [объясняется] все, что присоединяется к нему; оно очень употребительное" [9, 42].

В таджикской микротопонимии изредка встречаются названия-предложения, сказуемые которых выражены причастиями прошедшего времени: Султон тарма бурдаги "Место, где снежная лавина унесла Султона", Уткул парйдаги "Место, где сорвался Уткул".

В составе таджикских топонимов наиболее часто употребляются следующие слова:

а) существительные: *ангор* "пашня"; *аъба* "перевал"; *бароз* "небольшой подъем"; *бини* "выступ"; *боло* "верх"; *бед* "ива"; *бог* "сад"; *бурс* "арча"; *гардан* "седловина"; *гузар* "квартал"; *гов* "корова"; "бык"; *гӯр* "могила"; *дашт* "ровное место"; "равнина"; *де* (ҳ) "селение"; *дара* "ущелье", "небольшая долина"; *дарун* "внутренняя часть"; *дор* "сланец"; *замин* "земельный участок"; *йаланг* "равнина"; *йах* "лед"; *йурт* "юрта"; *калла* "вершина"; "верх"; *кабутар*, *кафтар* "голубь"; *камар* "расселина"; *канда* "рытвина"; *катк* "горный лук"; *куҳ* "гора"; *кифт* "боковая часть"; *коза* "шалаш"; *кон* "рудник", "залежи"; *кунҷ* "угол"; *кӯй* "квартал"; *кӯл* "озеро"; *кӯтал* "небольшой перевал"; *лалм* "участок богарного посева"; *марг* "луг"; *мачит* "мечеть"; *маҳалла* "квартал"; *мазор* "мазар"; *матал* "загон для мелкого скота"; *мӯр* "ложбина"; *нов* "лощина"; *об* "река"; "горный поток"; *осийо* "водяная мельница"; *очал* "хлев"; *овул* "леговка"; *паст*, *пасти* "ровная площадка в горах"; *пеш* "передняя часть"; *пул* "мост"; *пушт* "задняя часть"; *рӯпарӯ* "местность, расположенная напротив"; *рӯт* "горный поток"; *рах* "тропа"; *рег* "мелкая галька"; *рем* "черный тополь"; *сар* "верх"; *санг* "одинокий камень"; *сой* "боковое ущелье"; *себ* "яблоня"; *сел* "русло селевого потока"; *таг*, *та* (ҳ) "низ"; *тагиоб* "боковое ущелье"; *тарма* "снежная лавина"; *такка* "горный козел"; *танги* "теснина"; *тег*, *тега* "горный склон"; *тут* "тутовник"; *тӯда* "куча"; *тоба* "плоский камень"; *хавол* "грот, через который протекает вода"; *тампа* "низина"; *хирман* "гумно"; *хор* "колючка"; *хок* "песок"; *чазма*, *чизма* "источник", "ключ"; *чуқурак* "яма"; *шарра* "водопад"; *шах*, *ших* "крупная скала"; *шӯр* "обрыв", "осыпь"; *ялани* "скопление крупных камней"; *гӯт* "большой камень"; *қал'а* "крепость"; *қаландар* "отшельник"; *қаловур* "сторож", "дозорный"; *қарг* "скопление мелких камней"; *кутан* "загон для скота"; *курум* "камень круглой формы"; *қул* "пастбище"; *ҳавли* "двор"; *ҳавд*, *ҳавз*, *ҳавз* "водоем со стоячей водой"; *ҳовит* "двор — усадьба"; *ҷангал* "роща"; *ҷарр* "обрыв"; *ҷешил* "небольшой грот"; *ҷӯ*, *ҷӯй*, *ҷӯбор* "ручей", "канал";

б) прилагательные: *баланд* "высокий"; *боло* "верхний"; *пойон* "нижний"; *дароз* "длинный"; *калта* "короткий"; *сафед* "белый"; *сийа* "черный"; *мийона* "средний"; *борик* "узкий"; *кулӯла* "круглый"; *лес* "гладкий"; *каҷ* "кривой"; *зард* "желтый"; *кабуд* "зеленый"; *сабз*, *савз* "зеленый"; *сурх* "красный"; *торик* "мутный"; *қатора* "расположенный в один ряд"; *малики* "царский"; *калон* "большой"; *ганда* "вонючий";

в) числительные: *йак* "один"; *ду* "два"; *се* "три"; *чор* "четыре"; *чил* "сорок"; *ҳазор* "тысяча" (в значении "много").

Нельзя не обратить внимания на то, что микротопонимы яг-

нобского и таджикского происхождения обнаруживают заметное сходство как в структурном, так и в семантическом отношении.

Имеется группа номенклатурных терминов, общих для ягнобского и таджикского языков. Сюда входят: *бароз, гардан, гузар дашт, дарун, дор, коза, кунч, кутал, марз, мачит, мазор, мачал, нов, паст, рӯпарӯ, рег, сар, сел, санг, так (таг), теғ, тампа, чашма (чишма), чуқурак, шарра, шах, шур, қарз, қал'а, қутан, қул, ҳавз, қангал, чарр*.

В ягнобской топонимии это, главным образом, лексические заимствования из таджикского, и только некоторые слова могут считаться общим наследием (например, *сар, так, паст*). Этот фактор играет немаловажную роль при определении хронологических пластов ягнобской топонимии. Наличие таких синонимических пар, как ягн. *майн (мен)* — тадж. *гузар*; ягн. *ток* — тадж. *чашма (чишма)*, ягн. *кама* — тадж. *гардан*; ягн. *дарв* — тадж. *теғ*, дает до некоторой степени возможность проследить путь преобразования ягнобской микротопонимии в хронологическом плане. Очевидно, топонимы с таджикскими терминами в основном более поздние образования, чем те, в которых использованы исконно ягнобские слова.

Общие закономерности семантического характера наблюдаются и между ягнобской, памирской и осетинской топонимией [5]. Наступило время ставить вопрос о типологическом исследовании топонимии иранского происхождения.

Литература

1. Абрамян Р. Пехлеви́ско-персидско-армяно-руско-английский словарь. Ереван, 1965.
2. Капанцян Гр. Историко-лингвистическое значение топонимии древней Армении. Ереван, 1940.
3. Хромов А.Л. Историко-лингвистическое исследование Ягноба и Верхнего Зеравшана. Автореф. докт. дисс., Душ., 1970.
4. Хромов А.Л. Ягнобский язык. М., 1972.
5. Цагаева А.Дз. Топонимия Северной Осетии. Орджоникидзе, 1971.
6. Eilers W. Der Name Demawend. — "Archiv Orientalní", 22, 1954, с. 267–374.
7. Gershevitch I. A grammar of Manichean Sogdian, Oxford, 1961.
8. Hübschmann H. Die altarmenischen Ortsnamen. — "Indogermanische Forschungen", XVI, 1904.
9. Jacut's geographisches Wörterbuch aus den Handschriften zu Berlin, St. Petersburg und Paris ... hrsg. von Ferdinand Wüstenfeld. Bd 1–6. Lpz., 1866–1870.

А.З. Розенфельд

ПРОБЛЕМЫ РЕГИОНАЛЬНОСТИ И ДЕСЕМАНТИЗАЦИИ В ТАДЖИКСКОЙ ТОПОНИМИИ

Какой бы историко-географический регион современного Таджикистана ни подвергнуть исследованию с точки зрения состава его топонимии, в каждом из них мы обнаружим локальные черты, свойственные именно данному региону. Это можно проследить на топонимических суффиксах (часть из них представляет собой значимые слова), на словообразовательных моделях, по отражению в топонимах местной флоры, фауны, ландшафта и рельефа местности, по субстратной топонимии и, что особенно важно подчеркнуть, по диалектной лексике и фонетике, отраженным в топонимах.

В юго-восточном, горном Таджикистане выделяется несколько историко-географических регионов, названия которых сохраняются и теперь: Бадахшан – Горно-Бадахшанская автономная область Таджикской ССР, Вандж – долина р. Вандж на всем ее протяжении до впадения в Пяндж, Дарваз – правобережный Пяндж, южные и частично северные склоны Дарвазского хребта от кишлака Пшихарв до перевала Вальвалак на Даштиджум, Вахио – долина р. Хингоу и ее истоков вплоть до соединения с р. Сурхоб, южные склоны хребта Петра Первого и часть северных склонов Дарвазского хребта, Каратегин – долина р. Сурхоб (Вахш) и ее притоков. Соответственно и жители этих регионов называли и называют себя ванджи, дарвози, вахиочи, каратегини. Такие же историко-географические регионы выделяются и в других частях Таджикской ССР – Куляб (Кулоб) с целой группой районов, в том числе и Даштиджумским, Пенджикент, город и целый ряд районов бассейна Зеравшана, в том числе Афтобруя, Кштут, Магиян, Матча, Фальгар, Фан.

Горный ландшафт и бездорожье, экономическая и культурная отсталость, феодальная раздробленность способствовали сохранению в этих районах локальных таджикских говоров, впитавших в себя многие элементы других языков, бытовавших ранее на той или иной территории [11; 22].

В данной работе мы привлекаем для сравнения материалы

двух экспедиций в Даштиджумский лесплодхоз (1970 г.) и в долину Кштут (ныне сельсоветы Рудаки и Зимтут, Пенджикентского района, 1971 г.). Даштиджумский лесплодхоз соседит с Дарвазом и расположен в долине р. Оби Ниоу, притока Пянджа, а также охватывает ряд кишлаков по Пянджу до кишлака Сари-гор (Тагноу, Московский район).

При рассмотрении топонимии указанных регионов мы выделим три вопроса: десемантизация в топонимии, диалектная топонимия и ее связь с местными диалектами, субстратная топонимия.

Для Ванджа, Дарваза, Вахио и в меньшей степени для Каратегина в системе топонимов является характерным особый топонимический суффикс *-харе/-харф*. Лишь единичные топонимы с этим суффиксом выдвигаются несколько дальше на северо-запад, но за пределами Гиссарского хребта этот суффикс совсем не встречается (4; 7; 12, 402-404). Топонимический суффикс *-харе/-харф* легко сопоставляется с ныне вполне живым словом, употребляемым в памирских языках: *шарведодж* (шугнанское), *харавек*, *харавдег* (язгулемское), *харавек* (ваханское), *харев* (ишканимское) "ручей", "поток второго порядка", "боковой приток". В настоящее время суффикс *-харе/-харф* входит в топонимы, обозначающие кишлаки: Мдыхарв, Техарв, Рожарв (Вандж), Сабзихарв (Вахио, Каратегин), Пшихарв, Пошхарв, Висхарви (Дарваз), Шатхарв (Бадахшан) и многие другие. Таким образом, для таджикской топонимии этот суффикс является субстратным и в то же время диалектным. В таджикском языке это памирское слово подверглось десемантизации и превратилось в топонимический суффикс.

Другой топонимический суффикс *-кат, -ката*, восходящий к самостоятельному древнему иранскому слову *кат, ката, кед* "дом", "усадебна", сохраняется как лексема и в современном таджикском языке и его говорах: *кат* "деревянный помост, на котором сидят и спят", "деревянная кровать", *катак* "курытник", "дровяной сарай", *катхудо* "хлебосольный хозяин" (Каратегин), "женатый человек" (Бадахшан), *кадбону* "хозяйка". Этот суффикс, как и родственный ему топонимический суффикс *-кент*, не отмечен на территории распространения суффикса *-харе/-харф* [19]. С древнейших времен *-кент (-кат, -ката)* входит в огромное количество топонимов в северо-западном Таджикистане и Узбекистане, в районах распространения ранее согдийского языка, впоследствии вымершего [1; 23]. Гиссарский хребет, как справедливо указывал Н.А.Кисляков [4], является границей, водоразделом между суффиксом *-харе/-харф* и суффиксами *-кент, -кат*: Пенджикент, Ташкент, Шашкат "шесть домов" (?), Майката (Афтобруя) "кабак" и др.

Наряду с употреблением суффикса *-кент* в составе топонимов,

кент как самостоятельное слово зарегистрировано в тюркских языках — в древнетюркских [3], узбекском, киргизском. Для современных тюркских языков оно приводится в словарях как устаревшее, областное слово в значении "город", "селение", "волость". Последнее значение отмечено и в таджикских говорах, например, *Мо аз кенти Кулоб* "мы из района Куляб" (Даштиджум). В этом же значении это слово употреблялось в Средней Азии перед революцией и в первые годы после нее: "После революции 1920 г. в Бухаре было осуществлено административное переустройство. Бухарская народная советская республика территориально делилась на вилайеты, последние на туманы (тюмени), а они — на кенты" [5; 8]. Это слово, согдийское по происхождению, в древности было заимствовано в другие иранские и тюркские языки [3, 290, 297], по-видимому, через тюркские языки вошло в таджикский. Очевидно, оно прошло процесс десемантизации и в настоящее время активно употребляется лишь в качестве топонимического суффикса.

Процессу десемантизации подверглась и лексема *об, ов, оу, ау* "вода", "река". Сохраняя свое полное значение в таджикском языке, в гидрониме она десемантизировалась и превратилась в гидронимический суффикс; поэтому к названиям рек, в составе которых заключен суффикс *-об, -оу*, прибавляется иногда еще и термин *об* "вода": *Оби Хингоу* (хингоу "серый", "мутный" — Вахио), *Оби Равноу* (Дарваз), *Оби Ниоу*, *Оби Ниёу*, *Оби Ниёб* (Даштиджум), последнее, например, в таком предложении: *Ин об оби Ниёб* "эта река — река Ниоб", *Оби Камароу* (Каратегин).

Еще более яркий пример десемантизации можно видеть в топонимическом суффиксе *-руд*, широко распространенном в составе топонимов по всей долине Зеравшана и его притоков. Слово *руд* "река" засвидетельствовано в древности в иранских языках и в старых топонимах (ср. Рудак, откуда происходит имя великого поэта Рудаки). У Фирдоуси в "Шах-наме" имеется такая строка:

*Яке лашкаре сохт Афросиёб
Зи дашти Сипеджоб то руди Об [20, 48]
Собрал войско Афрасияб
От равнины Сипеджоб до реки Об.*

Под словом *Об* (перс. *аб*) комментаторы в этом стихе видят название Амударьи (арабское *Джейхун*).

Для современного таджикского языка слово *руд* является архаизмом и относится скорее к пассивному слою лексики. Топонимический суффикс *-руд* не отмечен в юго-восточном Таджикистане, к югу от Гиссарского хребта (Бадахшан, Вандж, Дарваз, Вахио, Каратегин, Куляб) [19]. Однако в Бухаре и ее окрестностях слово *руд* употребительно и как самостоятельное в значении "канал", так и в составе гидронимов: *руди шадр* "го-

родской канал" или Шахруд (Шахрруд), встречается и в названии мечети: Модари хони лаби руд " (мечеть) матери хана на берегу канала"¹. В этом же значении "канал" слово *руд* употреблено и у С.Айни, например, в его "Воспоминаниях" ("Ёддошт-ҳо"): мардуми тумани Шофирком тирамоҳи гузашта ба сари худ кушиш кардаанд, ки руди кӯҳнаро аз сари нав қафта об ҷорӣ кунанд "Население Шафиркамского (Шаффриканского) тюмена прошлой осенью решило самостоятельно снова прокопать старый канал и пустить [по нему] воду" (книга 1. Душанбе, 1954, с. 76).

Топоним *руд* в Зеравшанской долине и прилегающих районах встречается и в составе названий селений и в составе гидронимов: Панджруд "пятиречье", Панджикент, Панджикат "пять волостей", "пять городов", Пасруд "за рекой", Намнаруд, Джирджируд (в Фанских горах). В сельсовете Рудаки (ущелье Кштут) река, берущая начало на северных склонах Гиссарского хребта и впадающая в Зеравшан вблизи кишлака Дашти Шурчи, имеет несколько названий: в верховьях – дайрон Вору (по имени близлежащего высокогорного кишлака), дайрон Кштут, в среднем течении – дайрон Руд "река Река", последнее в таком примере: *ин дайрон Руд аз кӯҳнора нишеб мешавад* "эта река Руд падает с гор". При нашем уточнении эту реку называли дайрон Руз "река День" (очевидно, по созвучию с таджикским словом *рӯз* "день"), но говорившего сразу же поправили, снова назвав реку дайрон Рӯд. Несколько ниже кишлака Вору из ущелья справа в дайрон Вору впадает дайрон Хичикруд (в устье сохранились остатки крепости – Қалаи Хичикруд).

Процесс десемантизации испытали и лексемы *роғ* и *марғ*, отмеченные повсеместно в топонимии и как самостоятельные словоформы, и как компоненты сложного топонима: Роғ, Роға, Пуштароғ, Қасқароғ, (Вахио), Кымроғ (Даштиджум) и другие [7; 8; 16]. Сами словоформы *роғ* и *марғ* в современном таджикском языке не употребительны. *Роғ* отмечен лишь в фразеологизме *боғу роғ* "сад и луг", а *марғ* лишь с суффиксом *-зор* "изобилующий чем-либо": *марғзор* "луг, лужайка". Однако пройдя десемантизацию, оба эти слова оказались широко представлены в топонимии Таджикистана: Марғ (кишл., Вахио), чашмаи Марғ (Дарваз, источник вблизи кишлака Зинг), Марғтумайн (кишл., Ягноб), Марғоб/Мурғоб (Восточный Памир) [16], Мургаб и другие. В различных районах Таджикистана Марғзор, Марэор, Марғузор – часто встречающиеся топонимы для местностей, кишлаков, например, Марғузорские озера – семь озер по течению р. Шинг, левого притока Зеравшана, ниже Дараи Кштут. Благодаря исключительной живописности этого ущелья

¹ Указано О.А.Сухаревой.

оно привлекает сейчас к себе тысячи туристов, маршруты которых пролегают через эти Маргузорские озера и несколькими путями ведут через Гиссарский хребет в Гиссарскую долину, через Фанские горы и цепь других озер (Кули Калон – "Большое озеро", Артуч) на озеро Искандер-куль и далее через перевал Анзоб на Варзоб и Душанбе.

Интересно проследить значение топонима Лангар. В современном таджикском языке это слово имеет значение "якорь", "шест", "баланс канатоходцев", "маятник". Этот топоним как простая словоформа и в составе сложных топонимов распространен на огромной территории всей Средней Азии, Ирана, Афганистана, Восточного Туркестана (где за ним закрепилось еще значение "почтовая станция"), в Закавказье. Мною уже отмечалось [13], что в Таджикистане название с Лангар носят кишлаки, в которых или вблизи которых находится почитаемая местная святыня – священная роща, могила местного "святого": Лангари шо "могила ша" (Каратегин), Лангар Али шо "Могила Али ша" (Даштиджум), Лангаркиши (Вахан – Западный Памир) и множество других. Сказанное выше подтверждается многочисленными наблюдениями в различных районах Таджикистана. Слово *лангар* в значении "святыня", "могила святого" не отмечено ни в таджикском, ни в персидском, ни в персидско-афганском (дари); в Средней Азии в этом значении употребляется *мазар*, в Иране – *имамзаде*. Для персидского лишь отмечено значение *лангар* как "ограда вокруг могилы" [6]. Таким образом это слово получило своеобразное топонимическое значение и, утратив свою основную семантику, приобрело другое метафорическое значение. Подтверждение этого можно видеть в следующей веснянке (Панджруд):

Аз ин Лангар ба он Лангар	От этого Лангара до того Лангара
Али – думоди пайгамбар,	Али – зять пророка,
Гули гулҳу бойчечак	Цветок из цветов – подснежник.
Гули сияҳуш қатор омад	Зацвели ирисы,
Ба чупон тули мол омад	Для пастухов наступило время полужения потомства от овец,
Ба деҳқон ваҳти кор омад	Для крестьян настало время работы,
Гули гулҳу бойчечак	Цветок из цветов – подснежник.

Топонимы с *об/оу*, *роғ*, *марғ*, *лангар* отмечены повсюду в районах распространения таджикского и других языков в Средней Азии. В этих же районах имеются топонимы, сконструированные с местными географическими терминами: *дара* "ущелье", "долина" (Дара – название всей долины Оби-Ниоу, которая делится на следующие отрезки: Болодара "верхняя часть ущелья", Миёндара "средняя часть ущелья", Поёндара "нижняя часть ущелья", там же есть кишлак Нимдара "полуущелье"), *чазма* "источник" [9], *куҳ/кӯҳ/кӯ* "гора": Куи лал "гора лалов" (Бадахшан), Қаторкуҳ "цепь гор" и др. [14]; *замин* "земля",

"поле" (обычно в названиях участков поля, пашни). В многочисленных топонимах верховьев Зеравшана, в Ягнобе отмечен согдийско-ягнобский субстратный топоним *эй* "земля" [17; 18; 22; 24].

К географическим терминам, отраженным в топонимии, следует отнести и таджикское *санг* "камень". Например, в Бадахшане есть кишлак Санг, вблизи которого большое нагромождение камней, валунов. В этом кишлаке живут ваханцы, говорящие по-вахански.

К этой же группе терминов относятся и топонимы со словом *деҳ* (диалектное *ди, дия, ду*) "селение": Миёнаду "середина селения" (кишл., Вахио), Деи ғуломон "селение рабов", Қозиде "селение казия — духовного судьи" (Бадахшан, Горон), Дии хо, Дии быланд "селение на возвышенности" (Даштиджум) и др. Несомненно, что и здесь мы наблюдаем процесс десемантизации и, если можно так выразиться, — топонимизацию словоформы.

В Средней Азии повсеместно распространены топонимы, в состав которых входит слово *қал'а, қала* "крепость". Чаше всего это наименования холмов и других возвышенностей с остатком древних крепостей, стен или без них: Қалаи кӯҳна "старая крепость", Қалаи нав "новая крепость", Қалаи хумб "крепость хумб", Қалаи сурх "красная крепость", Қалаи джуғарва "обрушившаяся крепость" (диалектн.) [10]. Поскольку в древности, в горных районах почти каждый кишлак имел убежище на случай нападения врагов, то в настоящее время слово *қала* сохранилось в названиях кишлаков, кварталов, холмов, участков пахотных земель. Синонимом ему служит слово *ҳисор*: Гиссар, Сари ҳисор "над крепостью", Зери ҳисор "под крепостью" (Кштут) и т.д.

Переходя к другим сторонам, характерным для таджикской топонимии, укажем, что повсеместно отмечены топонимы, включающие названия наиболее распространенных растений: *бед* "ива" — Бедак "ивушка", Бедо "ивы", Кажбед "кривая ива"; *арча* "древовидный можжевельник": Арчаи кок "сухая арча", Арчамайдон "заросли арчи"; *бодом* "миндаль": Конибодом или Кендибодом "обилие миндаля"; *тут* "шелковица": Яккатут "одинокая шелковица", Тутто "шелковицы", Тутак "шелковичное деревцо"; *чанор* "чинара": Якка чанор "одна чинара"; *сев* "яблоня", *гул* "цветок" и другие; названия распространенных животных: Дашти хирсон "медвежья равнина", Хирсак "медвежонок", Хирсдара "ущелье медведей", Рубоҳхона "лисыя нора" и др.

Топонимы, включающие в свой состав этнонимы, могут служить известным ориентиром при решении вопросов об этническом составе данного района как в прошлом, так и в настоящем. Это кишлаки: Сари чанори узбак "у чинары узбеков", Сари

чанори тоджик "у чинары таджиков", Қазоқон "казаки", Кунджи карлук "угол карлуков", Кунджи тоджик "угол таджиков", Урус "русские", Туркман "туркмены", Араб "арабы", Афғон "афганцы", Муғул "монголы" и т.п. Вблизи кишлака Нигнот (Кштут) отмечены два топонима для участков пастбищ: Дии гундиён "село индийцев" и Дарай-гундиён "ущелье индийцев". Местное население связывает эти названия с проживавшими якобы здесь индийцами. Несколько лет назад при добыче алебаstra в ущелье Нигнот (находящемся в двух километрах от кишлака) было обнаружено одиночное захоронение; как считают местные жители, скелет, обращенный головой на восток, принадлежал индйцу.

Вблизи кишлака Кулоли (Кштут) записан топоним Қалаи одиён "крепость одов", "крепость одитов". С этой крепостью у местного населения ассоциируется какой-то народ, люди огромного роста, великаны [27].

Одной из интересных проблем в области теории топонимических исследований является проблема связи ареальной топонимии с местными говорами. Подобную связь можно наблюдать и на том материале, которым мы располагаем.

В фонетике: упоминавшееся выше ҳисор "крепость" отражено, например, в Даштиджуме в топониме как Асорак/Ҳасорак; "река", тадж. *дарё* в Кштуте имеет форму *дайро*; "ворота" *дарвоза* в Кштуте — *давроза*; "дервиш", тадж. *дарвеш* в Кштуте — *давреш* (эти слова входят также в топонимы). "Горное пастбище", "летовка" — *айлоқ*, *девлот* (Вандж, Дарваз, Каратегин), *лайлоқ* (Кштут), для Ванджа и Бадахшана также *эла*.

В лексике: в Маргузарском ущелье в кишлаке Шинг записан топоним Ғути махов, в Рудаки — участок земли Ғути Холадҷон. Слово *уш* — диалектное, значит "большой камень", "валун". Следовательно, Ғути махов значит "камень прокаженных". Эта каменная глыба стоит в расселине над озерцом с источником, которому приписывается целебная сила.

Среди других топонимов в Кштуте записаны Зови мумин, Зови лайлоқча. В местном говоре *зоғ* — "впадина в скале", "углубление в скале", отсюда Зови мумин "впадина правове́рного", Зови лайлоқча "впадина небольшой летовки" (место, где отдыхает скот на летнем пастбище). Оба эти слова несомненно являются субстратными и в других говорах пока не отмечены. В кишлаке Зери ҳисор (Кштут) один из кварталов называется Сангзояк. По-видимому, здесь сохранилось согдийское слово *зои* "земля", тадж., согд. *санг* "камень" и уменьшительный суффикс *-ак*, откуда *сангзояк* "каменистая земля" [7; 8; 11; 15; 24; 25].

Диалектность проявляется и в использовании топонимических суффиксов, характерных для определенного региона. Кроме рассмотренных выше суффиксов *-харб/харф*, *-кам*, *-кенг*, для

верховьев Матчи характерен суффикс *-иф*: Рогиф, Худгиф [21; 22; 24], для Ванджа и Дарваза — *-ид*, *-ид*, *-ид* [7]: Сунгад, Скотгад, Харгад, Торгод, Дургод, Жигад, Мандынгад, Пшогед; для Даштиджума — суффикс *-хо*: Дии хо, Ангураи хо, Тхаш хо.

Таков круг вопросов, который можно наметить при анализе таджикской топонимии при учете ее региональности.

Литература

1. Бартольд В.В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. Гл. 1. Географический очерк Мавераннахра. — Сочинения. Т. 1. М., 1963.
2. Додыхудоев Р. К топонимике Западного Памира. — "Известия АН ТаджССР. Отд. общ. наук". 2(56). Душ., 1969.
3. Древнетюркский словарь. Л., 1969.
4. Кисляков Н.А. К вопросу об этногенезе таджиков (тезисы доклада). — Советская этнография (сборник). Т. 6-7, 1947.
5. Кошелева А.И., Васильев П.А. Административно-территориальное деление Таджикистана. Исторический очерк. Душанбе, 1948.
6. Персидско-русский словарь. В двух томах. Под ред. Ю.А.Рубинчика. М., 1970.
7. Розенфельд А.З. Ванджская топонимика. — Топонимика Востока. М., 1962.
8. Розенфельд А.З. Ванджская топонимика. — Ванджские говоры таджикского языка. Л., 1964.
9. Розенфельд А.З. Заметки по гидронимии юго-восточного Таджикистана. — Топонимика Востока. Новые исследования. М., 1964.
10. Розенфельд А.З. Қал'а — тип иранского укрепленного поселения. — "Советская этнография", 1951, № 1.
11. Розенфельд А.З. К вопросу о памирско-таджикских языковых отношениях (по материалам ванджских говоров). — "Труды Института языкознания АН СССР", VI, 1956.
12. Розенфельд А.З. Материалы по этнографии и топонимике. Ванча. — "Известия ВГО", Т. 85, № 4, 1953.
13. Розенфельд А.З. Название "Лангар" в топонимике Таджикистана. — "Известия ВГО". Т. 72. Вып. 6, 1940.
14. Розенфельд А.З. Оронимы юго-восточного Таджикистана. — Оронимика. М., 1969.
15. Розенфельд А.З. Таджикская топонимика Бадахшана. — Ономастика Востока (в печати).
16. Розенфельд А.З. Топонимика Нижнего Каратегина в связи с некоторыми вопросами его истории. — "Известия АН ТаджССР. Отд. общ. наук". Вып. 10-11, 1956.

17. Смирнова О.И. Вопросы исторической топографии и топонимии Верхнего Зеравшана. — Труды Согдийско-таджикской археологической экспедиции, т. 1, Материалы по истории и археологии СССР. № 15, М.-Л., 1950.
18. Смирнова О.И. Карта верховьев Зеравшана первой четверти VIII века. — "Страны и народы Востока". Вып. 2. М., 1961.
19. Таджики Каратегина и Дарваза. Душ. Вып. 1, 1966. Вып. 2, 1970.
20. Фирдоусӣ, Шāх-нāме. Критический текст. Т. 2. М., 1962.
21. Хромов А.Л. Изучение географических названий Таджикистана в СССР и за рубежом. — "Известия АН ТаджССР. Отд. общ. наук." № 2, 1969.
22. Хромов А.Л. Историко-лингвистическое исследование Ягноба и Верхнего Зеравшана. Автореф. докт. дисс. Душ., 1970.
23. Хромов А.Л. К вопросу о топонимике Матчи. — "Известия АН ТаджССР. Отд. общ. наук", № 1(32), Душ., 1963.
24. Хромов А.Л. Общая лингвистическая характеристика топонимии и микротопонимии Ягноба. — "Известия АН ТаджССР. Отд. общ. наук". № 3(45). Душ., 1966.
25. Хромов А.Л. Согдийская топонимия Верховьев Зеравшана. — Топонимика Востока. Исследования и материалы. М., 1969.
26. The Encyclopaedia of Islam. New edition. Vol. I, A-B. -L., 1960.
27. Розенфельд А. З. Великаны в таджикском фольклоре и топонимии. — Фольклор и этнография. Л., 1977.

И.М.Стеблин-Каменский

РЕКА ИРАНСКОЙ ПРАРОДИНЫ

"Прежде [всех] лучших мест и обителей создал я, Ахура-Мазда, [область] Арьяна-Вайджа [реки] Вахви-Датъи, а в противовес этому вытворил Ахра-Манью, полный смерти, змея рыжего и зиму, данную дэвами, — десять там месяцев зимних, два летних".

Авеста. Видевдат 1.2.

К современной концепции языковой прародины как пространственно-временного континуума чрезвычайно близки были и представления К.А.Иностранцева, который так сформулировал свое понимание иранской прародины: "... мы рассматриваем Айрианэм-Ваэджо Авесты, Аиран-Вэдж парсийских авторов, как обширную территорию Скифов-Саков (кит. Сэ) за всю эпоху их миграций, от крайних северо-восточных границ его, до Индии" [2, 316]. Вместе с тем, на основании анализа среднеперсидских сочинений, К.А.Иностранцев считал возможным локализовать реку мифической прародины иранцев Арьяна-Вайджа (букв. "пространство арийцев"), упоминаемую в Авесте под названием *Vahvī Dātūā*, в достаточно определенном месте: "... под рекой Ирāн-Вēдж'а приходится разумеать не верховья Сыр-Дарьи или Зеряфшана и не реку собственно Бадахшана, а реку Вахана, Пяндж" [3, 893].

Это положение получило впоследствии подтверждение в работе И.Маркварта, показавшего, что в ваханском названии Вахана *Wuḥ* следует видеть закономерное отражение др.-иран. *vahvī* — "добрая, благодатная (название реки в Арьяна-Вайджа)" [6, 52]. По мнению И.Маркварта, *Wuḥ* (Вахан) идентичен реке Ох (Оксос) античных авторов, Вехруд (ср.-перс. *Vēhrōt*) среднеперсидских источников, о чем предположил еще Г.Юль [8, 23].

Г.Моргенштерне объясняет ваханское название Вахана *Wuḥ* как происходящее от др.-иран. *vaxšū* [7, 433], тем самым считая его идентичным Оксу греческих авторов, современному

названию Вахш, распространявшемуся прежде и на нижнее течение Амударьи. По историко-фонетическим соображениям эта этимология представляется неудачной. Др.-иран. *xš*, как правило, отражается в ваханском как *š*: вах. *šəpk* < **xsupaka-* 'лоза, прут', ср. др.-инд. *ksupa-* 'ветка, прут', шугн. *xufč* 'прут, ветка'. С другой стороны, именно др.-иран. *hv* регулярно дает в ваханском *x*: вах. *xat* < **hvata-* 'сам', ср. авест. *xvatō*, тадж. *xud* 'сам'; вах. *гыѣыр* < **fra-hvāp* (*aye*) - 'укладывать спать', ср. авест. *xvar-*, тадж. *xuftan* 'спать'. Кроме того, самоназвание ваханцев *xik* закономерно восходит к др.-иран. **vahvika-* (с отпадением первого слога), в то время как возведение этого слова к производным от др.-иран. *vaxšu-* (по Г.Моргенштерне) оставляет необъясненным появление *-i-*, являющегося регулярным рефлексом др.-иран. *-ī-*: например, вах. *strin* < **starinī-* 'яловая, бесплодная', ср. др.-инд. *starī-* 'бесплодный' (латинск. *sterilis* 'неплодородный'), шугн. *sitir* 'нестельная (корова)', мундж. *šinǵeya* 'яловая'.

Общераспространенное таджикское название *Vaxon* 'Вахан' также целесообразнее объяснять как восходящее к др.-иран. *vahvī-* 'добрая, благодатная (название реки)' с последующим оформлением обычным в географических названиях суффиксом *-on* (*-an*): *Šuynōn* 'Шугнан', *Rušōn* 'Рушан', *Egōn* 'Иран'. Ведь и в таджикском (также персидском) языке др.-иран. *hv* отражается как *x*, [4, 217], а др.-иран. *xš* дает *š* или же сохраняется после гласных [4, 233].

Таким образом, данные исторической фонетики иранских языков убедительно свидетельствуют в пользу правильности следующего соотношения: др.-иран. *Vahvī* < др.-греч. *оксос*, вах. *Wuḫ*, тадж. *Vax-*; др.-иран. *Vaxšu* < др.-греч. *оксос*, тадж. *Vaxš*.

По предположению Н.А.Аристовой, название Вахан для верховьев реки Пяндж распространялось ранее не только на область современного Вахана, но и ниже по Пянджу вплоть до слияния его с рекой Вахшем и образования Амударьи [1, 66], истоком которой считался Вахш, откуда и отождествление Амударьи с Оксом.

Следует отметить, что высказанные соображения никоим образом не могут способствовать более точной локализации мифической прародины иранцев (Арьяна-Вайджа). Противоречивые известия античных авторов позволяют идентифицировать реку Ох (< др.-иран. *vahvī-* 'добрая') не только с верховьями Пянджа в горах Западного Памира и Восточного Гиндукуша, т.е. в области, прилегавшей к древней Бактрии, но и с реками на территории Парфии или по соседству с ней, в частности, с Тедже-ном-Герирудом или с Атреком [5, 137]. В этом нет ничего удивительного, поскольку название *Vahvī* 'добрая, благодатная' для реки могло возникнуть в разных частях территории, населенной ираноязычными племенами. Примитивная диалектика

творений Ахура-Мазды и контртворений Ахра-Манью, изложенная в первом фрагменте Видевдата, предостерегает искателей окончательных и однозначных решений проблемы: всякое новое решение вызывает новые контраргументы, как всякое благое творение Ахура-Мазды побуждает Ахра-Манью к вредительству.

Литература

1. Аристов Н.А. Этнические отношения на Памире и в прилегающих странах по древним, преимущественно китайским, историческим известиям. - "Русский антропологический журнал". М., 1902, № 3.
2. Иностранцев К.А. О до-мусульманской культуре Хивинского оазиса. - "Журнал Министерства народного просвещения". СПб., 1911, № 2.
3. Иностранцев К.А. Река Йран-Веджа в парсийской традиции. - "Известия Российской Академии Наук", Серия VI. Пр., 1917, № 12.
4. Hübschmann H. Persische Studien. Strassburg, 1895.
5. Khlopin I. Zur Lösung des Rätsels des Akes-Flusses (Herod. III. 117). - "Orientalia Lovaniensia Periodica". Leuven, 1971, 2.
6. Markwart J. Wehret und Arang. Leiden, 1938.
7. Morgenstierne G. Indo-iranian frontier languages. Vol. 2. Oslo, 1938.
8. Yule H. The geography and history of the upper waters of the Oxus. - v.J. Wood. A journey to the source of the river Oxus. 2 ed. L., 1872.

Дж. Логашова

ИЗ ТОПОНИМИИ КАСПИЙСКОГО МОРЯ

(О названии реки Атрек)

Каспийское море и прикаспийские области издавна входили в "круг мирового культурного общения" [1, 653]. В источниках и литературе о Каспийском море и прикаспийских областях со-
держится более 70 названий Каспийского моря, произведенных от народов, стран и даже городов, расположенных на его бере-
гах или на недалеком расстоянии от него. Среди этих назва-
ний встречаются такие, как Море Гирканское, Абескунское, Хвалынское, Хазарское, Табаристанское, Мазандеранское, Ба-
кинское, Грузинское, Хорасанское, Дейлемское, Гилянское, Шир-
ванское, Кульзумское, Ак-Дениз, Джурджанское оз. и др.

В различные времена путешественники, географы и историки представляли Каспийское море то как "отдельное со всех сто-
рон ограниченное море", то как один из заливов Северного океана. Хотя еще в V в. до н.э. Геродот назвал Каспийское море отдельным морем, "не сливающимся ни с каким другим" [6, I, 107], однако даже в XV и XVI вв. появлялись сооб-
щения европейских географов, представлявших Каспий как за-
лив океана [12, 4].

Изучение топонимии Каспийского моря и прикаспийских об-
ластей может дать ценный материал не только о расселении древнего населения изучаемых районов, но и их миграциях и различных связях. С этой точки зрения представляется интерес-
ным рассмотрение топонима Атрек.

В "Энциклопедии ислама" В.В.Бартольд писал: "Атрек — ны-
не пограничная река между Россией и Персией; название впервые встречается, по-видимому, у Хамдаллаха Казвини (740/1339 г.); географами IV/X в. не упоминается. Река вытекает с северных склонов гор Хезар-Месджид, протекает по курдским (со времен шаха Аббаса) княжествам Кучан и Буд-
жнурд (один из плодороднейших районов Хорасана; древняя Ас-
табена, или Аставена, в средние века Устува); около деревни Чат, или Чати, в нее впадает Сумбар, собственно Сѣмбѣр; от-

сюда до впадения в Каспийское море Атрек с 1882 г. определен как граница между Россией и Персией" [2, 338].

Действительно, до сих пор остается загадкой, почему в географической литературе домонгольской эпохи не упоминается топоним Атрек. Как говорит Хамдаллах Казвини, "Атрек впадает в Каспийское море, пройдя через пределы Дихистана" [3, 122]. Наличие следов древних оросительных каналов (воду проводили более чем за 50 км к развитому городу Мешхеди-Мисриан — "место мученичества египтян"), события в Парфянском царстве (территория, по которой протекал Атрек, примыкала к родине парфян и была очень рано завоевана Аршакидами [10; 15, 258]) свидетельствуют о том, что река Атрек была известна и в более раннее, домонгольское время.

Отталкиваясь от тезиса Н.Я. Марра "география и топонимика крепче и устойчивее, чем этнография и этнонимика, в отношении первобытной культуры" [9, 350], попытаемся привести некоторые возможные объяснения происхождения топонима Атрек.

В эпических сказаниях Фирдоуси "Шах-наме" много внимания уделяется борьбе между носителями тьмы — жителями степей и носителями света — оседлым населением. Как пишет Р.Фрай, возможно, после победы ислама турки (*turk*) были отождествлены с более ранними турами (*tūr*). В наименовании *tūr-k* можно видеть форму множественного числа *tūr-k*, где *tūr* обозначение какого-то тотема пратюрков Центральной Азии [15, 66].

А.Н. Кононов, проанализировав термин *türk*, пишет, что все советские исследователи слово *turk* считают двухэлементным — *tur-k*. Второй элемент "к" — аффикс собирательного множественного числа и может быть возведен к форме множественного числа — *күн, —күн*. В этом случае тюркская форма может быть равнозначна по значению иранской *tur-an* (где —*an* выражение множественности). Первый элемент термина *tūr-k*, т.е. *tūr*, как отмечает А.Н. Кононов, является "фонетическим вариантом формы *төр ~ тос*, ведет нас к весьма древнему состоянию племен и народов, позднее получивших название тюркских. Элемент *түр (төр ~ тös)* связывает термин *turk* с примитивными тотемистическими представлениями" [8, 42, 44, 47].

Как отмечают различные исследователи, народ Тура, *туры* упоминаются рядом с дахами-кочевниками, обитавшими на территории современной Туркмении к востоку от Каспийского моря. О происхождении *tūr-k*, туров, существует несколько версий. Возможно, они именуется так от какого-то иранского кочевого племени или группы племен Средней Азии, и в эпосе это название стало применяться ко всем восточноиранским кочевникам; в сасанидский период в Хорезме так называлась небольшая область и в этом названии, вероятно, отразилось название рода или племени; массагеты — кочевое племя, по сведе-

ниям античных авторов, жившее к востоку от Каспийского моря, также иногда отождествляется с турами [15, 66-70]. Наиболее распространена в настоящее время точка зрения, согласно которой термин *türk* "не этническое, но политическое название" и выступает как собирательное имя военного союза племен (*türk//tür ~ тос*), расселенных на большой территории, "для которых *türp//möp* было общим и понятным нарицательным названием тотема" [8, 47].

Наиболее характерным для тюрков является тотем волка [15, 68]. Первоначальные названия рек - воды в порядке мифологических представлений связаны с различными образами племенных животных, и в первую очередь, несомненно, тотемных, как-то: волка, собаки, лошади и т.д. Одновременно названия, которые даются "реке-воде", являются племенными названиями этнических образований, сидевших на этих реках [9, 350]. Возможно, топоним Атрек образован именно таким образом (А - является дополнительным формантом).

По аналогии с названием реки А-*türk*-к можно привести название реки Горган "река волков", которая протекает южнее реки Атрек и впадает в Каспийское море около Гюмюш-Тепе ("Серебряный бутор") и Нефес-Кули ("Слуги, подданные Нефеса") [7, 80-81, 138]. Как отмечает Боде, ему были известны две реки под названием Горган - Черный (Сиах - Кара-су) и Белый (Сефид) [5, 111].

Существует и такая версия, что река Горган или река Атрек под названием Эринду упоминается Тацитом в связи с междоусобной борьбой в Парфянском царстве. Как пишет Тацит, на реке Эринду произошло сражение (в 47 г.) между двумя враждующими лагерями, возглавляемыми Варданом и Готарзом II. В.Массон в связи с этим делает предположение, что под рекой Эринду Тацит, возможно, подразумевал либо реку Горган, либо реку Атрек [10, 40]. Тацит пишет: "Противник вышел навстречу к реке Эринду; столкнувшись при переправе через нее с упорным сопротивлением и разгромив врагов, Вардан после ряда удачных сражений покорил народы, обитавшие между названной рекой и рекой Синдом, которая отделяет дагов от Ариев. На этом же закончились успехи парфян, ибо, несмотря на победы, они не желали вести войну вдалеке от Родины. Итак, установив памятники и начертав на них надписи, возвещавшие о его могуществе и о том, что ни один Аракид до него не облагал эти племена данью, Вардан возвращается в Парфию, овеянный громкой славой ..." [14, 183].

В пользу древнего происхождения названия реки Атрек может говорить и то, что это название само по себе не включает дополнительной прибавки слов, означающих "вода-река". При анализе более поздних названий рек как общее явление отмечается присутствие в них конечных звуковых компонентов, обозначающих

начающих "воду", "реку", "речку", "ручей" и т.д., так как при смене насельников старые названия рек, в которых уже содержалось понятие "воды-реки", принимали новые определяющие слова с этим значением. В юго-восточной части Каспийского моря у Миан-Кале Б.Дорном зафиксирована речка Атрек-Киле. Эта речка не отмечена бывшим здесь раньше Бларамбергом, хотя он упоминает 30 рек и речек этого района* [4,5; 7,21-27. 77, 114].

Б.Дорн предполагает, что эта речка получила свое название от туркменов, живших на Атреке и часто ездивших по названной ими Атрек-Киле по своим торговым делам. Добавим, что "киле" по-мазандерански означает небольшую речку. Таким образом, название Атрек-Киле более позднего происхождения, здесь к первоначальному имени, включающему название тотема-вода, присоединяется дополнительная прибавка киле "вода". Случай, когда наименования рек носили сложный характер, не раз отмечались исследователями. В частности, В.Б.Шостакович на примере изучения названий рек Сибири показал, что в Сибири "встречались иногда наименования рек сложные, где к названию рек прибавлено не одно, а несколько определяющих слов на языках разных народов" [16, 121]. В названиях многих рек можно видеть такие наращения, как "река-река", "вода-вода", "река-вода", поскольку для новых насельников старые названия рек, содержащие часто слова "вода" или "река", являлись собственным именем реки в полном смысле этого слова. Вопрос о том, как называлась река Атрек в древности, поднимался и в связи с Геродотовой рекой Акес. У Геродота сказано: "Есть в Азии равнина, окруженная со всех сторон горой, а через эту гору ведет пять узких проходов. Эта долина принадлежит некогда хорасмиям и лежит на границе хорасмиев, гирканов, парфян, сарангов и фаманеев. Со времени же персидского владычества они подвластны персидскому царю. Так вот с этой окружающей (долину) горы стекает большая река по имени Акес. Эта река, разделенная на пять рукавов, прежде орошала земли упомянутых народов, так что из каждого прохода вытекал свой рукав; но с того времени, как народы эти перешли во власть персов, произошла следующая перемена: горные ущелья царь велел закрыть и перед каждым из них поставил шлюз, вследствие чего вода лишилась выхода и замкнутая в горах равнина превратилась в озеро; действительно река вливается в равнину и выхода из равнины не имеет нигде; таким образом, и сами народы, которые обыкновенно пользовались этой водой, теперь постоянно испытывают большие лише-

*Среди рек, упоминаемых Бларамбергом, следующие имеют в своем составе "киле": Байрам-Али-Киллясы, Мулла-Килля, Неджар-Килля, Ширишджи-Киле, Кари-киле, Тириз-киле, Кызмакиле.

ния, потому, что не могут больше пользоваться ею ..." [6, III, 117]. Одни исследователи считали, что под Акес подразумевается одна из хорасанских рек, другие более определенно высказывались за отождествление ее с Тедженом-Герирудом или с Мургабом, хотя в последнем случае было бы трудно объяснить список народностей, приведенных Геродотом [12, 172-175].

Под каким именем был известен Атрек в древности с достаточной убедительностью не говорит и Страбон. Страбон лишь однажды упоминает о "пустыне, отделенной от Гиркании рекой Сарнием" [13, 8, 1, 3], имея в виду среднеазиатские пустыни, которые лежат к северу от Гиркании и Парфии до Арианы и Маргианы. Если принять во внимание, что Страбон имел в виду не реку Атрек, а реку Горган, то необходимо помнить, что Горган протекает по Гиркании, а не на ее границах, и если говорить о северных районах по отношению к Горгану, то это будут земли, лежащие по реке Атреку. Можно предполагать, что Страбон мог назвать Сарнием реку Атрек (или даже правый приток Атрека Сумбар или Симбар, или часть Атрека после впадения Сумбара). Однако определенно доказать это пока еще не представляется возможным.

Итак, мы попытались выяснить, под каким названием был известен Атрек в различные времена. Многое остается неясным. Почему, например, Атрек (*Atrok*) связывают с Миан-Кале - Анджиле-Аб-хиле или с Кызыл-Озан-Узен? Почему в сведениях об Абескуне, который играл значительную роль в восточно-европейских связях уже в раннем средневековье и был местом торга всех, кто ведет торговлю по Каспийскому морю [12, 3], не упоминается Атрек, ведь он был всего в нескольких фарсах от Абескуна? И таких "почему?" можно было бы задать очень много. Дальнейшие исследования сведений древних авторов, возможно, помогут разрешить загадку топонима Атрек и объяснить, почему домонгольские авторы не упоминают об Атреке.

Литература

1. Бартольд В.В. Место прикаспийских областей в истории мусульманского мира. - Соч. Т. 2. Ч. 1. М., 1963.
2. Бартольд В.В. Атрек. - Соч. Т. 3. М., 1965.
3. Бартольд В.В. К истории орошения Туркестана. - Соч. Т. 3. М., 1965.
4. Бларамберг И.Ф. Статистическое обозрение Персии. СПб., 1836.
5. Боде. Очерки юго-восточного берега Каспийского моря. - "Отечественные записки". СУШ. Кн. 8. СПб., 1856.

6. Геродот. История в девяти книгах. Пер. с греч. Т. I-II. М., 1888.
 7. Дорн Б. Каспий. О походах древних русских в Табаристан. СПб., 1875.
 8. Кононов А.Н. Опыт анализа термина *түрк*. - СЭ, 1949, № 1.
 9. Марр Н.Я. К вопросу о названиях рек Сибири в освещении яфетической теории. - "Известия АН СССР", 1926.
 10. Массон В.М. Восточно-Парфянский правитель Санабар. - Нумизматический сборник. Ч. 2. М., 1957.
 11. Массон В.М. Еще раз о Геродотовой реке Акес. - Эллинистический Ближний Восток, Византия и Иран. М., 1967.
 12. Соколов Ал. Очерк истории путешествий по Каспийскому морю до начала на нем гидрографических работ. СПб., 1854.
 13. Страбон. XI. 8.
 14. Тацит. Анналы. XI.
 15. Фрай Р. Наследие Ирана. М., 1971.
 16. Шостакович В.Б. Историко-этнографическое значение названий рек Сибири. - "Известия Восточно-Сибирского отдела Русского Географического общества". Вып. 2. Иркутск, 1926.
-

О.Т. Молчанова

ЭЛЕМЕНТ ТАЙ В ТОПОНИМИИ СРЕДНЕЙ АЗИИ И СМЕЖНЫХ ТЕРРИТОРИЙ

При исследовании топонимии азиатской части СССР обращает на себя внимание массовое вхождение элемента *тай* в географические наименования. Согласно данным картотеки топонимов при Томском пединституте, *тай* может занимать как инициальное, так и финальное положение в географических именах. Наложение на карту топонимов с начальным *тай* не дает цельной картины. Все 176 наименований отдельными точками растекались по обширной территории от центральных районов Якутии до западных областей Казахстана и Узбекистана. Точечное расположение топонимов на таком обширном пространстве дает возможность искать значение апеллятива *тай* из языков многих народов, заселяющих в настоящее время эти пространства: тюркских, монгольских, самодийских, кетского и др. На территориях с тюркским населением *тай* может входить в географическое наименование со следующими значениями: алт., каз. *тай* "жеребенок (по второму году)"; кирг. *тай* I "родство по материнской линии", *тай* II "крупное животное в возрасте одного года; лошак", *тай* III "кипа, связка"; ккалп. *тай*-I "однолеток (о лошади); жеребенок по второму году", *тай* II "кипа; мера веса"; тув. *дай* "фольк. конек, жеребенок (от двух до трех лет)"; туркм. *тай* "жеребец", *тай* (*та:й*) "1. равный, одинаковый, 2. пара, ровня", *тай* (*та:й*) "направление, сторона"; узб. *той* I "1. стригун, стригунок (жеребенок по второму году)", *той* II "кипа, тюк"; хак. *тай* "жеребенок (от 2 до 3 лет)". Так топонимы Тайкуль, Тайгуль, Тайсойган (Казахская ССР), Тайонез (Горно-Алтайская АО), Тойтепа (Узбекская ССР) несомненно содержат анализируемый элемент с указанными выше значениями.

В этом же списке 176 топонимов следует выделить группу с начальным *тайлақ* каз., кирг., ккалп. "верблюжонок": Тайлак, Тайлакджиген (Казахская ССР), а также подобную с элементом *тайпақ* каз., кирг., ккалп. "1. плоский, 2. пологий, неотвесный, крутой": Тайпак (Казахская ССР). На этом возмож-

ности тюркских языков в отношении анализируемого элемента исчерпываются почти полностью, оставляя исследователю для дальнейшего выяснения имена с начальным *тай* других регионов и языков. Этого следовало ожидать, судя по данным карты: отсутствие ареального расположения, разбросанность топонимов с начальным *тай* по обширной территории.

Иная картина получается при анализе географических наименований с финальным *тай*. По данным картотеки топонимов, их насчитывается 246, а при учете и фонетических вариантов *дай* (67), *тей* (46), *дей* (37) – 396. Географические названия данной группы очень компактно расположились на юге Иркутской области, насыщенно в Бурятской АССР, с выходами на территорию МНР, несколько разреженно в Читинской области. Ареал протянулся на запад разреженной полосой через Тувинскую АССР и Горно-Алтайскую АО в Северный (преимущественно) и Центральный Казахстан, а другая, более насыщенная, проходит через Усть-Каменогорскую, Семипалатинскую, Алма-Атинскую области Казахской ССР и прилегающую часть КНР в республики Средней Азии – Киргизскую, Узбекскую, Туркменскую ССР, где ареал меняет свой характер и предстает не компактным и цельным, а в виде тонкой (в несколько топонимов) цепочки.

Анализ топонимов с указанным элементом представляет уже осложненную задачу. Перечислим только те из них, которые находятся в Средней Азии и Казахстане: р. Атай, л.п. Нарын; р. Бабатай, п. Уил; р., н.п. Тарбагатай, хребты Западный, Восточный Тарбагатай; н.п. Чагатай; н.п. Абле-шагатай; н.п. Мирзатай; н.п. Мурзатай; н.п. Алатай; н.п. Матай; н.п. Джуматай; н.п. Туматай; урочище Нуратай; н.п. Сатай; урочище Шатай; н.п. Бекетай; н.п. Кенетай; р. Бюректай; оз. Шектай; н.п. Чагалтай; н.п. Талтай; зимник Шалтай; н.п. Елтай; н.п. Илтай; оз. Жолтай; н.п. Култай; н.п. Антай; н.п. Кабантай; н.п. Ивантай; н.п. Шагантай; р. Жантай, п.п. Улькай; н.п. Жантай; н.п. Казантай; н.п. Кантай; н.п. Джамантай; урочище Курмантай; развилка Потантай; оз. Кешкентай; н.п. Исентай; н.п. Контай; гора Улькен-Кокунтай; н.п. Джурунтай; аул Урунтай; оз. Бол. Турунтай; н.п. Суптай; гора Шортай; р. Ластай, правый исток Иргийты; н.п. Карахтай; н.п. Каштай; оз. Киштай; н.п. Ельтай; сор Кольтай; н.п. Эльтай; н.п. Бадай; н.п. Калдай; н.п. Шалдай; р. Боролдай, п.п. Арысь; н.п. Боролдай; н.п. Кулдай; н.п. Бурулдай; н.п. Тандай; н.п. Бурундай; перевал, н.п. Курдай; н.п. Ешкили Курдай; р. Багырдай, п.п. Урал; н.п. Байскудай; н.п. Эбетей; гора, н.п. Дельбегетей; гора Котей; гора Котырсельтей; оз. Гедей; р. Кедей, п.п. Селеты; н.п. Кедей.

Приведенный список в обратном алфавитном порядке наименований предоставляет несколько путей решения этимологических задач. В первую очередь обратимся к изоглоссе, протянувшейся от Забайкалья до Северного и Центрального Казахстана. Здесь расположились наименования не только с исходом на *-тай*,

но и на *-тей, -дай, -дей*. Ряд топонимов указанного ареала, особенно те, что содержат финальное *-дай*, представляют собой параллельные образования, существующие на весьма далеких друг от друга территориях: н.п. Бадай (Казахская ССР) и н.п. Балай в Иркутской области и др. В этой части *-тай* с его фонетическими вариантами скорее всего является аффиксом при апеллятивах, не поддающихся этимологизации из тюркских языков. К такому выводу подводит единая изоглосса и существование в ее пределах параллельных топонимических образований. Для территорий Бурятской АССР и МНР, где топонимы с указанными исходами легли плотным ареалом, этот аффикс не является чуждым. Он довольно широко используется в монгольских языках, принося в апеллятив грамматическое значение совместного падежа или относительного прилагательного и лексическое значение "имеющий что-либо".

То же можно сказать и о наименованиях второй изоглоссы, особенно тех, что расположились вдоль юго-восточной границы Казахской ССР и КНР. Установив значение аффикса, попробуем теперь с учетом двойной, тюркской и русской, адаптации географических наименований этимологизировать апеллятивы из монгольских языков. Так, из приведенного списка выделились следующие названия, данные в прямом алфавитном порядке: Антай тюрк., монг. *ан* "зверь, дичь", монг. *ан (и)* "щель, трещина, расщелина, расселина"; Боролдай монг. *боролдой* "серый"; Бурулдай монг. *буурал* "седина"; Бюректай монг. *берук* "песок"; Елтай, Илтай, Эльтай монг. *эл* "нора зверей"; Кабантай тюрк. *кабан*, монг. *хаван (и)* "кабан"; Калдай монг. *хаалттай* "закрытый"; Кантай монг. *ган (и)* "засуха", *ган (и)* "трещина, расщелина, щель"; Кулдай, Култай монг. *хуультай* "установленный законом, узаконенный"; Нуратай монг. *нураа* "обрыв, пропасть, каменная осыпь"; Исентай монг. *эзэн* "1. хозяин, владелец, обладатель; 2. господин, владыка, повелитель"; Суптай монг. *зудтай* "налицо гололедица, бескормица"; Талтай монг. *тала* "степь"; Тандай монг. *тан (и)* "отмель, порожистое место"; Тарабагатай монг. *тарбага (н)* "степной сурок"; Чагалтай монг. *цагаалж* "сиг (рыба)"; Шагантай монг. *цагаан* "белый"; Шалдай, Шалтай монг. *шал* "сухой солончак, твердый, как камень, с трещинами на поверхности при полном отсутствии растительности"; Шатай монг. *шатай* "расколовшийся, поврежденный (о копыте)"; Шортай монг. *шор* "солончак с малым количеством соли".

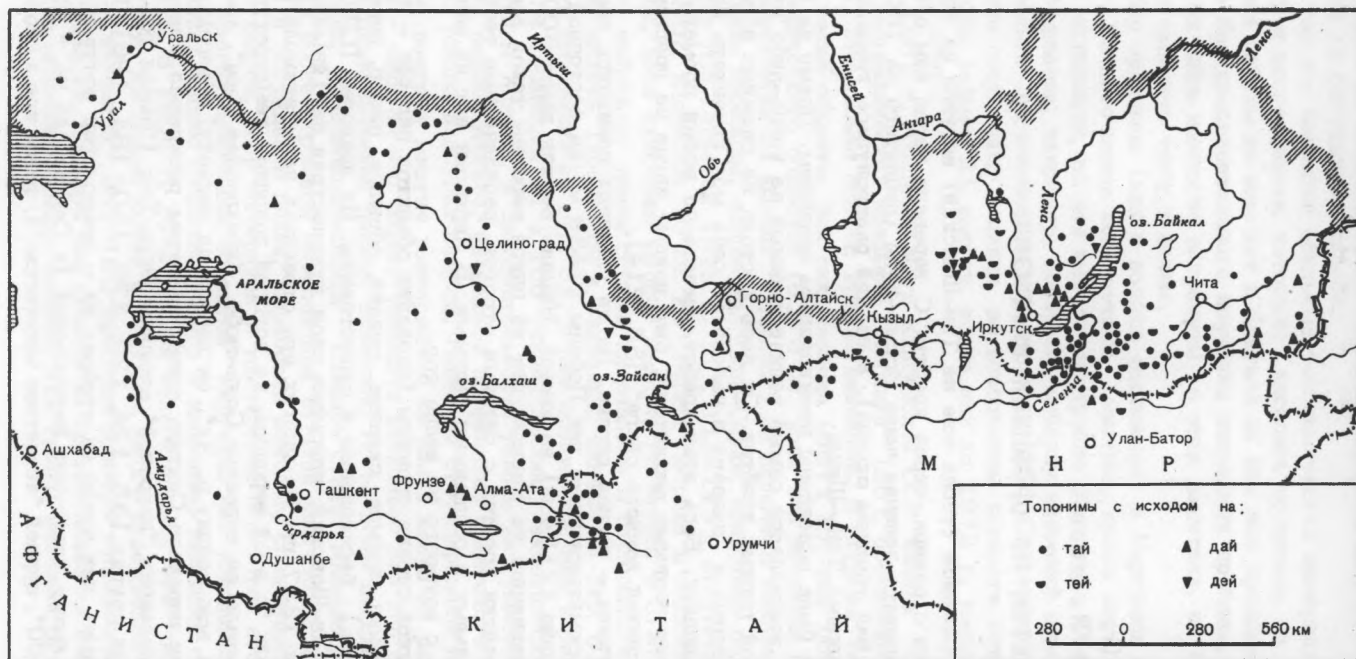
Часть топонимов с исходом на *тай* может быть полностью объяснена из тюркских языков, в которых, как например, в киргизском, финальное *тай* может означать родство по материнской линии или представлять собой в соединении с другими существительными форму ласкового обращения. Таковы названия Мирзатай, Мурзатай, Урунтай, Эбетей, перешедшие в данной

форме в географические имена. Названия Курдай "раз", Турунтай "дербник (кобчик)", в которых в настоящее время без специальных реконструкций нельзя выделить составляющие части, вероятнее всего, тоже примеры перехода личных имен в географические.

В приведенном списке есть несколько и таких названий, первый компонент которых легко может быть раскрыт из тюркских языков. Это Алатай тюрк. *ала* "пестрый"; Бурундай кирг. *бурун* "поворот, место поворота"; Джамантай каз. *джаман* "плохой, дурной, скверный"; Джурантай каз. *джурун* "тряпка, лохмотья, отрешье"; Жантай кирг. *жан* "сторона, край"; Жолтай кирг. *жол* "дорога", Казантай тюрк. *казан* "котел"; Кешкентай каз., кирг. *кешкен* "отрезанный"; Улькен-Кокунтай каз., кирг. *үлкөн* "большой, громадный", туркм. *кокун* "лепешки (которые пекутся на поминках и раздаются соседям)". Компонент *тай/дай* в процитированных выше названиях не может быть объяснен таким же образом, как в предыдущих случаях. Разнообразие форм *тай/дай* с предшествующим аффиксативом и невозможность связать их воедино семантически позволяют считать *тай* самостоятельным словом, вошедшим в состав топонимов.

Известно, что во многих тюркских языках слово *сай* имеет почти идентичные значения, ср. каз., кирг. "русло реки (может быть высохшим или пересыхающим); ложбина", туркм. "мелкий, неглубокий", узб. *сой* "1. горная речка, горный ручей, 2. долина речки". Таково же семантическое содержание элемента в составе географических имен. В словарях узбекского языка зафиксировано еще слово *чай* (*ча:й*) II "речка" и *чай* (*ча:й*) III "уст. колодец", тоже встречающееся в топонимии. В древнетюркском словаре *сай* дается только с такими значениями: "1. каменистое место вулканического происхождения, 2. пустынная равнина". По-видимому, в топонимии не только Средней Азии, но и Казахстана употребляются оба слова — *сай* и *чай*, колеблясь и смешиваясь в ряде случаев как отражение диалектных особенностей языков. Именно как диалектный вариант к данному ряду прибавляется еще *тай* с тем же самым, что и у *чай*, *сай*, смысловым содержанием. Появление *тай* в ряду *сай/чай* можно, по всей вероятности, рассматривать как один из результатов монгольско-тюркских языковых контактов.

Итак, топонимы с элементом *тай* Средней Азии и Казахстана входят в один обширный массив от Забайкалья до р. Урал с двумя ареалами — на севере и юго-востоке. Растянута масса, неравномерность его в ряде мест потребовали дифференцированного подхода к решению этимологических задач.

Распространение элемента *тай*

В. А. Никонов

ЗАМЕТКИ ПО ОРОНИМИИ КИРГИЗИИ

П. П. Семенов (тогда еще не Тянь-Шанский) вступил на землю Киргизии с севера, через хребты. С перевала перед ним открылась синевато-зеленая чаша Иссык-Куля (поднятого на 1609 метров над уровнем океана), а за ней развернулась грандиозная панорама Тянь-Шаня:

"Мы были ослеплены неожиданным зрелищем. Прямо на юг от нас возвышался самый величественный из когда-либо виденных мной горных хребтов. Он весь состоял из снежных исполинов, которых я направо и налево от себя мог насчитать не менее тридцати. Весь этот хребет, вместе со всеми промежутками между горными вершинами, был покрыт нигде не прерывающейся линией вечного снега" [35, 214].

Киргизия – горная страна. На ее границах поднялись два великана-семитысячника: пик Победы (7439 м) на восточной и пик Ленина (7134 м) на южной. Немало вершин выше 6000 м (для сравнения: на Кавказе нет ни одной вершины такой высоты); десятки хребтов с сотнями отрогов, расчлененные тесными ущельями и обширными сыртами. В Киргизии нет ни одного пункта, с которого не видно гор.

В такой стране оронимы (названия объектов рельефа – хребтов, вершин, холмов, склонов, ущелий, обрывов, пещер, перевалов и т.д.) бесчисленны и существенны. Их приводил П. П. Семенов-Тянь-Шанский, описывая свои путешествия на Тянь-Шань 1856 и 1857 гг. На многих его страницах даны этимологии названий: "с этой вершины, на которой холодная температура оправдывала ее название Соук-тубе "прохладная гора", мы увидели всю долину р. Чу", он передавал легенду, объясняющую название перевала Санташ, одним эпитетом раскрывал этимологию названия "двурогой" вершины Огуз-Таш ("бычья голова") и многих других [35, 124, 129, 179, 180, 184, 196]. Показательно, как чутко он отобрал их – этимологии почти все верны, кроме частичных неточностей (в Санташ *сан* не "1000", а "10000", верхней "несчетное множество"), тогда как и столетья

ем позже верные этимологии тонули в потоке дилетантских домыслов и бабушкиных сказок.

С тех пор накоплен обильный топонимический материал, появились и исследования, которые касались оронимов, но обобщающей работы по ним нет и браться за нее еще преждевременно без предварительного изучения отдельных проблем, из которых лишь немногие затронуты в этих заметках, не пытающихся охватить тему в целом.

Сбор оронимов (как и вообще топонимов) в Киргизии едва начат. Из источников пока лучшие (понятно, кроме карт) – отчеты экспедиций, но эти материалы трудно обозримы. Обзор Э.М.Мурзаева, например, содержит выборку названий перевалов, но только по некоторым территориям [25]. Счастливые исключения составляют ледники, во всесоюзном каталоге которых Киргизия займет 21 выпуск, но из них до 1973 г. вышли только семь.

В 1962 г. Академия наук Киргизской ССР издала "Словарь географических названий Киргизии" [36], обозначим его СГНК. Это только список, крайне неполный. В него не попали даже такие объекты, как пик Чапаева (6371 м), пик 100 лет Географического общества (6270 м), хотя оба названия даны за десятилетия до выхода "Словаря"; не включены некоторые таласские перевалы, например, Кырк-Серке, известные по экспедиции Н.В.Тагеевой 1928 г. [37, 113–115], отсутствует огромный, площадью 70 кв. км ледник Петрова в массиве Ак-Шийрак, хотя включены многие мелкие; указатель к СГНК предельно небрежен, лишен ссылок на разделы и страницы, в нем тщетно искать Табылгыты и Такталык, данные на стр. 61, или ледник Наливкина со стр. 31, – они пропущены, как и ряд других. На страницах 91 и 106 указан ледник с экзотическим названием Клюква, в действительности такого не существует, а есть ледник Клюева, названный по фамилии советского топографа. Много и других ошибок. Названия сгруппированы по долинам, поэтому многие повторяются не раз и никто не разберется – один ли это объект упомянут несколько раз или это одинаковые названия разных объектов. Не во всем виновны составители; удовлетворительный словарь станет возможным только после огромной многолетней научной подготовки (разработка и обсуждение плана, выработка методов, специальное обучение кадров, сбор материала и тщательная обработка его).

У многих природных объектов Киргизии нет устоявшихся названий, прямое следствие этого – несколько названий одного объекта. В 1935 г. Э.М.Мурзаев констатировал, что "часто одно и то же место имеет в Киргизии много совершенно различных названий" [25, 32]; приводил примеры топонимических импровизаций. Словарь без ссылок на другие названия того же объекта приносит меньше пользы, чем вреда, умножая путаницу.

По бассейну Таласа "Каталог ледников" содержит 30 названий [18, 34-44], а СГНК только 6 [36, 17], но 5 из них отсутствуют в "Каталоге ледников"; по бассейну р. Чонг-Кемин в Каталоге наименованы 10 ледников с названиями, данными в 1927 г. [18А, 52], в СГНК тоже 10, но совпадает единственно только Аксу, а все остальные совсем другие [36, 20].

Крайне неблагоприятно с транскрипцией географических названий Киргизии, особенно в русской передаче: смешение Уй и Ой (*уй* "корова", а *ой* "ложбина"), Донгуз или Тонгуз и т.п.; в фундаментальной работе А.Н.Бернштама указан перевал Калмак-ашу, между р. Чонг-Кемин и оз. Иссык-Куль [9, 19], в действительности он Калмак-Ашуу. Такой разницей — беда не только для топонимистов. Отдел Географических названий Главного Управления геодезии и картографии сделал многое, чтобы упорядочить транскрипцию, разработал и опубликовал "Инструкцию по передаче на картах географических названий Киргизской ССР" [14]; не все ее пункты удачны. Она обязательна для карт, в литературе же остается хаос. Вопрос не прост: в русском алфавите нет знаков для многих звуков киргизского языка, поэтому, например, киргизское *дөбө* "холм" передают по-русски *тюбе*, *тобо*, *добо* и пр., лучше *дөбө*, но и это далеко от подлинника, так как русское произношение при этом непременно смягчает согласную, т.е. вместо *д*, *б* звучат *дб*, *бб*, а это сильно уродует топоним.

Некоторые группы названий перевалов в Киргизии

1. Долон, 2. Калмак-ашуу, 3. Дабан.

Оронимы, как названия природных объектов, в большинстве своем устойчивей, чем названия населенных пунктов, и могли бы послужить свидетелями давних веков, о которых нет исторических данных, а археологические памятники немые: рассказывая о материальной культуре и даже о социальных отношениях прошлого, они молчат о языках создателей культур. Для

территории Киргизии нет письменных источников до средних веков. Немногие оронимы известны по персидским, китайским, арабским описаниям путешествий и картам. Несколько пополнить их, может быть, удалось бы по старинным надписям, но эпиграфический материал скуден оронимами. Датировка же оронимов существующих ни разу не была предметом исследований, сами методы стратиграфии еще только предстоит разработать.

Из пластов оронимии на территории Киргизии, о которых можно говорить не предположительно, пока древнейший — ираноязычный. Но хронологию его еще нельзя очертить даже приблизительно. Изучение исторической фонетики иранских языков даст в руки топонимистов средство выделять древние сакские оронимы среди более поздних таджикских, но при непрерывности ираноязычного населения за тысячелетия фонетический облик топонимов мог меняться вместе с изменениями в живой речи, следовательно, узнать сакское название можно лишь там, где иранская речь умолкла вместе с саками еще до образования таджикского языка. Никем не изучены возможные следы тохарского языка в топонимии. Индоевропейцы некогда населяли не только всю Среднюю Азию, но и огромные территории северней и восточней; можно предположить, что не все их оронимы исчезли: возможно, на территории Киргизии они за столько столетий стали неузнаваемыми в употреблении тюркоязычных народов, приняли тюркские фонетические черты или подверглись переосмыслению по сходно-звучающим тюркским словам.

Персидские и китайские источники VII—X вв. упоминали в прибрежьях Иссык-Куля местности Тон и Баскон (Барсхон). Названия сохранились и сегодня: перевал, ледник, река, населенный пункт Тонг "мерзлый"; перевал, ледник, река, населенный пункт Барскоон — *барскоон* в современном киргизском означает "кузнечный молот", но топоним мог обозначать "логово тигра". Было бы исключительно важно обсудить языковую принадлежность этих топонимов: в науке еще нет единого мнения о том, когда на территории Киргизии зазвучала тюркская речь.

Особенно важно проследить историческую смену оронимов. В. Минорский [45, 194] рассматривает предполагаемую связь древнего оронима Маниса в персидском географическом сочинении X в. с Киргизским хребтом современных карт (у него он — Александровский); в том же X в. у Махмуда Кашгарского этот хребет — Баласагунские горы. Горы Ботм арабских карт X—XII вв., как предполагают, — Алтайский хребет с его западными продолжениями [44, 88], однако при этом упускают, что Бод с давних времен самоназвание Тибета. Идентифицировать древние и современные объекты — задача очень нелегкая.

Оронимию Киргизии невозможно изучать изолированно от исторически связанных с ней территорией: смежных областей

Наиболее частые вторые компоненты в оронимии Киргизии
(выборка по СГНК)

2-й компонент и его этимологическое значение	Хребты	Вершины	Перевалы
адыр "холмистая местность"	3	2	-
арт "перевал" (в нарицательных и "задняя сторона", архаичное "спина")			14
арча "можжевелник"	4	-	-
ата "предок, святой"	3	9	-
ашуу "перевал"	2	7	4
	-	3	47
баш, баши "голова, вершина"	-	12	7
бель "седловина хребта", "перевал" (первичное значение - "поясница, талия")	18	6	103
булак "родник"	19	12	-
дабан "перевал"	-	2	6
дѣбѣ, тѣбѣ "холм"	8	35	4
дѣрѣ "ущелье", "горный проход"	-	2	-
джайлоо "горное пастбище"	7	8	10
джар "обрыв"	1	5	-
джилга "русло, ложбина"	3	1	-
дзон "хребет" (первичное значение "спинной хребет")	5	2	-
зоо "скала"	4	8	11
кѣль "озеро"	5	3	-
кир (кыр) "горный хребет", "гребень горы"	12	9	-
кия (кыя) "крутой откос", "косогор"	6	3	18
коо "ложбина" (но также и "загон")	3	3	-
коргон "холм" и "крепость"	2	2	-
корум, корумду "осыпь камней"	5	4	-
кум "песок"	1	2	-
мазар "могила, кладбище"	1	2	-
мойнок "шея", производно "крутой горный перевал"	6	2	11
сай "русло реки, ложбина"	6	2	-
суу "вода", "река"	10	15	45
таш "камень"	42	50	33
тектир "ровное место в горах, равнина"	6	2	-
тѣр "высокогорное пастбище", но и "место, противоположное входу"	18	22	47
тоо "гора", "горы"	40	11	1
чоку "темя, макушка, вершина"	3	11	1
Итого	243	257	362
С другими компонентами или из одной нарной основы	263	270	588
Всего	506	527	950

по ту сторону советско-китайской границы, где даже теперь немалые группы населения относят себя к киргизам [11, 77; 3, 331] и даже далеких, как Алтай и Монголия, и (для оронимии ираноязычной) Средняя Азия и Афганистан.

*

*

*

Тюркские топонимы очень часто (или даже в большинстве) двухосновны — образованы сложением двух основ. При этом 1-й компонент преимущественно (но не всегда) служит определением, а 2-й содержит нарицательный географический термин, многократно повторяющийся в географических названиях.

Ошибочно относить к трехосновным такие оронимы, как Чонг-Таш-Сай, Кичи-Таш-Сай и т.п.: вопреки их написанию (повторяющему киргизское) они двухосновны, образованы не Кичи+Таш+Сай, а Кичи+(Таш+Сай), их можно передавать и Большой Ташсай, Малый Ташсай, как передаем Новая Зеландия; в таких случаях один из видимых компонентов относится не к каждому из двух остальных, а к ним обоим, как к единому целому. Это не три основы одного уровня, а две, из которых одна в свою очередь двухосновна.

*

*

*

Как и во всей топонимии тюркоязычных народов, в Киргизии характерно тесное переплетение названий географических объектов разных категорий, например, гор и рек или рек и перевалов и т.д.: Такталык (в Токтогульском районе) и гора, и река, и перевал; Алмюдюн (близ Фрунзе) — вершина, перевал, ледник, река, населенный пункт; Байбиче (в бассейне р. Нарын) — горный хребет, вершина, перевал, ледник, река, населенный пункт. В названиях природных объектов Киргизии такие "связанные" топонимы преобладают, а одиночных, изолированных (относящихся только к объекту одного географического вида) — меньшинство. В минувшем столетии эту связь отметил Миддендорф. Но до сих пор замечали отдельные грани явления.

Странно названа горная вершина Балыкты "рыбная". Гора может быть каменная или богатая рудой, но не рыбой. Однако это — название соседней реки, по которой и названа гора. Такой перенос названий у тюркоязычных народов замечали не раз. В.В.Сапожников писал: "общее правило у алтайцев называть горы по рекам, которые из них берутся" [34, 163]. Так, в бассейне р. Чаткал (на западе Киргизии) названия рек Кашка-суу "прозрачная вода" и Кызыл-суу "красная вода" стали названиями горных отрогов Кашка-суу и Кызыл-суу. Аналогично и в бассейне р. Карадарья: вершины с названиями Кашка-суу, Сасык-булак "воющий ручей". Из включенных в СГНК 1033 наз-

ваний хребтов и вершин 25 содержат суу "вода, река", 31 – булак "ручей, источник", т.е. горы "заимствовали" названия водных источников. Это подмена значений по смежности обозначаемых объектов, метонимия: слово перенесено с одного обозначаемого объекта на другой, смежный с ним. ("Прочел важную бумагу" – прочел не саму бумагу, а написанное на ней, "съел две тарелки", хотя ел не тарелки, а содержимое одной, дважды наполненной.) Горы и перевалы не остаются в долгу: река Тюз-Ашуу (в бассейне р. Джумгал) переняла название ближнего к ней перевала Тюз-Ашуу (этимологическое значение "прямой перевал"), так же появились и "неподходящие" для рек названия Ак-Мойнок и Кара-Мойнок, которые только повторяют названия горных седловин (исходные значения слов "белая шея" и "черная шея").

Из 19 вершин, указываемых СГНК в бассейнах рек Чонг-Кемин и Кичи-Кемин, 8 тождественны с названиями рек, 7 – с названиями урочищ, 4 – с названиями перевалов, по одному – с названиями ледников и озер (некоторые тождественны не с одним, а с несколькими). А СГНК содержит лишь часть названий. Таково сложное переплетение названий объектов разных категорий.

Обычны случаи одинакового названия рек, текущих с одной горы в противоположные стороны. Например, 2 реки Кыз-Арт "девичий перевал" стекают с перевала того же имени – одна на запад, другая на восток. В земле киргизов Китая с перевала Музарт "ледяной перевал" растекаются на юг и север 2 реки Музарт. В.В.Обручев в примечании к книге В.В.Сапожникова заметил: "Как алтайцы, так и казахи, и монголы, часто дают одинаковые названия речкам, текущим с одного перевала или с одной вершины: таковы, например, 2 кургана в русском Алтае, 2 Сумдайрыка, 2 Кома, 2 Урмогайты в монгольском Алтае" [34, 503]. Вне современных границ тюркских языков несколько таких пар приведены мной во "Введении в топонимику" по территории Украины [28, 113]. Но вот пример, в котором пара названа одинаково, однако явно, что первично название реки, а не горы: в Заалайском хребте одна вблизи другой начинаются 2 реки Кызыл-Су "красная вода", одна уходит на запад и под таджикским названием Сурхоб "красная вода" течет в Амударью, другая – на восток, в Китай; гор и вершин с названием Кызыл-Суу в СГНК тут не указано, если же они и есть в действительности, то само название доказывает, что не реки названы по горе, а наоборот. Есть ли какая закономерность в таком хаосе противоположных переносов?

Обилие таких фактов убеждает, что явление гораздо шире, чем до сих пор замечали; его не свести к случаям переноса, хотя бы и массовым. По-видимому, налицо не только и, может быть, не столько переносы топонимов с одного объекта на дру-

гой, а территориальная комплексность: единое название местности, воспринимаемой как целое, со всеми ее различными объектами (обозначить ли общее название разных объектов местности термином аллотопоним, макротопоним, регионим или иначе — решит время). Нет необходимости угадывать в этом прямой след первобытного синкретического представления предков, не расчленявших территорию на гору, перевал, реку. И вполне современные люди говорят "ежедневно смотрим телевизор", хотя не смешивают сам телевизор с передаваемым изображением.

Может быть, восприятие территории, как неразрывного целого, особенно характерно для народов кочевых? Но это лишь допущение, еще требующее доказательств.

Комплексность или переносы усложняют этимологический анализ. Бессмысленна и неверна этимология оронима Балыкты "рыбная", это название всей местности по названию реки, единственно правильная этимология, ведь нельзя же этимологизовать названия многочисленных Парижей в Америке как "место обитания паризиев". Перепрыгивать через этимологические ступени — вульгаризаторское упрощение, грубо искажающее этимологии топонимов.

Топоним мог возникать, как общий для всей местности, а затем "распадаться" на одинаковые обозначения различных объектов. Приведенные примеры доказывают и встречный путь: название одного из объектов становилось общим для всей местности. Какого же из объектов? Самый "заметный" не обязательно самый высокий объект "первоназвания", им чаще оказывается не вершина. Пастбища на склонах и в долинах служили основой существования, горные перевалы связывали с соседними долинами, служили торговым и военным путем, реки поили и давали рыбу. А недоступные вершины оставались бесполезными. Надо еще учесть, что вершина, видная на равнине издали, несравнимо меньше выделяется в горной стране, заслоненная горными хребтами; она мало пригодна и как ориентир, где пути выются причудливыми зигзагами и вершина скрыта от глаз.

До последних десятилетий многие снеговые исполины даже не были известны. Даже 7439-метровый пик Победы, наивысший в Киргизии и на всем Тянь-Шане, обнаружен недавно; его высота установлена только в 1943 г. Тогда, еще в разгар войны, он и получил прекрасное имя — предвозвестие Победы. На вершину его поднялись впервые лишь в 1956 г. (группа В.Абалакова). В 1943 г. там же открыт горный хребет, который называли Меридиональным за его направление, поперечное большинству хребтов Тянь-Шаня, — целый хребет со многими шеститысячниками, равных которым нет на всем Кавказе.

Вершины выше линии вечных снегов оставались у киргизов безымянными. Во всем огромном, занимающем 3764 кв.км мас-

сиве льдов и вечных снегов на востоке Киргизии вокруг пика Победы* в прошлом только одна вершина получила имя, но от монгол: Хан-Тенгри (6995 м), монгол. *хан* "царь, владыка", *тенгри* "небо" и "божество"; книжные толкования оронима "властелин неба", "повелитель духов" противоречат монгольскому порядку слов, ставящему дополнение впереди, — при таких значениях было бы Тенгри-Хан. Остальные исполины там не имели названий до наших дней. Только в 1953 г. назван пик Дружбы (6800 м), высочайшую и ближайшую к пику Победы вершину 6918 м лишь в 1966 г. покорили грузинские альпинисты, назвав ее Важа Пшавела (в память выдающегося грузинского поэта). Даже и теперь, после полных топографических съемок, многих научных экспедиций, восхождений на бывшие недоступными вершины, остаются безымянными вершины, вздымающиеся шеренгой в том же хребте: западней — 6537 м, 6088 м, северней — 5967 м, даже 6527 м, северо-восточней — 5967 м; 6527 м, 6181 м. Все они выше Эльбруса и все в радиусе меньше 15 км; на противоположном рубеже Киргизии, в Туркестанском хребте, безымянные вершины 5510 м, 5016 м. Чтобы стал ясней масштаб, вспомним, что высшая точка всего Урала гора Народная имеет 1883 м, а втрое превышающие ее гиганты Киргизии еще не удостоены имен.

Кажется парадоксальным: названы перевалы, небольшие горы, даже холмы, в киргизском народном эпосе "Манас" перечислены названия десятков долин и рек на путях киргизских кочевий далеко к северу-востоку, в сторону Алтая, а рядом, в своей земле, не нашлось имен высочайшим вершинам. Но это оправдано: снеговые великаны в сплошном ледяном массиве, где нет ни пастбищ, ни путей, предкам киргизов были чужды, не входили в их жизнь.

Не исключено, однако, что в некоторых случаях относительно и обжитых гор путешественники принимали за отсутствие названия обычай табу, наложенного на их имена, связанный с культом гор.

*

*

*

Почти всю собственно оронимию Киргизии (т.е. за вычетом всей массы метонимических названий — перенесенных с другого

* И весь массив не имел названия у киргизов. В научной литературе у нас его название тоже не установилось. Называли "массив пика Хан-Тенгри", против этого выступал Н.А. Гвоздецкий [13, 296], предлагая "район Хан-Тенгри — пика Победы", но это громоздко; теперь предпочитают "массив пика Победы"; все 3 названия не устраняют двусмысленности — смешения самих пиков и всего массива.

вида объекта) составляют два семантических типа: названия по признаку самого объекта, наиболее существенному для называющего, и названия-посвящения. В оронимии редко встречаются названия принадлежностные, которые с возникновением феодальной собственности на землю стали такими частыми во многих разделах топонимии.

I. Наиболее часты оронимы по признаку объекта. Признаки любого объекта бесчисленны, как показал В.И. Ленин на примере обыкновенного стакана [1, 289]. Выбор признака для названия всегда определен исторически изменяющимся уровнем общества, экономическим и идеологическим. Одну и ту же местность некогда называли *верблужьи колючки*, позже *могила святого*, а теперь *долина нефти*.

Две черты обусловили выбор большинства оронимов этого типа в Киргизии: 1) скотоводческое хозяйство как основа всего существования киргизов на протяжении многих веков, поэтому — наибольшее внимание к растительности и животным; 2) характерная для горной страны повышенная роль зрительных восприятий.

I. 1. Многочисленны оронимы по наличию растительности, идущей на корм, в пищу, для изделий или топлива. По всей Киргизии распространены названия Кайынды "березовый, березовая" (хребет, вершина, перевал и др.); М.С. Андреев предположил, что Чаткал, название одного из крупнейших хребтов Киргизии (также и гидроним), — из диалектного слова с тем же значением "березовый" [7, 36–37] взамен безусловно ошибочной этимологии И.В. Мушкетова [27, 143]. Нередки Арчалуу "изобилующий арчой" (*арча* "можжевельник"). Горы Четин в бассейне р. Исфара, вершина Четинди в бассейне р. Майли-Су, перевал Четинди в бассейне р. Арпа — связаны с кирг. *четин* "рябина"; гора Алмалуу (в Даялакском р-не) "яблочная"; горы Карагайлуу (в бассейне р. Талас) "сосновые, изобилующие сосной"; перевал Шырыкты — из *шырык* "молодая ель"; перевал Табылгыты (из котловины Тогуз-Торо) — *табылгы* "спирея" (очень крепкий кустарник), "Киргизско-русский словарь" К.К. Юдахина отмечает, что слово сохранилось только в топонимии [43, 686]; перевал Карагатты на Алае — "черносмородинный". Главная зерновая культура горных местностей — ячмень, тюркск. *арпа*, соответственно горы Арпа-кыя (в бассейне р. Шахимардан), горы Арпалук (в бассейне р. Исфара), горы Арпа-Тактир (в бассейне р. Талас). Заросли арчи, рябины, яблони в Киргизии особо отмечал П.П. Семенов-Тянь-Шанский [35, 171 и 181], о местных изделиях из таволги еще в XVI в. писал Бабур [39, 70]. Не менее важен и негативный признак — отсутствие растительности: перевал Джалангач "голый" (название повторено трижды в разных районах Киргизии), горы Джалангач-Таш "голый камень" в бассейне р. Карадарья. На

обилие тех или иных животных указывают оронимы: Минг-Теке (гора в бассейне Кетмен-Тёбё) "тысяча (множество) козлов", в Таласе горный отрог Кой-Булак "овечий источник" (сравн. местность Овча купел вблизи Софии в Болгарии или Фуэнтэ Овехуна "овечий источник" в Испании, прославленный драмой Лопе де Вега, — из одинаковых условий — одинаковые названия). Использование территории отразилось в оронимах Ат-Жайлоо "конское пастбище", Уй-Жайлоо "коровье пастбище" (жайлоо "горное пастбище"), вершина Кароол-Чоку "караульная вершина" (в бассейне р. Сары-Джас) и отрог Кароол-Дёбё (над котловиной Тогуз-Торо) "караульные холмы" (сравн. в Поволжье оронимы Караульный бугор, гора Маяк). Нередки оронимы Корум, Корумды — из *корум* "осыпь камней", — указание на преграду и предупреждение об опасности, хребет Айланьш (объезд, кружной путь). Открыто оценочны оронимы с определением жаман "плохой": в бассейне р. Алабуга — горы Жаман-Тоо и перевал Жаман-Дабан. Название горы Жаман-Эчки (букв. "плохая коза") в бассейне р. Чу могло означать местность, неблагоприятную для скота. Давние ираноязычные названия в приферганских районах Киргизии, отмечающие места разработки недр: упоминаемый с X в. [39, 53] Мискен "медный рудник", Заркен "золотой рудник", есть, однако, и тюркоязычные оронимы, связанные с месторождениями металлов — горы Кюмюш "серебро" в бассейне р. Талас, где еще в X в. добывали серебро [3, 56]. С историческими событиями или легендами связаны названия гор Кыз-Коргон "девичий холм" или "девичья крепость", нескольких перевалов Кыз-Ашуу "девичий перевал"; в Ляйлакском районе вершина Кырк-Каракчи "40 разбойников" — это по сути тоже признак объекта, как и указания на этнический состав населения: горы Могол-тоо [24, 249], многочисленные названия перевалов Калмак-ашуу.

1. 2. В топонимии всех стран обычны основы, означающие цвет, но в горных местностях они особенно часты. Ландшафты резко пересеченного рельефа зональны по вертикали, а на юге эти "этажи" особенно колоритны: перед глазами радуга желтых песков и зелени всех оттенков, бурых и черных скал, красных глин, багровых выступов гранита, белизны вечных снегов. Доступное глазу труднодоступно ногам даже на расстоянии, ничтожном по равнинным масштабам. В горах названия чаще подсказаны признаками зрительными, особенно цветовыми: гора Ак-Таш "белый камень", Ак-Зол "белая скала", Кызыл-Кыя "красный откос" и проч. Из учтенных в СГНК названий 1033 хребтов и вершин имеют первым компонентом цветовые определения 299 (т.е. почти 30%): 79 *кара* "черный", 73 *ак* "белый", 39 *кёк* "зеленый, синий", 35 *кызыл* "красный", 33 *сары* "желтый", 16 *боз* "серый", 8 *чаар* "рябой", 7 *ала* "пестрый", 6 *конгур* "бурый", 3 *чал* "седой". О цветовых оро-

нимах соседнего Казахстана уже писали [8]. Даже в гидронимии цветковые определения все-таки реже (в Киргизии — 570 из учтенных 2900 рек — около 20%).

Однако надо помнить, что слова многозначны и нельзя какое-либо такое определение принимать за обозначение цвета называемого объекта (не говоря уж о названиях, перенесенных с других объектов). В южнокиргизских диалектах слово *кара* означает, например, не только "черный", а и "непокрытое снегом место в горах" [43, 346]. Специально о производных значениях мнимоцветовых определений в топонимии см. в моем "Введении в топонимику" [28, 56–57]; в частности, у тюркоязычных и многих других народов Азии они стали обозначать страны света, например, *кызыл* при основном значении "красный" может означать "южный". Э.М.Мурзаев [22; 24; 26] и А.Н.Кононов [19] показали, что *кара* и *ак* в названиях рек означают не цвет воды, а "происхождение" реки: *ак-су* "белая вода" — от таяния ледников и снегов, т.е. как раз мутного цвета, а *кара-су* "черная вода" из подземных источников, чаще прозрачная; "белый" и "черный" даны по цвету не воды, а снега и земли. Истолковывающий такие названия "прямолинейно", минуя производные значения слов, грубо извращает их.

Зрительное восприятие отмечает кроме цвета и форму называемого объекта (например, в бассейне Чу гора Соронг-Таш "торчащий камень", частые оронимы с *джар* "крутой обрыв", сравн. *яр* в топонимии Поволжья и Сибири) или его размеры.

1. З. Подчас ороним дан не за то, чем объект обладает, а за то, на что он похож. Вершина названа Ак-Теке "белый козел" ... водятся ли там белые козлы или, вероятней, она внешне сходна с белым козлом? Метафоричны (т.е. даны по сходству) названия Ак-Буура и Кара-Буура (*буура* "верблюд"), Бөрү-Баш "волчья голова", Айгыр-Джал "жеребца грива", Ак-Эшек "белый осел", перевал Конгур-Бука "бурый бык" и мн. др. Ведь и вне топонимии киргизский фольклор употреблял ту же метафору: "вздыхающийся Ала-Тоо подобен верблюду, ставшему на колени". Естественны "зоо-метафоры" у народа, главное занятие которого скотоводство. Есть и другие: в бассейне р. Майлы-Суу гора Мама — киргиз. *мама* "женская грудь"; предметы домашнего обихода — *сандык* "сундук" (вершины Сандык в бассейне озера Чатыр-Куль и в долине Кочкор), *тепиш* "корыто" (гора Тепши в бассейне озера Чатыр-Куль), *бешик* "колыбель" (горы Ак-Бешик в бассейне озера Иссык-Куль). Конечно, огромна разница — названа ли гора Джолбарс (на юго-западе Киргизии) так потому, что там были тигры, или потому, что ее вид напоминает тигра.

Но нельзя во всех подобных названиях видеть метафоры. Основы многих из них утратили метафоричность еще задолго до того, как стать топонимами — сравн. русские географические

термины хребет, перешеек, пояс, рукав и т.п., употребляя которые, никто не относит их к частям тела и одежды. Так и в киргизской топонимии. Например, в оронимии Киргизии десятки раз повторен компонент *мойнок*: хребет Кызыл-Мойнок в бассейне Иссык-Куля и Кара-Мойнок в долине Кочкора, особенно же часты перевалы: Кёк-Мойнок, Кара-Мойнок, Беш-Мойнок, Бото-Мойнок, Кош-Мойнок и др.; *мойнок* значит "шея", но уже сама частота употребления его в оронимах исключает метафору — слово некогда метафорически развило производное значение "крутой горный перевал" и уже в этом значении участвует в образовании оронимов, т.е. Кызыл-Мойнок не метафора "красная шея", а просто "красный перевал".

II. Названия-посвящения возникали еще в глубокой древности, связанные с мифологическими представлениями. Может быть, детальное изучение обнаружит на территории Киргизии оронимы такого происхождения, тем более что там существовал культ гор, хотя и гораздо слабей, чем у народов, с которыми киргизы связаны исторически (монголы, калмыки) или генетически (алтайцы, тувинцы, уйгуры), его наличие у киргизов подтверждает С.М.Абрамзон [4, 301]. О культе гор у этих народов существует значительная литература, частично касается этого замечательная работа В.А.Казакевича [16, 8-9], специально об этом — ряд работ Л.П.Потапова [31; 32; 33], ценные сведения находим у Н.Я.Бичурина [10, 231], а по современным тувинцам у С.И.Вайнштейна [12, 174-175].

Необходимо, однако, четко отличать топонимы-посвящения от топонимов, возникших как обозначения мест культового ритуала (таково, может быть, и название вершины Намаздык в бассейне р. Майлы-Суу), т.е. относящихся к типу I; так название перевала Тегирменты не означает посвящения перевала мельнице, а просто наличие мельницы (киргиз. *тегирмен*).

Специального исследования требуют многочисленные топонимы с компонентом *-ата*, понимаемым как "святой" (из *ата* "отец, предок, старец", позже "хозяин", "господин", еще шире — уважительная форма обращения вообще). Ареал топонимов с *-ата* велик, их можно встретить далеко на юго-восток от Киргизии в Кашгарском хребте Китая — крупная вершина Мустаг-Ата. Спора об *-ата* не решить в пределах оронимов, так как этот компонент не редок в названиях и других объектов, особенно рек. В.Н.Попова выдвигает гипотезу, что гидронимы с *-ата* связаны не с культом, а с архаичным глаголом *ата*, означающим "быстро течь". Но гидронимы с *-ата* могли возникать по закону комплексности названий: название реки могло повторять название горы или всей местности. Такое объяснение вероятней (если не предположить другое: топонимические *ата* из *ата* "именовать, называть", от *ат* "имя", т.е. подобно моделям "Иван по имени" или "завод имени Ленина").

Позже ислам принес несколько топонимов-посвящений, как, например, "священная" мусульманская гора (у г. Ош) Тахти-Сулейман "трон Соломона" (ее прежнее название - Бара-Кух). Но мусульманство у киргизов, как и казахов, было поздним и поверхностным, поэтому не могло широко проникнуть в оронию.

Из посвящений не религиозных в оронимии Киргизии можно привести название горы Манас, связываемое с именем легендарного героя киргизского народного эпоса, но была ли эта гора действительно как-то связана с Манасом - неизвестно.

Во 2-й половине XIX в. царское правительство ввело в оронию Киргизии несколько официальных посвящений, чуждых и киргизскому, и русскому народам (Александровский хребет, пик Кауфмана); с ними покончено после победы советского строя.

Новые посвящения, выражающие чувства советских народов, начаты в 1924 г., когда наивысшей вершине Заалайского хребта дано имя Ленина [6, 7]. Позже названия-посвящения присвоены многим названиям Киргизии: Кзыл-Аскер "красноармеец" (буквально "красный воин") и Джолдаш "товарищ" (в 1934 г.), пик Советская Киргизия, пик Чапаева (назван в 1937 г.), пик М. Горького, пик 100 лет Географического общества, пик Военных картографов, пик Нансена, пик Пограничник и многие другие.

*

*

*

Наблюдения над топонимией Балкан позволили мне заметить там своеобразную пару, характерную для гористых местностей: Челопек "солнечная сторона" и Осой "тенивая сторона". В Югославии и Болгарии десятки топонимов Челопек, Челопечи, Челопеч, Челопечене, Осой, Осойа, Осойе. Аналогичную пару в горном Дагестане заметил С.М. Хайдаков: в лакской топонимии очень часты *гъан* "теневого склон долины" и *сун* "солнечный склон долины". Он привел топонимы Гъаннакхур "поля на теневом склоне", Гънахалу "по ту сторону теневого склона", Суналу "над солнечным склоном", Суннилалу "под солнечным склоном", различительную пару Пял Вачча и Суну Вачча, т.е. "Вачча теневого склона" и "Вачча солнечного склона" [42, 463 и 465]. Вспомнились параллели из микротопонимии Поволжья, но там такая пара редка и относится к незначительным объектам (стороны улиц, например). А на гористой территории северный и южный склон почти два разных мира: в Киргизии исследователи отметили, что в бассейне р. Ат-Баши (левый приток Нарына) почти 86% всех ледников расположены на теневых склонах [41, 126]; лучшие пастбища - на солнечных склонах.

В Киргизии обильны топонимы с основами *кюнгей* "солнечная сторона" и *тескей* "тенивая сторона" (из *терскей*): на востоке республики — местности Кюнгей-Тегерек и Тескей-Тегерек, северней Иссык-Куля хребет Кюнгей-Алатоо, а южней Терскей-Алатоо, на карте П.П.Семенова-Тян-Шанского (1857г.) оба названия отнесены к берегам озера. И сегодня при поездке с южной стороны Иссык-Куля на северную говорят "еду на Кюнгей" (сообщил С.У.Умурзаков). Другие найденные примеры не пары; возможно, они могли возникнуть и самостоятельно вне пары, но вероятней на месте обнаружат другого члена пары. Их немало: горы Кюнгей в бассейне р. Талас, в бассейне р. Кичи-Кемин, местность Уч-Кюнгей в бассейне р. Сары-Джас, р. Тескей-Муз-Булак в бассейне р. Кочкор, горы Тескей-Алатоссу, местности Алтын-Кюнгей и Кара-Кюнгей в бассейне р. Джумгал, в бассейне р. Нарын, р. Сарю-Кюнгей в том же бассейне, перевал Тескей-Торпок и вершина Кырк-Кюнгей, местность Кызыл-Кюнгей в бассейне р. Аксай, р. Кара-Кюнгей в бассейне р. Арпа, р. Таш-Кюнгей в бассейне р. Кара-Ункур, вершина Кыр-Кюнгей в бассейне р. Карадарья, горы Кюнгей в бассейне р. Гульча, реки Арам-Кюнгей и Кызыл-Кюнгей в Алайской долине, р. Кюнгей-Булак в бассейне р. Исфара, р. Сары-Кюнгей в бассейне р. Кожо-Бакырган.

Характерно, что пары названия склонов не одного хребта, а одной долины: хребты не соединяли, а разделяли. Поэтому пара "зеркальна": солнечный склон долины — северный (южный склон хребта), а теневой склон той же долины — южный (северный склон другого хребта).

Только отсутствие серьезных сопоставительных исследований мешало увидеть такие пары, там, где это явление часто, оно, как естественное, обычное, казалось неинтересным, а отсутствия его на просторах равнины никто не замечал.

*

*

*

Выясняя этногенетические связи казахов, А.А.Абдрахманов для этимологии казахского оронима Музарт обратился за объяснением *арт* к Шории, где слово *арт* в языке живо со значением "перевал" [2, 13], хотя многочисленны параллели рядом: в Киргизии даже по скудному "Словарю географических названий" наименования 18 географических объектов имеют 2-м компонентом — *арт*. Например, названия перевалов: Агач-Арт (*агач* в ряде тюркских языков — "дерево", отсутствие этого слова в современном киргизском указывает на архаичность оронима), Ак-Арт "белый", Кайлы-Арт "березовый", трижды Кёк-Арт "зеленый", Кичи-Арт "малый", Кум-Арт "песчаный", дважды Кыз-Арт "девичий", Кызыл-Арт "красный", трижды Эшек-Арт "ослиный" и т.д. Они распространены почти во всех районах

республики (за исключением трех самых юго-западных районов Ошской области); по ту сторону советско-китайской границы вблизи Киргизии — перевал Музарт. С.У.Умурзаков [40] и О.Т.Молчанова [20 и 21] привели ценные сведения об ареале и датировке этого топонимического компонента, но это — лишь начало исследования.

В современном киргизском языке нет слова *арт* со значением "перевал" (есть *арт* "зад" и др.), в значении *арт* "перевал" оно "сохранилось только в географических названиях", как отмечает К.К.Юдахин в "Киргизско-русском словаре" [43, 70]; киргизский фольклор донес из прошлого *артуу* "перевал" в значении "ряд перевалов", эту форму сохранили некоторые киргизские диалекты [43, 71]. Топонимия не только устанавливает, что *арт* в Киргизии некогда означало "перевал", но и позволяет очертить его ареал вне Киргизии, охватывающий Алтай, часть Казахстана, Джунгарию, Кашгарию. Исследователям предстоит определить границы этого ареала, небезразличного для выяснения этногенеза киргизов. Однако нельзя умолчать о серьезной трудности. Ведь в Киргизии есть и гидронимы Жангарт, Балгарт, о которых Б.О.Орузбаева справедливо заметила, что их этимологии пока неизвестны [29, 110]; до сих пор не получило удовлетворительной этимологии и древнее название Сырдарьи, берущей начало в Киргизии, — Яксарт. Тот же ли в них компонент или это лишь звуковое совпадение? О названии пограничного с Китаем перевала Торут-Арт (южнее озера Чатыр-Кель) едва ли верно мнение А.Н.Бернштама: "Не случайно эта местность носит название Тургарт ... Из киргизского языка это название необъяснимо. Этимологизируют его в народе как "конец пастбищ" — место, где нет кормов, — или как масть лошади. С нашей точки зрения здесь, быть может, в первой части этноним *тжрк* и тюркское слово *арт* "конец, зад", что в целом должно означать "конец тюрков", "граница тюркского мира", т.е. кочевников, владевших издавна этими местами, в то время, как к югу от Тургарта начинаются оазисы Восточного Туркестана с другим населением и культурой" [9, 19]. Киргизское название этого перевала Торук-Арт, *торук* "торги", и возможно допустить этимологию "торговый перевал" (впрочем, есть и *тору* "гнедой" и *тоору* "подстерегать"). Но есть еще перевал Пшарт — в восточной части Памира, место коचेвок киргизов [9, 212], — как быть с его названием?

Исключительно важно название перевала и горы Иргай-Арт или Иргадж-Арт, Играй-Арт, неоднократно упоминаемых в персидском географическом сочинении X в. "Страны мира" [45, 62, 70, 95, 195]. В комментариях к этому сочинению В.Минорский колеблется, принять ли это название за Муз-Арт или за Бедель современных карт, но склоняется к Муз-Арту, хотя вероятней, что эта местность находилась западней, ближе к

Кашгару. Можно напомнить киргизское *иргай* "крепкий кустарник". Также в X в. Махмуд Кашгарский указывал перевалы Замби-Арт (по-видимому, южной Токмака) и Йафгу-Арт, может быть, южной Иссык-Куля.

За архаичность оронимического *арт* в Киргизии, может быть, говорит такой факт: в Киргизии (по СГНК) 13 географических объектов называются Калмак-Ашуу "калмыцкий перевал" – в современном киргизском языке *ашуу* основное слово, значащее "перевал". Но нет ни одного случая Калмак-Арт, хотя в тех же местностях, где находятся Калмак-Ашуу, есть перевалы Агач-Арт, Кыз-Арт, Эшек-Арт; эта несовместимость *калмак* с *арт* позволяет предположить, что ко времени калмыков (с середины XV в. по середину XVIII в.) слово *арт* уже утратило значение "перевал", вытесненное словом *ашуу*, как в современном языке. Все 13 Калмак-Ашуу образуют пунктирную линию от хребта Кемин на севере республики через Кочкор, Сонг-Кель и Карадарью до Алая на юге. Хотя и заманчиво принять это за след маршрута калмыков, но *калмак* означает у киргизов и небольшие группы самих же киргизов [4, 28; 5, 90–92], разбросанные в разных местах; связь некоторых из этих групп с калмыками ограничивается тем, что в роду некогда была пленная калмычка. Приходится учитывать также, что этноним *калмак* в киргизском языке приобрел и широкое нарицательное значение "враг".

В Киргизии 9 топонимов содержат *дабан*, из них 5 относятся к перевалам и 2 к вершинам. В современном монгольском языке *даба*, в бурятском *дабан* – "перевал". Специально монгольской топонимии Киргизии посвящены несколько работ, в каждой упомянуты и *дабан*. Д.И.Исаев [15] не касается размещения монголизмов на карте Киргизии. Э.М.Мурзаев констатирует, что они "могут быть обнаружены в любом районе Киргизии", но отмечает наибольшее количество их в бассейнах Иссык-Куля, Кочкор, Суусамы и Джумгал, а минимум – на юго-западе [23, 65]. То же утверждает Б.О.Орузбаева: "Монголизмы чаще встречаются в географических наименованиях Северной Киргизии и по мере продвижения на юго-запад употребляются реже" [29, 111]. Все трое пользовались тем же СГНК, на разных страницах которого приведены: перевалы Жангы-Дабан (в бассейне р. Сох), Донгуз-Дабан (в бассейне р. Ак-Буура), Арча-Дабан и Шибе-Дабан (в Алае), вершины Кара-Дабан (в бассейне р. Шахимардан) и Тегерек-Дабан (в бассейне р. Кызыл-Су), р. Дабан (в бассейне р. Кассан-Сай), перевал, местность, река Жаман-Дабан (в бассейне рек Арпы и Нарына, лучшая локализация дана у А.Н.Бернштама). Все они сосредоточены только на юго-западе Киргизии и ни одного на всей остальной территории республики, вопреки только что приведенным утверждениям. Видимо, их ареал очерчивает некую

этнографическую общность населения, в которой при таком размещении напрасно видеть монголов? Если Б.О.Орузбаева решительно относит монголоязычные топонимы Киргизии только к периоду монгольского завоевания, то Э.М.Мурзаев осторожно допускает и другую возможность — заимствование монгольских слов предками киргизов еще до прихода их на территорию современной Киргизии. Так и слово *дабан* могла принести часть киргизов, которая усвоила его от монголов еще в Центральной Азии. С.У.Умурзаков допускает, что *дабан* занесли еще каракитاي в XII в. [40, 200]. С другой стороны: можно ли игнорировать таджикское *долон* "переход, коридор"? Но это породило бы новые трудности.

Если бы предположения о хронологии *арт* и *дабан* оказались верными (в чем пока нет уверенности, это еще предстоит обсуждать и проверять), то эти топонимы смогли бы до некоторой степени датировать освоение киргизами территории Оша и смежных районов не раньше XIII–XIV вв. (до этого не знали *дабан*) и не позже XV–XVII вв. (после этого не употребляли *арт*).

Все исследователи монголизмов в топонимии Киргизии отмечают и слово *долон*, не сомневаясь, что это монгольское "семь". Правда, в топонимах ни разу не встретилось монгольское *дзаргу* "шесть", но это еще не аргумент, так как семерка у многих народов число мистическое. Но что может означать название Долон? "семь перевалов", "седьмой перевал", "седьмая река", и т.п.? Едва ли. Верней, основа таких топонимов — не монгольское нарицательное, а этноним *долон*, в основе которого могло быть личное имя Долон из монгольского "седьмой". В киргизских легендах фигурирует предок Долон, дед хорошо документированного Тагая; исследователи, признавая его лицом реальным, предполагали XIII в., А.Х.Хасанов произвел пересчет поколений и получил XV в. [38, III, 131]. С.М.Абрамзон поставил Долона во главу этногенетической схемы киргизов [38, IV, 5]. По преданию, 3 его сына ушли в Синьцзян. Там существует этнографическая группа *долон*; как выяснил С.М.Абрамзон, сами *долоны* отстаивают свое киргизское происхождение [3, 336–337]. Обитают они северней Аксу, т.е. как раз на территории, близкой к северо-востоку Киргизии, где находятся все топонимы Долон: вершина Бактуу-Долон-Ата северней оз. Иссык-Куль, там же 3 речки Долон-Ата; на главной меридиональной дороге республики — перевал Долон (между городами Рыбачье и Нарын).

Примеры с *арт*, *дабан*, *долон* еще раз напоминают, как вреден механический подбор этимологий по словарям. При таком способе топонимы Октябрьский и Интернациональный в Якутии — древнеримские, так как *октябрь*, *интер*, *нация* — из латыни; таких топонимов у нас теперь много повсюду, и образованы они, безусловно, из русских слов *октябрь*, *интернационал*, со-

вершено независимо от того, откуда пришли когда-то эти слова в русский язык (кстати сказать, не из латинского, а прошли немалый исторический путь в Европе). В топонимии они не латинизмы, а русизмы. Таковы, может быть, и некоторые "монголизмы" в топонимии Киргизии.

*

*

*

Включать ли в оронимию названия ледников?

Конечно, ледники Киргизии, Кавказа или Альп не существуют отдельно от гор, они часть высокогорного ландшафта; их названия составляют немалую долю всей топонимии высокогорных территорий. Этот разряд топонимов совсем неизучен, еще нет и термина, обозначающего его. Едва ли надо искать иной, чем гляционимы — в соответствии с гляциологией ("ледоведение" — наука о ледниках). Но по сути ледники — элемент не рельефа, а водной сети, они — истоки рек. И топонимически тесней связь их с гидронимией, чем с оронимией. В СГНК 256 названий ледников, из них 91 одноименны с гидронимами тех же местностей, 37 — с названиями хребтов и вершин, 52 — с названиями перевалов. По неполноте СГНК эти цифры для каждого раздела меньше действительных, но соотношения их, вероятно, близки к реальным.

Очевидно, будущей гляционимике предстоит стать автономным разделом гидронимии, а не оронимии, с которой она, однако, неразрывно связана территориальной связью самих называемых объектов. Поэтому здесь названия ледников упоминались только попутно, они рассмотрены в другой работе автора — "Гляционимия Киргизии", предназначенной для "Трудов" Географического общества Киргизской ССР.

Иначе решается вопрос о названиях перевалов. Логически, казалось бы, перевал — транспортный объект (как мост, дорога и др.). Но перевал — всегда ложбина, ущелье или седловина хребта, т.е. прежде всего факт рельефа. Изучение их названий, вероятно, целесообразней оставить за оронимикой.

Но эти "внутриведомственные" вопросы топонимики вряд ли заслуживают серьезных дискуссий.

*

*

*

В альпинистском сборнике "Побежденные вершины" (1972 г.) рассказано о высокогорном походе новосибирцев по Туркестанскому хребту на юго-западе Киргизии. Поход удался, описан живо, но можно подумать, что до них там никто не бывал. Они, не скупясь, раздавали названия вершинам; редактор П.С.Роттаев (автор работ по оронимии Кавказа) правильно поступил, приложив таблицу с 41 оронимом, где рядом с названиями, ко-

торые придумали новосибирцы, привел присвоенные тем же объектам прежде, не заслуживающие замены [30, 38]. Нельзя произвольно называть или переименовывать географические объекты.

Да, безымянные вершины есть. Но, во-первых, обязательно сначала узнать — не назван ли этот объект, выяснить в столице республики, — там есть и Географическое общество, и Институт географии, и альпинистский центр. Во-вторых, надо еще заслужить право предлагать название; немало случаев, когда группы давали названия вершинам, на которые не поднимались, а только прошли мимо, решив, что и этим оказали им честь. В-третьих, нельзя выбирать названия легковесно, непродуманно, или без договоренности с органами власти в Республике. К сожалению, среди множества новых оронимов на карте Киргизии не все удачны, попали и случайные, "сиюминутно" — конъюнктурные или "ведомственные". Нужны оронимы долговечные, под стать обозначенным ими объектам, а не мотыльковые — от одной альпинистской группы до другой.

Литература

1. Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т. 42.
2. Абдрахманов А.А. Историческая близость тюркских народностей Сибири и казахов на основе этнонимиики и топонимиики. — Происхождение аборигенов Сибири и их языков. Томск, 1969.
3. Абрамзон С.М. Киргизское население Синьцзян-Уйгурской Автономной области КНР. — "Труды Киргизской археолого-этнографической экспедиции". 2. М., 1959.
4. Абрамзон С.М. Киргизы и их этногенетические и историко-культурные связи. Л., 1971.
5. Абрамзон С.М. Этнический состав киргизского населения Северной Киргизии. — "Труды Киргизской археолого-этнографической экспедиции". 4. М., 1960.
6. Александров А.А. Высокое — высокому. — газ. "Известия", 1924, № 137.
7. Андреев М.С. Новые данные по установлению значения слова Фергана. — "Сообщения Таджикского филиала АН СССР". Вып. 24. Сталинабад, 1950.
8. Баяндин Н.И. О некоторых казахских географических названиях восточного и центрального Казахстана. — "Вестник Академии наук Казахской ССР". А.-А., 1949, № 4.
9. Бернштам А.Н. Историко-этнографические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая. М.-Л., 1952.

10. Бичурин Н.Я. (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. 1. М.-Л., 1950.
11. Брук С.И. Расселение национальных меньшинств КНР. - "Сов. этнография", 1958, № 1.
12. Вайнштейн С.И. Тувинцы-тоджинцы. М., 1961.
13. Гвоздецкий Н.А. Орографическая схема высокогорных областей Средней Азии. - Победенные вершины. М., 1952.
14. Инструкция по передаче на картах географических названий Киргизской ССР. М., 1955.
15. Исаев Д.И. Кыргызстандагы монгол тилдеринин негизинде келип чыккан топонимдер. - "Известия АН КиргССР". Фрунзе, 1971, № 1.
16. Казакевич В.А. Современная монгольская топонимика. Л., 1934.
17. Караев С.К. Топонимия Тянь-Шаня по Махмуду Кашгарскому. - "Сов. тюркология". Баку, 1972, № 1.
18. Каталог ледников СССР. Т. 14. Вып. 2. Ч. 1. Бассейны р.р. Асса, Талас. Л., 1968.
- 18А. Каталог ледников СССР. Т. 14. Вып. 2. Ч. 4. Бассейны притоков р. Чу. Л., 1971.
19. Кононов А.Н. О семантике слов *кара* и *ак* в тюркской географической номенклатуре. - "Известия Отделения общественных наук АН ТаджССР". Сталинабад. 1954, № 5.
20. Молчанова О.Т. Топонимия Горного Алтая - источник древней истории Южной Сибири. - Ономастика. М., 1969.
21. Молчанова О.Т. Географические термины горной части Алтая. - Языки и топонимия Сибири. 2. Томск, 1970.
22. Мурзаев Э.М. К географической терминологии и номенклатуре киргизов Тянь-Шаня. - "Известия Всесоюзного географического общества". Л., 1940, № 3.
23. Мурзаев Э.М. Монгольские элементы в топонимии Киргизии. - Географические исследования в Киргизии. Фрунзе, 1970.
24. Мурзаев Э.М. Средняя Азия. М., 1957.
25. Мурзаев Э.М. Физико-географический очерк рек Кокчмерена и нижнего Нарына. - Материалы по геологии и геохимии Тянь-Шаня. Ч. 5. Л.-М., 1935.
26. Мурзаевы Э.М. и В.Г. Словарь местных географических терминов. М., 1959.
27. Мушкетов И.В. Туркестан. Т. 2. СПб., 1906.
28. Никонов В.А. Введение в топонимику. М., 1965.
29. Орузбаева Б.О. О киргизских и монгольских лексических параллелях в топонимике. - "Известия АН КиргССР". Фрунзе, 1971, № 1.
30. "Победенные вершины". М., 1972.
31. Потапов Л.П. Культ гор на Алтае. - "Сов. этнография", 1964, № 2.

32. Потапов Л.П. Новые данные о древнетюркском ötükan.— "Сов. востоковедение", 1957, № 1.
33. Потапов Л.П. Применение историко-этнографического метода к изучению древнетюркской культуры. М., 1956.
34. Сапожников В.В. По русскому и монгольскому Алтаю. М., 1949.
35. Семенов-Тянь-Шанский П.П. Путешествие в Тянь-Шань. М., 1958.
36. Словарь географических названий Киргизии. Фрунзе, 1962.
37. Тагеева Н.В. Геолого-минералогический очерк района Биш-Таш в Таласском Ала-Тау. — Материалы по геологии и геохимии Тянь-Шаня. Ч. 1. Л., 1930.
38. "Труды Киргизской археолого-этнографической экспедиции". Под ред. Г.Ф.Дебеца. Т. 1-4. Москва-Фрунзе, 1959-1960.
39. Умурзаков С.У. Очерки по истории географических открытий и исследований Киргизии. Фрунзе, 1959.
40. Умурзаков С.У. О киргизских географических терминах, обозначающих перевал. — Всесоюзная конференция по топонимике СССР. Л., 1965.
41. Черкасов Л.Г., Фатеев В.П., Барбат Ю.П. Некоторые черты современного оледенения бассейна р. Нарын. — "Труды Ср.-Аз. НИГМИ". Вып. 65. Л., 1972.
42. Хайдаков С.М. Место топонимических названий в лексике лакского языка. — "Изв. АН СССР, ОЛЯ". М., 1960, № 6.
43. Юдахин К.К. Киргизско-русский словарь. М., 1965.
44. "Mappae Arabicae". I-V. Stuttgart, 1926-1931.
45. Ḥudūd al-ʿĀlam. Transl. and explained by V. Minorsky. L., 1937.

О.А. Султаньяев

К ВОПРОСУ ОБ ЭЛЛИПТИЧНОСТИ ТОПОНИМОВ

Топонимы именного типа часто утрачивают номенклатурные географические термины. В этих случаях возникают эллиптические формы, представляющие собой субстантивированные атрибутивы, которые приобретают полную самостоятельность. Ср.: Балыкты, оз. (*балык* "рыба"; "рыбное"), Жингылды, родн. (*жингил* "тамариск"; "тамарисковый"), Шиели, село (*шие* "вишня"; "вишневое") и др. Примеры показывают, что эллиптические формы обычно выражаются прилагательными с суффиксами *-лы (-li)*, *-ды (-di)*, *-ты (ti)*, в русской транскрипции — соответственно *-ли*, *-ди*, *-ти*, присоединяемыми к существительным.

Б.А.Серебренников пишет об эллиптических названиях как об одной из характерных черт русской топонимии и гидронимии в отличие от топонимии соседящих неиндоевропейских языков [5, 39]. Обилие эллиптических названий автор объясняет структурными особенностями русского языка: "Наличие родовых окончаний у прилагательных в русском языке позволяет легко определить, к чему оно может относиться. Например, название реки Великая делает ненужным дополнительное употребление слова "река", так же как названия населенных пунктов типа Чупрово, Сметанино или Ильинское не вызывают необходимости употребления слова "село". Отсюда вытекает и утверждение автора о том, что "названия населенных пунктов обычно представляют эллипсисы" [5, 39]. Нам кажется, что такое объяснение огромного количества эллиптических названий в русском языке не всегда себя оправдывает. Как быть, если, например, Ильинское — не село, а озеро? Видимо, тут прибегают к помощи контекста, а не смотрят на родовое окончание топонима. Следует иметь в виду и то обстоятельство, что русские географические названия, в том числе и названия населенных пунктов, имеют тенденцию образовываться, следовательно, и употребляться без всяких географических детерминативов. В таком случае, видимо, об эллиптичности названий можно говорить весьма условно.

В казахском языке, как известно, родовых окончаний нет,

поэтому определить сразу топоним – река это или озеро – не представляется возможным; например, гора и остров именуются одинаково – Жиланды (ср. русск.: гора Змеиная, но остров Змеиный), гора, село, озеро Имантау, озеро и село Алабота, гора, село, участок земли Сырымбет и т.д. Тем не менее эллиптические названия и здесь представлены широко, на что в свое время указывал А.Абдрахманов [1, 61–62]. Г.Е.Корнилов рассматривает эллиптирование определяемой части топонимов как особый топонимический тип, свойственный агглютинативным языкам [4, 126]. Поэтому трудно согласиться с утверждением Б.А.Серебренникова, будто “подобные (эллиптические – О.С.) образования не типичны” [5, 39] для тюркских языков, в частности казахского.

Кроме собственно эллиптических форм, в топонимии северных областей Казахстана встречаются простые топонимы (односоставные), состоящие из основы без аффиксов. Это большей частью: а) географические термины, ставшие собственным именем (Жал, Шат, Кудык); б) нарицательные существительные (Бота, Карагай, Мадениет); в) собственные имена (антропонимы), ср.: Джамбул, Кулет, Абай.

Односоставные топонимы могут быть и с производной основой: Жетистик “Достижение”, Тендик “Равенство”, Амандык “Здоровье” и др., где налицо аффиксы, –лык (–лік), –дык (дік), –тык (–тік) – в русской транскрипции соответственно –лик, –дик, –тик, образующие отвлеченные существительные от именных основ. Образование топонимов с этими суффиксами – новое явление в топонимии Казахстана, характерное для советского периода. В названиях дооктябрьского периода подобные суффиксы не встречаются.

Односоставные топонимы также продуктивны. На изучаемой территории соотношение их равно 1:5.

А.С.Битанова относит топонимы такого типа к разряду эллиптических [3]. Когда речь идет о наименованиях водоемов (озер, рек, родников) и лесных массивов, то еще можно допустить, что простые топонимы некогда имели детерминатив, который позже был утрачен. В пользу этого свидетельствуют и примеры: оз. Балыктыколь и оз. Балыкты, оз. Сасыкколь и оз. Сасык, оз. Текеколь и оз. Теке (все в Кокчетавской области). Но вряд ли есть основание относить к эллиптическим формам простые, односоставные топонимы, обозначающие населенные пункты. Выражены ли эти названия эллиптическими формами? Ведь “эллипс – пропуск (выкидка) элемента (члена) высказывания, легко восстанавливаемого в данном контексте или ситуации (в данном речевом или бытовом контексте)” [2, 525].

Можно ли “легко восстанавливать”, т.е. присоединять к некоторым одночленным топонимам, географические термины, которые якобы были пропущены, утрачены? Нам кажется, что такое

присоединение нарушает норму языка. В результате такой "операции" мы получаем "аул Абая", "аул Джамбула" и т.д. вместо: аул (село) Абай, аул (село) Джамбул (в честь Абая, Джамбула) и т.п.

Таким образом, односоставные топонимы по своей первичной структуре и современному употреблению в языке следует разграничить на две принципиально различные группы — эллиптические топонимы и одночленные топонимы с чистой основой. Такое деление, как нам кажется, имеет принципиальное значение прежде всего для понимания термина "эллиптическая форма". Поскольку эллиipsis обязательно подразумевает пропуск (выкидку) элемента, некогда реально существовавшего в составе данного топонима, постольку следует признать, что исторически эллиптическая форма в топонимии — это двусоставный, а то и многосоставный топоним. Другое дело — одночленные топонимы, которые даже при их образовании, при их становлении собственным именем не входили в сочетание и никакие номенклатурные термины (детерминативы) их не сопровождали. Г.Е.Корнилов в числе способов, "с помощью которых образуется эллиптическая синтагма, предназначенная быть топонимом", называет: "В. Усвоение топонимов иноязычного происхождения, когда последние приспосабливаются исключительно в плане изменения артикуляционно-акустической характеристики составляющих их фонем и не получают в качестве определяемого компонента соответствующих реалиям географических номенклатурных терминов" [4, 127]. Это положение автора кажется противоречивым: если иноязычный топоним не получает такого термина в качестве определяемого элемента, то не может быть речи и о выпадении подобного элемента, соответственно и об эллиптичности этих топонимов.

Литература

1. Абдрахманов А. Географические названия Казахстана. А.-А., 1959 (на казах. яз.).
2. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. М., 1966.
3. Битанова А.С. Из наблюдений над казахской топонимикой Кустанайской области. — Вопросы топонимистики. Вып. 1. Свердловск, 1962.
4. Корнилов Г.Е. О типах топонимов в агглютинативных языках. — ВЯ, 1967, № 1.
5. Серебренников Б.А. О методах изучения топонимических названий. — ВЯ, 1959, № 6.

А.С. Крюкова

НЕКОТОРЫЕ НАБЛЮДЕНИЯ НАД ТЕРМИНАМИ В СОСТАВЕ ГИДРОНИМОВ УРАЛЬСКОЙ И ГУРЬЕВСКОЙ ОБЛАСТЕЙ

На обширной территории Западного Казахстана встречаются географические названия различного происхождения: казахские, монгольские, русские, киргизские и другие.

Русские гидронимы этих областей анализировались и в семантическом, и в структурном, и в диалектном аспектах. Назрела необходимость проследить, какова доля тюркских названий на этой территории и как они закрепляются у местного русского населения (бывших уральских казаков) в плане двуязычия. Интересно также выяснить, какие тюркские термины распространены на нашей территории, какова их функция в гидронимах, их семантика, продуктивность моделей и, наконец, их использование в местном уральском говоре.

В основу наших наблюдений положены записи, сделанные во время специальных экспедиций, а также при работе над историко-этнографической, лингвистической и географической литературой.

Смена исторических условий, сложные общественные процессы — передвижение и смешение различных народов и племен — оставляли свой след: каждая появившаяся народность, усваивая и сохраняя прежние географические названия на языке своих предшественников, в то же время вносила в топонимию новое на своем языке. Так формировалась топонимия нашего края.

Правобережная часть среднего и нижнего течения р. Урала в основном русская, но уже южная часть Гурьевской и степная часть Уральской областей дают обильный тюркский материал (70–80%). Русские названия свойственны мелким объектам, а объекты покрупнее имеют тюркские названия: оз. Индер, Чархал, р. Деркул, Чаган и др.

Э.М. Мурзаев в статье "Местные географические термины и их роль в топонимии" указывает: "В составе славянских языков современные географические названия в меньшей степени испы-

тывают влияние номенклатурной терминологии, чем в средах тюркской; монгольской, в которых большинство топонимов образовано с участием местных терминов" [3, 16].

Большую помощь в изучении тюркского материала оказывают работы Н.М.Малечи [2], Г.К.Конкашпаева [1], Э.М.Мурзаева [3; 4], В.Н.Поповой [5] и др. Особенно подробно изучают гидронимическую терминологию А.Абдрахманов, Г.К.Конкашпаев, В.Н.Попова. Немало ими собрано, проанализировано, однако степень распространенности терминов, их локальность, варианты значений и судьба термина в местной лексике русского населения наших областей еще не затронута. А специфика местных географических названий складывается из совокупности географических, исторических и лингвистических причин. Термин интересен не только в прошлом, но и в настоящем, в его жизни.

Гидронимы Западного Казахстана еще не изучены, поэтому необходимо проанализировать некоторые интересные, с нашей точки зрения, казахские термины и названия. Чтобы избежать разнобоя, все термины записаны в той транскрипции, которая принята в словаре Г.К.Конкашпаева, а в скобках дана та форма, которая была обнаружена в письменных источниках.

Словосложение является самым распространенным способом образования тюркских топонимов, модель эта состоит из определения и определяемого (термина): Аралкудук, Ушапан, Сарыгиганак.

Многие топонимисты подчеркивают, что термин — это основной структурный стержень в топониме и основной источник информации о характере объекта.

Поэтому более полное представление об объекте дают именно те, которые состоят из определения и определяемого слова.

Рассмотрим наиболее продуктивные и характерные для Уральской и Гурьевской областей типы гидронимов и степень их усвоения русскими. Надо отметить, что, хотя набор географических терминов в казахской топонимии не так богат, как в русской, удельный вес их выше. Сопоставляя казахские термины *коль*, *тениз*, *шалкар* — озера с необозримой водной гладью; *айдын* — широкое, большое озеро; *сор* — озеро с топким дном; *шыганақ* — озеро-нижина с луговой растительностью; *ащы* — соленые озера и русские *озеро*, *лимень*, *котлубань*, *отножина*, *калужина*, *ямна*, *садок*, *прудок*, *взморина* (высохшее озеро); *водоемчик* (небольшое озерцо), *морцо*, *индеры*, *чаганаки*, видим, что казахский термин дает более четкую информацию об объекте, чем русский (диалектный). Из набора терминов *коль*, *тениз*, *шалкар*, *жалтыр*, *жалпак*, выделенных В.Н.Поповой со значением "широкое, большое по размерам озеро, с необозримой водной гладью", у нас широко распространен по всей территории термин *коль*: Алаколь, Жарколь, Тулебайколь и др. Эта модель очень распространенная в восточной части нашей области и на юго-запа-

де; термин *коль* имеет устойчивую позицию в конце названия двусловной структуры (Улькенколь, Тузколь) и очень редок в начале (Кольсуат).

Термин *шалкар* (Чархал, Челкар) "большое, необозримое озеро" выступает в роли имени собственного. Иногда к нему добавляется *тениз* "море": Шалхартениз "Большое озеро, море". Сам термин *тениз* редок.

Зато среди терминов со значением величины озера выступает *айдын* (*айден*) "широкий водоем, открытая водная поверхность большого озера" (отсутствующий у В.Н.Поповой). Термин занимает устойчивую конечную позицию и ареал его — только Камыш-Самарские озера: Бозайдын, Сарыайдын, Рахимайдын и многие другие.

Интересен отрывок из книги "Уральский округ и его районы" [6, 87]: "Большой Уэень оканчивается, впадая в оз. Тамак-Айден, оттуда воды идут потоком в большое Старицное озеро, далее на оз. Тас-Айден, разветвления входят в Красное морцо, далее левая часть потока идет через Романово морцо, далее Чумак-айден, Утарбай-айден и т.д." Здесь местный термин *морцо* (большое озеро с водой, близкой к морской воде) перекликается с казахским *айдын* (большое озеро, с широкой, открытой водной поверхностью). Термин *айдын*, как и *морцо*, имеет определенный ареал (только Камыш-Самарские озера) и этим небезынтересен не только по географическим, но и по чисто лингвистическим причинам. Глубокая локальность термина очень любопытна: ни одного *айдын* нет в восточной части, хотя тер. *ай морцо* редко, но встречается и там.

Среди названий системы Камыш-Самарских озер встречается еще один очень распространенный термин *кулак* (*клак*) "залив, поток". Он редок в препозиции и част в постпозиции: Таскулак (Тасклак), Темиркулак, Асанкулак, Ашыкулак, но Кулаксор, оз. Кулакты. Термин *шыганак* (*чаганак*, *чиганак*) "залив" у Г.К.Конкашпаева имеет только одно значение. Этот термин не редкий на территории Казахстана: В.Н.Попова его отмечает как особый тип озера, расположенного в низинах с тучной луговой растительностью. Но судьба этого термина на нашей территории несколько иная. Он реже встречается у казахов и обилен в лексике уральского говора (у русских) с тем же значением и значениями дополнительными:

Где косил? — В чаганаках.

Где рыбачил? — В чаганаках.

Где огород, бахчи? — В чаганаках.

Этот термин полисемантичен. Это не только залив, это и место для рыбалки, озеро, хороший участок, низина для покоса, это и довольно надежное место для неплохих бахчей, огородов. Происходит семантический сдвиг, термин обрастает разными значениями, оттенками значений. Он же выступает и в качестве

имени собственного, но чаще как термин в составе словосочетания: Липочкин чаганак, Большой чаганак, Питерсков чаганак и многие другие.

Не всегда только термин дает почву для семантических сдвигов. Есть у нас очень известное озеро Индер. По предположениям Г.К.Конкашпаева, это монгольский термин *ундэр* "высокий, высота, возвышенность". Это лучшее из соляных озер действительно расположено у гор (северная часть озера окружена горами). В диалекте слово *индер* встречается часто в значении "любая соленая речка, озеро" (Н.М.Малеча: "Соленые речки, озера называются индерами"). Первоначальное значение "высота", "возвышенность" утрачено, специфика самого озера (его соленая вода) слилась с названием, и слово получило иной смысл.

Мы рассмотрели некоторые особенности казахских географических терминов, связанных с понятием озеро. Казалось бы, после работы В.Н.Поповой "О гидронимах-индикаторах" не следовало повторять четко расклассифицированные термины. Но необходимо было сравнить, как эти термины распространены в Уральской и Гурьевской областях, какие из них являются единичными, какие частыми, какие из них — глубоко локальные образования. Кроме этого, не менее важно проследить жизнь термина на русской почве, когда эти же термины или сами названия испытывают семантический скачок и начинают жить новой жизнью. Все эти положения и хотелось бы рассмотреть на примере не только озер, но и рек с терминами *озен* (*узень*, *озек*), *мухыр* (*мухор*), *сай*, *су* и других.

Литература

1. Конкашпаев Г.К. Словарь казахских географических терминов. А.-А., 1963.
2. Малеча Н.М. Словарь уральского говора. Уральск, 1968 (рукопись).
3. Мурзаев Э.М. Местные географические термины и их роль в топонимии. — "Вопросы географии". № 81. М., 1970.
4. Мурзаев Э. и В. Словарь местных географических терминов. М., 1959.
5. Попова В.Н. Информационная роль местных географических терминов в составе топонимов. — "Вопросы географии". № 81, М., 1970.
6. Уральский округ и его районы. Вып. 8. Уральск, 1929.

Р.Я. Рассудова

ТЕРМИН ХОДЖА В ТОПОНИМИИ СРЕДНЕЙ АЗИИ

Средняя Азия являлась одним из древнейших центров человеческой культуры, ареной деятельности и борьбы различных народов. Об исчезнувшем населении на каждом шагу здесь свидетельствуют самые различные памятники истории, оставленные в разные периоды разными народами, в частности, топонимические материалы.

На значение топонимии для истории Средней Азии указывали еще в начале XX в. В.Л.Вяткин, В.В.Бартольд и др. [7, 98, 116, 118; 13; 14, 3-19; 1, 121-127]¹.

Среди многочисленных топонимов Средней Азии немалое распространение имеет термин *ходжа*, встречаемый иногда в литературе в форме *хваджа* [45, 222-226; 54, 182]. Термин *Ходжа* выступает как название не только селений и отдельных урочищ, но и культовых мест, ирригационных каналов и даже доли воды, выделявшейся для селения или отдельной группы хозяйств. Он происходит от этнонима, обозначавшего определенную группу населения, довольно многочисленную в ряде районов Средней Азии. Категория населения *ходжа*, кроме Средней Азии, встречается в Казахстане, Кашгарии, в странах Ближнего и Среднего Востока.

Термин *ходжа* имел весьма различные значения, что зависело от районов распространения, от этнического состава насе-

¹К настоящему времени этнографами, лингвистами, историками накоплен уже немалый материал по данному вопросу. Число публикаций по топонимике Средней Азии достигло значительных размеров. Здесь мы ограничимся упоминанием лишь некоторых из них, более важных и поздних. Так, даже в недавних изданиях представлены весьма интересные работы по различным отраслям среднеазиатской ономастики; к ним относятся статьи: Г.Ф.Благовой, И.В.Стеблевой, Б.Х.Кармышевой, С.С.Губаевой, М.М.Абрамова. Каждый из этих авторов приводит соответствующую литературу, которой особенно много у Г.Ф.Благовой [51].

ления, употреблявшего это слово, от того аспекта, в связи с которым рассматривается *ходжа* и т.д.

Слово *ходжа*, *хаджа* персидского происхождения; оно означало "старшего, начальника" и в этом смысле употреблялось широко среди различных народов. Однако, помимо указанного основного значения, термин *ходжа* получил много значений вторичных, возникавших, по-видимому, неодновременно и в разных районах. Казахи и киргизы словом *ходжа* называли учителя старометодной школы; почти по всей Средней Азии *ходжа* — это мулла, вообще духовное лицо [30, 185; 32, 392, 530]. Кроме того, как в Средней Азии, так и в соседних странах это слово употреблялось в значении "старца, супруга, мужа", а также "господина, хозяина, владельца, большого человека, сильного духом"; наконец, оно обозначало врача и даже евнуха (в Турции и Иране). Его употребляли и в качестве почетного звания [40, 199; 44, 618; 50, 274]. По-видимому, этими обстоятельствами и объясняется тот оттенок уважения, какое оказывалось человеку, к собственному имени которого прибавлялось слово *ходжа*. Очень часто *ходжа* выступает как название одного из сословий и даже "родовых", "племенных" групп в различных областях Средней Азии, в прошлом пользовавшихся известными привилегиями, что зафиксировано даже в словарях [52, 510].

Если все указанные значения термина *ходжа* были известны в разное время среди различных народов и в разных районах, то одно значение его отмечается обычно всеми, а именно: словом *ходжа* выделяли людей, ведущих свое происхождение от арабов, о чем подробнее скажем ниже. Таким образом, можно думать, что и учителя среди казахов, и врачи в османской Турции, и духовенство Средней Азии представляли определенную часть населения, которую в ряде районов выделяли даже в отдельное "родовое" или "племенное" объединение. Например, у каракалпаков, узбеков-локайцев и некоторых других народов слово *ходжа* считалось названием одного из родов или их подразделений [24, 161, 164–165; 31, 705; 32, 392, 530].

До настоящего времени отсутствуют какие-либо систематические исследования по данной группе населения Средней Азии; более того, существует мнение об ее исчезновении [20, 29]. Поэтому нам представляется, что, приступая к этой теме, необходимо² хотя бы по топонимическим материалам выявить ареалы термина *ходжа*, а также попытаться определить наличие или отсутствие каких-либо особенностей в распределении этого топонима в Средней Азии.

² В настоящее время этнографом Б.Х.Кармышевой подготовлено большое исследование об этногенезе населения Южного Узбекистана, в котором уделяется значительное внимание и термину *ходжа*.

Степень распространения термина *ходжа* в топонимии той или иной части Средней Азии была различна. Для установления этого положения предварительно мы составили таблицы, в которых приводится общее количество всех населенных пунктов и количество тех селений на территории Узбекистана и Таджикистана, в названии которых сохранилось слово *ходжа*. [48].

Для удобства и наглядности полученные цифры мы суммировали сначала по крупным регионам, на которые и разделяется Узбекистан (по долинам рек и оазисам); Таджикистан представлен в целом. Всего таких регионов насчитывалось восемь. Однако каждая из этих долин или оазисов имела свои особенности, отличавшие ее не только от других, но и создававшие различие между отдельными частями в пределах одного региона. В соответствии с нашей целью (детально определить распространение топонимов *ходжа*) мы рассматриваем их во второй таблице по отдельным частям каждой долины.

Таблица 1

Регионы		Населенные пункты		
		Общее число селе- ний	Из них селения с названием <i>ходжа</i>	
			число	%
I	Ферганская долина	1779	38	2,1
II	Ташкентский оазис	496	10	2,0
III	Средне-Зеравшанская долина	1862	62	3,4
IV	Нижне-Зеравшанская долина	1990	55	2,7
V	Хивинский оазис	510	14	3,0
VI	Кашкадарьинская долина	874	25	2,8
VII	Сурхандарьинская долина	443	14	3,1
VIII	Таджикистан	4603	80	1,7

Наибольший процент кишлаков с названием *ходжа* (3-3,4% от общего количества селений) отмечается в Средне-Зеравшанской (Самаркандская область) и Сурхандарьинской долинах и в Хивинском оазисе. За этими регионами следуют Нижне-Зеравшанская (Бухарская область) и Кашкадарьинская долины (2,7 - 2,8%). В топонимии Ферганы и Ташкентского оазиса термин *ходжа* составляет 2%, а в Таджикистане - всего 1,7%.

Однако эти процентные показатели чаще не соответствуют соотношению абсолютного количества этих селений по разным регионам. Селений с названием *ходжа* насчитывается больше всего (80) именно там, где они составляли наименьшую часть всех селений, т.е. в Таджикистане (1,7%). По количеству этих

селений Таджикистану уступают Самаркандская и Бухарская области. Если же последние две области рассматривать как две части одной, Зеравшанской, долины, каковыми они и являются, то, несомненно, окажется, что термин *ходжа* больше всего сохраняется в топонимии не Таджикистана, а Зеравшанской долины. Здесь и процент этих кишлаков был самый высокий по сравнению со всеми остальными регионами. Третье место занимали Ферганская и Кашкадарьинская долины. Здесь также соотношение числа топонимов *Ходжа* с общим числом селений в этих долинах (Ферганской и Кашкадарьинской) примерно соответствовало соотношению их абсолютного количества в топонимии разных регионов.

Наименьшее число селений с названием *ходжа* отмечается в следующих трех районах: в Ташкентском и Хивинском оазисах и по Сурхандарье. Напомним, что в последних двух районах, напротив, этот термин имел наибольшее значение. Выше мы сравнили абсолютное число топонимов *Ходжа* и их процент (по сравнению с общим числом других топонимов) по крупным регионам в целом. Однако не меньший интерес представляет распределение селений с этим названием и их процентное соотношение внутри каждой из этих долин. В Ферганской долине (табл. 2, I) больше всего этих селений приходилось на ее западную часть, Сохскую ирригационную систему, полностью составлявшую одну административную единицу, Кокандский уезд. К востоку и, особенно, к северу число подобных селений уменьшалось: на Исфайрамский (Ферганский или Маргеланский уезды) и Карадарьинской (Андижанский уезд) оросительных системах их насчитывалось по десять селений, а на северной окраине долины, орошаемой несколькими системами небольших предгорных рек, — всего пять.

Особенно резкая неравномерность в распределении топонима *Ходжа* сложилась в Зеравшанской долине (табл. 2, III, IV). Селения с этим названием и здесь сосредоточены в западной долиненной части р. Зеравшана. На восточной же окраине, в ее предгорных и горных районах, как и в Фергане, такие селения можно считать отсутствующими; в западных уездах (Самаркандском и Каттакурганском) их было 52, а в восточных (Джизакском и Ходжентском) — всего 10. Значительное число топонимов *Ходжа* сохранилось на самом западе Зеравшанской долины, в Бухарской области.

Аналогичное положение отмечается в Ташкентском и Хивинском оазисах (табл. 2, II, V). В каждом из этих регионов топонимы *Ходжа* встречаются, в основном, также в их западных (юго-зап. и сев.-зап.) частях.

Иное положение существовало в Кашкадарьинской долине и, особенно, в Сурхандарьинской области, т.е. на юге Средней Азии. В этих относительно небольших и редконаселенных доли-

Таблица 2

Уезды, области	Населенные пункты		
	Общее число се- лений	Из них селе- ния с назва- нием ходжа	
		число	%
I Ферганская область:			
1. Кокандский уезд	703	13	2
2. Маргеланский (или Ферганский) уезд	400	10	2,5
3. Андижанский уезд	403	10	2,6
4. Наманганский уезд	273	5	1,8
II Ташкентский уезд	496	10	2
III Самаркандская область:			
1. Каттакурганский уезд	645	24	3,7
2. Самаркандский уезд	706	28	3,9
3. Джизакский уезд	394	9	2,2
4. Ходжентский уезд	117	1	0,8
IV Бухарская область	1990	55	2,7
V Хорезмская область:			
1. Ургенчский кент	259	7	2,7
2. Новоургенчский кент	151	5	3,3
3. Хивинский кент	100	2	2
VI Кашкадарьинская область:			
1. Бекбудинский кент	119	6	3
2. Гузарский кент	121	7	5,8
3. Шахризиябский кент	554	6	1
VII Сурхандарьинская область:			
1. Байсунский кент	83	4	4,3
2. Ширабадский кент	114	3	2,6
3. Юрчинский кент	240	7	2,9
VIII Таджикистан	4603	80	1,7

нах, однако, мало отличающихся друг от друга количеством кишлаков с названием *ходжа*, не наблюдается концентрации интересующего нас топонима. Последний сохранился примерно одинаково по всей Кашкадарье. Тем не менее и здесь имеется небольшое превышение его количества. Однако оно падает не на западную часть долины, как мы отмечали в других регионах, а на южную. Кроме того, хотя число кишлаков с названием *ходжа* на юге было больше, чем в других частях долины, всего на одну единицу, однако их доля составляла шесть процентов, что превосходит процент этих кишлаков в двух других частях долины Кашкадарьи в два и шесть раз.

Сурхандарьинская область объединяла три различные водные системы. Наибольшее число кишлаков с названием *ходжа* насчитывалось в самой крупной системе по р. Сурхандарья, т.е. в восточной части области. В двух других, в западных частях области, их было в два раза меньше. Однако процент этих кишлаков с названием *ходжа* среди селений данного региона был значительно выше, чем абсолютное число топонимов Ходжа.

Во всех крупных долинах, оазисах те их части, где, как мы только что показали, сохранилось наибольшее для данного региона количество топонимов Ходжа, т.е. западные их части, обычно являются низовьями водных систем. Даже в Кашкандарьинской долине район сосредоточения селений с названием *ходжа*, юг долины, относится также к низовьям реки Кашкандарья.

Более того, в самих районах наибольшего сохранения селений с названием *ходжа* эти топонимы чаще всего оказываются на концах магистралей.

Сопоставляя последнее положение с историей развития земледелия, мы видим, что низовья магистральных оросителей, где оказывается наибольшая сосредоточенность топонимов Ходжа, являются районами, откуда еще до нашей эры начиналось освоение края и развитие ирригации [9; 19; 33].

Определив районы распространения топонима *ходжа* и связь этих районов с различными ирригационными системами, обратимся к литературе, раскрывающей значение термина *ходжа*, что поможет выявить некоторые причины сосредоточения термина *ходжа* в определенных регионах и хозяйственных условиях.

В вопросе о происхождении *ходжа* от арабов отсутствует единое мнение. По одним сведениям, им приписывается вообще арабское происхождение; по другим — *ходжа* являются потомками арабских военачальников, завоевавших те или иные области Средней Азии; по третьим — их считают потомками первых четырех халифов или одного из них, наконец, самого пророка Мухаммеда [25, 153; 52, 510; 53, 542].

Обращает на себя внимание и то обстоятельство, что при попытке русских властей систематизировать формы землевладения в Туркестане были выявлены и мнимые *ходжа*, родословные — *шеджера* которых или отсутствовали ("утеряны"), или не подтверждали их арабское происхождение, или оказывались фальшивыми. В своем исследовании о джуйбарских шейхах (*ходжа*) В.Л.Вяткин дает объяснение причины, по которой некоторая часть населения стремилась ввести в свои родословные "такие фамилии, непреложность происхождения которых от первых халифов считается общепризнанной". Таковой являлось желание повысить и защитить "интересы авторитета рода" [14, 3].

Однако какова бы ни была достоверность происхождения *ходжа*, до настоящего времени в литературе их происхождение свя-

зывают с арабами; таково убеждение было и у самих ходжа, и у окружающего их населения.

Ко всему изложенному мы добавим еще два факта, которые хотя, конечно, сами по себе ни в коей мере не разрешают проблему происхождения ходжа (мы ее и не ставим здесь), но заставляют предполагать более длительный процесс формирования одной из многочисленных групп населения Средней Азии — ходжа, чем можно было бы думать, исходя из их связей с арабами. Очень часто *ходжа* входили в состав различных узбекских, туркменских, казахских, киргизских, каракалпакских племен, они имелись и среди древнего иранского населения — таджиков. Приведем лишь несколько фактов.

Как одно из четырех сословий Букеевской орды *ходжа* проживали между Волгой и Уралом [23, 67, 75, 96]. К юго-востоку от этого района, в Казалинском уезде Казахстана "род ходжа" отмечен у керейтов, которые сами относились к одним из древнейших племен Средней Азии [7]. Они жили в четырех волостях небольшими группами, всего их было 99 кибиток [41, 110—116, 124—127]. В Перовском же уезде их насчитывалось значительно больше (534 кибитки) и селились они здесь более компактно. Наличие у казахов рода ходжа отмечают также А.К.Гейнс, Н.Н.Балкашин [15, 67—68; 43, 255—263]. Среди 44 селений (11000 душ) племени мингов, расположенных на левобережье реки Зеравшана (в Самаркандской области) до Шахрисябзских гор, отмечен кишлак Наука, где жили ходжа-минги. По сообщению Зааминского казы (Джизакского уезда, Самаркандской обл.), в одном из восьми подразделений племени юз, в хтай-юзе, два колена состояли из ходжа (хан-ходжа и ходжа хтай-юз) [16; 14; 36, 38—39]. Найманы, по утверждению А.Д.Гребенкина, также включали в свой состав ходжа-найман. Шесть каракалпакских племен низовьев р. Амударьи³ насчитывали три рода и три более мелких подразделения: акылходжа, анна-ходжа, караходжа, котереходжа, темир-ходжа, ходжа-караган [24, 161, 164—165, 167]. В перечне "основных узбекских племенных и родовых названий" в 1924 г. зарегистрированы два рода, входивших в локайское племя: исанходжа (6725 душ) и станходжа (125 душ).

Хотя среди таджиков не сохранилось родо-племенного деления, однако они также не являлись однородной частью населения Средней Азии. По мнению Магидовича, таджики не только отгуживались, но и сами поглощали другие народы. В подтверждение этого процесса он указывает на наличие ходжа-таджиков, численность которых превышала 20000 человек [39, 175—179, 280—281, 283]. Основным районом их поселения

³ Кыпшак, ашамайлы, ктай, мангыт, кият, карамоин.

являлась западная часть Бухарского оазиса (16535 человек). В Восточной Бухаре ходжа-таджики зарегистрированы в долине р. Ховалинга (2885 чел.) и в верхней части Яванской долины (1505 чел.).

Группа ходжа существовала и среди туркменских племен, особенно у салоров, считавшихся наиболее древними, их встретили арабы еще в VII в. [1, 139, 141]. В Туркмении ходжа причислялись к категории населения, известной здесь под названием *авлад*, последняя объединяла еще несколько других "племен" и разновидностей ходжа, которые, однако, выступают уже под другими наименованиями⁴ [8, 464, 501, 506].

Другим фактом, заставляющим относиться с какой-то оговоркой к арабскому происхождению ходжа, являются некоторые полевые материалы, зафиксированные нами в Ферганской и Зеравшанской долинах и Ташкентском оазисе в последние десятилетия. Нам неоднократно приходилось слышать от людей весьма почтенного возраста, принадлежавших к группе ходжа, о решительном отказе их от арабского происхождения, несмотря на то что они весьма охотно выводили свою генеалогию от пророка Мухаммеда. В рассказах современных информаторов обращают на себя внимание два положения: попытка подчеркнуть свое местное происхождение, а также обосновать его. В своих отношениях с арабами ходжа исходили из того, что они занимали высокое положение и прежде. Они считали, что их род сам по себе благороден, как и род Мухаммеда, что этот край — их исконная родина, что очистительный огонь зажигали они первыми

⁴В литературе отсутствует единое мнение в определении места ходжа среди других групп населения Средней Азии. Одни авторы считали их отдельным родом, племенем или разветвлением племени; другие, и их большинство, — сословием; наконец, третьи не высказывают свою точку зрения по этому вопросу и ограничиваются лишь нейтральным словом "группа ходжа" и т.д.

Этнограф Б.Х.Кармышева считает, что "среди родовых названий каракалпаков и узбеков-локайцев нет названия "*ходжа*". Этот термин, по ее мнению, встречается у них лишь как составная часть имени собственного (подобно словам *бай* и *мир* и т.п.), имени родоначальника. Так что такие этнонимы, как Исан-ходжа, никак не стоит рассматривать как название "одного из родов".

Подобные разногласия показывают, как нам представляется, большую сложность этого вопроса, требующего самого тщательного и разностороннего исследования. Здесь мы считаем необходимым указать лишь на то, что *ходжа* разных районов отличались своей численностью, занимали различное положение, имели различный антропологический тип.

и он в их домах горит постоянно и т.д. Места поселения ходжа в Средней Азии мы уже показали на основе топонимических материалов. Мы видим, что районом сосредоточения ходжа являлась в основном Зеравшанская долина в целом. Однако при этом следует иметь в виду следующие два обстоятельства. В XIX—XX вв. этническое название селений иногда уже не отражало действительного состава их жителей, т.е. группа ходжа к этому времени проживала уже не во всех кишлаках, сохранивших этот термин в своем названии, или же количественно она составляла очень незначительную часть жителей данного кишлака. Наряду с этим, как показывают и письменные источники, и наши полевые материалы, группа ходжа проживала во всех крупных и даже мелких кишлаках, какое бы название они ни имели; города же и торговые центры являлись основными местами их сосредоточения. Почти в любом селении Мианкаля или Бухарского оазиса (в Зеравшанской долине), в Сохской, Исфайрамской системах Ферганы, в Ташкентском оазисе по Чирчику и другим водным бассейнам встречались ходжа. В таких же городах, как Бухара, Самарканд, Ташкент, Коканд, Маргелан и многих других более мелких, они насчитывались в большом количестве.

Численность ходжа по сравнению с общим количеством всего населения Средней Азии, по-видимому, была не очень высокой. Однако это справедливо и в отношении каждой отдельной родо-племенной группы населения; поэтому такое сравнение не вполне отражает и место ходжа. Иное дело — сопоставление количества ходжа и других племен в отдельности. По данным на конец XIX в., в Зеравшанской долине ходжа по своей численности превосходили даже самые крупные племена в каждом из уездов, волостей Самаркандской области [37]; таково положение было и в Бухарской части долины [47, 180—314]. Исходя из количества рассматриваемых нами двух видов селений (с названием "ходжа" и иными наименованиями), по-видимому, можно предположить, что отмеченное для Зеравшана преобладание ходжа над другими племенами существовало не по всей долине, а лишь в районах основного сосредоточения ходжа; то же самое было в Фергане, Кашкадарьинском и Хивинском оазисах; несомненно, среди кочевников их было весьма немного.

О численности ходжа мы можем судить лишь по некоторым значительным районам Средней Азии. В перечисленных регионах (Зеравшанской долине, в бассейнах рек Кашкадарья и Сурхандарья, в Восточной Бухаре, соответствующей примерно современному Таджикистану) количество ходжа определялось приблизительно в 100 тыс. человек [27, 53; 39; 46].

В соответствии с разговорным языком, распространенным среди ходжа, последние разделялись в литературе на узбеков-

ходжа и таджиков-ходжа. Основная масса таджиков-ходжа занимала территорию Бухарского оазиса Зеравшанской долины и Кашкадарьинский бассейн с прилегающими к нему с трех сторон горными и предгорными массивами. Узбеков-ходжа, помимо Бухарского оазиса, было много и в Самаркандской области.

По своей численности в Бухарском оазисе таджики-ходжа преобладали над узбеками-ходжа; первых насчитывалось здесь более 30 тыс. человек, а вторых – всего 4075 человек. В Кашкадарьинском бассейне и окружающих его горах и предгорьях количество таджиков-ходжа достигало 8 тыс. человек. Одной из пяти групп таджиков Восточной Бухары являлись ходжа, которые сосредоточивались в долинах Ховалинга (2885 человек) и Явона (1505 человек); всего же их насчитывалось здесь почти 21 тыс. человек.

В Самаркандской области численность ходжа превышала 20 тыс. Определенных сведений о языке самаркандских ходжа не имеется в литературе; возможно, большая часть их здесь была тюркоязычной, как и преобладающее население этой части Зеравшанской долины.

Кроме указанных двух групп ходжа, выделяются арабы-ходжа, занимавшие в основном низовья Кашкадарьи, где их насчитывалось до 2 тыс. человек; в бухарском Ваганзи они немногим превышали 100 человек, составляя примерно 20-25 хозяйств.

Сведений о количестве ходжа в Ташкентском оазисе очень мало, и они разрозненны и не сопоставимы, поэтому вопрос об их численности в этом районе требует специальных изысканий. Относительно же ферганских ходжа в литературе не имеется каких-либо сведений. О них умалчивается даже в подробном списке этнического и национального состава населения Ферганской долины, помещенном в "Статистическом обзоре Ферганской области" (приложение 2,5) [49]. О них не говорят и поздние исследователи, занимавшиеся расселением народов и этнографических групп в Ферганской долине [12; 29].

Группа ходжа занимала различное социальное положение. Среди них были крупнейшие феодалы, как светские, так и духовные, и немало самых бедных тружеников. Наиболее известными крупнейшими феодалами являлись джуйбарские в Бухаре, ходжа Ахрар и его потомки в Ташкенте и многие другие.

Описывая устройство ирригационной системы и орошение Пайкенда (вблизи Бухары) в X в., В.В.Бартольд уже отметил, что в случае затопления местности водой на восстановление плотины выходили ходжа (шейхи); они жертвовали на это много денег [7, 201]. Именно ходжа постоянно получа-

ли ханское разрешение на освоение заброшенных земель эбисат: в результате их деятельности разоренные и опустошенные земли превращались в культурные районы [1, 123; 21, 214]. Большая часть владельцев мишкоров, т.е. земель, освобожденных от налогов, относились к группе ходжа [2; 55, 167].

В их руках находился суд [2], образование; они направляли духовную жизнь людей; нередко они захватывали государственную власть [8, 464, 501, 506; 14, 3-19; 15, 358, 379, 469]. Во всех трех среднеазиатских ханствах ходжа пользовались большими преимуществами, например, в Хиве они были освобождены от податей, от ирригационных повинностей на ханских каналах, от непосредственного участия в войне [21]. В Бухаре крупные землевладельцы ходжа, хотя и производились в определенные чины, однако кроме накиба, особых должностей "официально" не имели. Тем не менее, они постоянно приглашались эмиром на совет и пользовались всякими привилегиями и вниманием. Должностные чины возлагались на ходжей менее богатых, "второго разряда": среди них самое высокое положение занимал ходжа-калон, стоявший во главе служилого народа сипа, поэтому и эмир сажал его с правой от себя стороны [11, 540].

Высоко почитали ходжей не только в ханском кругу и не только богатых ходжа. Это отношение сохранялось среди всего населения и к малоименным бедным ходжа, являвшимся обычными крестьянами, ремесленниками, торговцами, чиновниками и т.д.

На основе столь кратких и разрозненных сведений, которых до сих пор касались лишь попутно, здесь не представляется возможным сделать какое-либо заключение относительно термина ходжа. Несомненно лишь, что ходжа, представлявшие один из значительных компонентов оседлого населения Средней Азии, имели весьма длительную и сложную историю формирования, требующую весьма кропотливого и разностороннего исследования.

Литература

1. Абдураимов М.А. О малоизвестном источнике по истории аграрных отношений в Средней Азии XV в. - "Народы Азии и Африки", 1968, № 3.
2. Абдураимов М.А. Позднейшие упоминания о суюргале. - "Общественные науки в Узбекистане". 2, 1961.
3. Аристов Н.А. Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей и сведения об их численности. СПб., 1897.

4. Абд ар-Рашїд ал-Бāкувї – Китāб Талхїф ал-асār ва ‘аджā’иб ал-малик ал-қаххār (“Сокращение [книги о] “Памятниках” и чудеса царя могучего”). Издание текста, перевод, предисловие, примечания и приложения З.М.Бунятова. М., 1971.
5. Бартольд В.В. Церемониал при дворе узбекских ханов в XVII в. – Сочинения. Т. 2. Ч. 2. М., 1964.
6. Бартольд В.В. История культурной жизни Туркестана. – Сочинения. Т. 2. Ч. 1. М., 1963.
7. Бартольд В.В. К истории орошения Туркестана. – Сочинения. Т. 3. М., 1965.
8. Бартольд В. В. Коканд. Ташкент. Термез. – Соч. Т. 3. М., 1965.
9. Батраков В.С. Характерные черты сельского хозяйства Ферганской долины в период Кокандского ханства. – “Труды САГУ”. Вып. 62, 1955.
10. Борнс А. Путешествие в Бухару. Ч. 3. М., 1849.
11. Будагов Л.З. Сравнительный словарь турецко-татарских наречий. Т. 1. СПб., 1869.
12. Винников Я.Р. Современное расселение народов и этнографических групп в Ферганской долине. – Среднеазиатский этнографический сборник. 2. М., 1959.
13. Вяткин В.Л. Материалы к исторической географии Самаркандского вилайета. – Справочная книжка Самаркандской области. Вып. 7, 1902.
14. Вяткин В.Л. Шейхи Джуйбари. – Сборник “В.В.Бартольд”. Таш., 1927.
15. Гейнс А.К. Собрание литературных трудов. Т. 1. СПб., 1897, т. 2, 1898.
16. Гребенкин А.Д. Мелкие народности Зеравшанского округа. – “Русский Туркестан”. Сборник, изданный по поводу Политехнической выставки. Вып. 2. М., 1872.
17. Гребенкин А.Д. Таджики. – “Русский Туркестан” 2.М., 1872.
18. Гребенкин А.Д. Узбеки. – “Русский Туркестан” 2.М., 1872.
19. Гулямов Я., Исламов У., Аскарлов А. Первобытная культура . . . в низовьях Зеравшана. – Труды Махандарьинского отряда Узб. арх. эксп. АН УзССР, 1966.
20. Гулямов Я. “Хўджа” сўзи қаердан чиққан? – “Фан ва турмуш” 1, 1970.
21. Данилевский Т.И. Описание хивинского ханства. – “Зап. РГО”. Кн. 5, 1851.
22. Добросмыслов А.И. Ташкент в прошлом и настоящем. Таш., 1912.
23. Евреинов А.Е. Внутренняя или Букеевская казачья орда. – “Современник”. Т. 29. СПб., 1851

24. Жданко Т.А. Очерки исторической этнографии каракалпачков. - "Труды Ин-та этнографии АН СССР". Нов. серия. Т. 9. М.-Л., 1950.
25. Загряжский Г. Юридические обычаи киргиз, о различных родах состояний и о правах, ими присвоенных. - "Материалы для статистики Туркестанского края". Вып. 4. СПб., 1876.
26. Зубрек К. Земледелие и ирригация Хорезма. - Новый Восток. М., 1923.
27. Иванин М.И. Хива и река Аму-Дарья. СПб., 1873.
28. Иванов В.А. Исмаилитские рукописи Азиатского музея. Пг., 1917.
29. Иногамов Ш.И. Этнический состав населения и этнографическая карта Ферганской долины в границах Узбекской ССР. Автореф. канд. дисс. Таш., 1955.
30. Казахско-русский словарь, [б.м.], 1936.
31. Каракалпакско-русский словарь. М., 1958.
32. Юдахин К.К. Киргизско-русский словарь. М., 1965.
33. Латынин Б.А. Вопросы истории ирригации древней Ферганы. - "Краткие сообщения Ин-та истории материальной культуры". Вып. 64, 1956.
34. Маев Н.А. Азиатский Ташкент. - "Материалы для статистики Туркестанского края". Вып. 4, СПб., 1876.
35. Майский П.М. Следы древних верований в памирском исмаилизме. - "Советская этнография", 3, 1935.
36. Макшеев А.И. Географические, этнографические и статистические материалы о Туркестанском крае. - "Записки РГО по отд. статистики". Т. 2. СПб., 1871.
37. Массальский В.И. Туркестанский край. СПб., 1913.
38. Материалы по киргизскому землепользованию. Т. 3. СПб., 1907.
39. Материалы по районированию Средней Азии. 1. Ч. 1. Таш., 1926.
40. Миллер Б.В. Персидско-русский словарь. М., 1960.
41. Монастырский В.А. О числе кочевого населения в Семиреченской области. - "Материалы для статистики Туркестанского края". Т. 3. СПб., 1874.
42. Наливкин В.П. Краткая история Кокандского ханства. Казань, 1886.
43. Об исследованиях Н.Н.Балкашина касательно киргизской орды. - "Известия РГО". СПб., 1882.
44. Радлов В.В. Опыт словаря тюркских наречий. Т. 2. СПб., 1899.
45. Салахетдинова М.А. К исторической топонимике Балхской области. - Палестинский сборник. Вып. 21 (84). Л., 1970.

46. Сборник материалов для статистики Самаркандской области за 1887-1888 гг. Вып. 1. Самарканд, 1890.
47. Ситняковский Н.Ф. Заметки о Бухарской части долины Зеравшана; список арыков и населенных пунктов. - "Известия Туркестанского отд. РГО". Т. 1. Вып. 2. Таш., 1899.
48. Список населенных мест УзССР и ТаджССР. Вып. 1-7. Самарканд, 1925-1926.
49. Статистический обзор Ферганской области за 1908 г. Скобелев, 1909.
50. Татарча-русча сузлек. Казань, 1950.
51. Тюркологический сборник. 1971. М., 1972.
52. "Узбекско-русский словарь". Под ред. А.К.Боровкова. М., 1959.
53. Узбекча-русча луғат. Тошкент, 1941.
54. Ханыков Н.В. Описание Бухарского ханства. СПб., 1843.
55. Хорошкин А.П. Долина Зеравшана. - Сборник статей, касающихся до Туркестанского края. СПб., 1876.
56. Хромов А.Л. Тюркские названия в микропонимии Ягноба. - "Изв. АН ТаджССР". 3 (49), 1967.

У. Бекбаулов

ТОПОНИМЫ ПРИАРАЛЬЯ КАК ИСТОЧНИК ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИИ КАРАКАЛПАКСКОГО НАРОДА

Локализация многих географических названий, изучение их представляет большие затруднения ввиду архаичности этих названий или же инородного происхождения, замены древних сакских топонимов греческими, а затем тюркскими или же персидскими. Например, полностью забыто происхождение древних гидронимов Дим, Баскатис — греческие названия протоков древнего Яксарта—Сырдарьи (Птолемей, География, IV, 12) [9, 125] или же сакское название Сырдарьи Гульзарриун [12, 166–167], или же Йенчу [12, 344], также Шаш (Наджибхадмани) [13, 921–922] и Амударьи — Бехруд (II–III в. н.э.) [7, 122]. Через тысячелетия дошли до наших дней древние названия. Какому языковому субстрату они принадлежат? Нам неизвестна, например, природа топонима Сага, упоминаемого Марцеллином [6, 39], а также Саг-Дере на месте позднейшего Чирик-Рабата (С.П.Толстов) [18, 122], хотя здесь можно провести связь с названием народности саков — обитателей низовьев Сырдарьи в далеком прошлом. Древние авторы (ат-Табари, Ибн Хордадбех, ал-Истахри, ал-Макдиси, ал-Мукаддаси, Якут, в "Истории династии Тан", в персидском анониме "Худуд ал-Алем" и др.) еще в VIII–XIII вв. н.э. упоминают название

Кердер с фонетическими вариантами Курдер, Кардар, Курдар, Кердеран, Кердели. О кердалийцах упоминает Ибн Фадлан как о жителях города Ардакуа — одной из частей Хорезма [13, 36, 172–173, 230, 272] или Миздахкан и Тек-кала. К сожалению, ничего определенного исследователи пока не могут сказать об этих названиях, хотя и располагают кое-какими предположительными сведениями о существовании таких местностей в раннем средневековье на территории нынешней Каракалпакской АССР [21, 67–75].

Этимологизация таких топонимов представляет большой интерес как для лингвистики, так и для других наук. По словам археолога В.Н.Ягодина, анализ письменных источников позволяет

ориентировочно определить и период существования Кердера как особой области [21, 70] с населением, говорившим не по-тюркски и не по-хорезмски [15, 431], а "на языке, похожем на кваканье лягушек" [13, 36].

Что касается названия Кердера, то не может быть сомнения в его иранском происхождении. Название Кардар является иранским антропонимом, связано с именем Кардара, верховного мага времени Шапура I, известного нам по Кашкираджабским надписям [17, 130].

Много еще загадочного и в современной топонимии Приаралья. Например, Урге (мыс на юге Аральского моря) известен в фонетических вариантах Урга (у русских), Урги (у казахов). Есть и Урге название переправы через Сырдарью, что находится в 65 верстах выше хивинской крепости Жана-Кала, в 40 верстах выше Казалинска [5, 377].

О происхождении названия Урге есть народная легенда, она гласит: "Джигит тайком увез дочь султана Махмуда Урсулуу (Хурсулуу) из его крепости Пулжуй. Вдруг задумался джигит: "Стоит ли брать мне ее в жены, ведь ее страна сейчас находится в беде"? И он оставил девушку в степи. Считая для себя позором возвращение домой, она осталась здесь и построила крепость, собрав вокруг народ. Город был назван ее именем Урсулуу (Хурсулуу). Потом стал называться Урге. Этот город сейчас находится под водой, под Аральским морем" [2, 13].

Народная этимология, связывающая название Урге с какой-то легендарной Урсулуу, не оправдывается по ряду причин, хотя она и верно относит время "рождения" этого топонима к хорезмшахскому периоду [19, 20, 27, 96-97]. Название Урге до некоторой степени связано с ландшафтом, так как возвышенность Урге стоит на 200-300 футов выше уровня моря [3, 1-9]. Этот топоним с его фонетическими вариантами не единичен как в Приаралье, так и в других местах Средней и Центральной Азии; он существует у многих тюркоязычных и монголоязычных народов. Так, например, у башкир *ур* (подъем), *урге* (вывысь) [1, 588], а у монголов вообще Урге называются города на возвышенностях. Такую же нагрузку топоним Урга [14, 133] несет у желтых уйгуров.

Есть и другая группа топонимов, непосредственно связанных с историей каракалпакского народа: Кара кой сойган и Аламесек, обозначающие места бывших поселений каракалпачков (в XVIII в. в устье Сырдарьи). Анализ этих названий может дать многое, если подойти к их этимологии с позиции исторического источниковедения.

Так, для раскрытия значения топонима Кара кой сойган не лишне привести два отрывка из официальных документов.

"... Спорная земля — урочище Қара қой сойған — находится на левом берегу Сыра против Могилы Баши Кара, прежде в

этом урочище чумекеевцы вовсе не кочевали, а стали владеть с 1856 г., доказывая, что будто бы, когда киргизы перекочевывали из Туркестана назад тому 150 лет, то каракалпак по имени Кайнак (вероятно, Қаймақ. — У.Б.), который кочевал с чумекеевцами, первый будто бы владел этой местностью, по сему чумекеевцы и претендуют на это урочище ...”

Войсковой старшина Карамышев
(ИГА, КазССР ф. 385, по -1,
д. 2 лл. 9-10) [11, 482-483].

“... После убийства киргизами каракалпаков (при киргизском султани Абул Каире) около Аламесека (озеро в Перовском уезде), каракалпаки оставили Сыр-Дарьинскую долину ... Осмотрев новый участок, он (Курман. — У.Б.) увидел, что в нем есть большой оросительный канал, которому он дал свое название — Келте-Арык, что значит короткий канал, а мирабом назначил главу единственной каракалпакской семьи, оставшейся по бедности среди вражеских тогда племен киргиз и скрывавшейся в камышах (речь идет, конечно, о каракалпаке Кайнаке — Каймаке. — У.Б.). Найдя надежную защиту в лице Курмана и получив в свое распоряжение канал, он зарезал с радости последнего своего черного барана в “худай жолы” — жертву, отчего и участок этот получил с того времени название Кара кой сойган (удивляясь радости каракалпака, не ценившие в то время землю, в насмешку называли местность Қара қой сойған ...)” [16].

Отрывки эти в той или иной мере освещают события из истории каракалпакского народа в период джунгарского завоевания и называют первого каракалпака — Каймака, поселившегося вместе с родом Шомеке в устье Сырдарьи сразу же после нашествия джунгар (в первом отрывке факт приурочен к джунгарскому нашествию 1723 г., а во втором — к нашествию Абулхаир султана в 1743 г.).

По нашему мнению, целесообразным было бы изучение таких топонимов, изучение происхождения которых пролило бы свет на некоторые страницы истории народа, или же — патронимов типа: Арал-бай — Турук (81) [8, 81] Нағдай [8, 83], Қаржау [8, 85], Тоқбай [8, 86], Баян, Тумен [8, 152, 168], Тоқуз [8, 142, 144], Тағай [8, 142], Янги, Ай [8, 143], Ай-Етим, Айбай [8, 144], Тау [8, 144, 179, 217], Муғалтай [8, 156], Сағдақбай [8, 159], Боғра [8, 172], Деник [8, 194], Жаубери [8, 200], Чаган чуре агасы [8, 207], Куяш [8, 211], Арал [8, 317], Бозджу [8, 318], Дех [8, 319], Қан, Кат, Қажқа [8, 321], Марга, Мынг [8, 323], Ноғай [8, 324], Он, Онғар [8, 224], Сапун, Саргалы, Созак [8, 325], Танг [8, 326], Сунақ [8, 326] и т.п., тем более что

большинство вышеприведенных топонимов и патронимов имеет непосредственное отношение к истории и этнографии каракалпакского народа.

Взять, например, патроним Сунақ (считается предком рода Қазаяқлы). Специалисты предполагают, что "прозвище легендарного предка Сунақ", вероятно, связано с городом Сыгнак на Сырдарье, где каракалпаки обитали и были под политическим влиянием Бухары еще в конце XVI в. Или же этноним Сагдақ бай, обозначенный китайскими иероглифами Шегуй и сопоставляемый специалистами с тюркским словом Сагдак. Между прочим, они говорят, что имя Шегуй по значению иероглифов значит "колчан" и могло быть сопоставлено с тюркским словом Сагдак, но наличие того же имени у южных сяньби-муюнов в Ляодуне и Тогоне дает основание предположить прямое заимствование имени еще во времена монголоязычия [7, 38]. Главное то, что Сагдак как этноним существует с отдаленных времен. Так, Среднюю Азию голубые тюрки называли Согдак [7, 344].

Изучение топонимов и этнонимов Приаралья может дать много неожиданного, нового по исторической лексикологии и диалектологии, а также по истории, этнографии и археологии каракалпакского народа.

Литература

1. Башкирско-русский словарь. М., 1958.
2. Бекбаулов У. Диалектологические записи по Муйнакскому району за 1960 г. Тетрадь № 1.
3. Бутаков А.И. Сведения об экспедиции, снаряженной для описи Аральского моря в 1848 (1849) году. - "Вестник ИРГО". Ч. 7. Отд. V. СПб., 1853.
4. Вамбери А. Очерки Средней Азии. М., 1868.
5. Грен А. Экспедиция для исследования р. Жана-Дарьи (летом 1859 г.) (Из путевых заметок о киргизской степи). - "Инженерный журнал", 1862, № 6 (ноябрь-декабрь).
6. Григорьев В.В. О скифском народе саках. СПб., 1871.
7. Гумилев Л.Н. Древние тюрки. М., 1967.
8. Документы архива хивинских ханов по истории и этнографии каракалпаков. М., 1967.
9. Древние авторы о Средней Азии. Таш., 1940.
10. Жданко Т.А. Очерки исторической этнографии каракалпаков. - "Труды Ин-та этнографии АН СССР". Новая серия. Т. 9. М.-Л., 1950.
11. Казахско-русские отношения в XVIII-XIX веках. А.-А., 1964.
12. Кляшторный С.Г. Древнетюркские рунические памятники как источник по истории Средней Азии. М., 1964.

13. Книга Ахмеда ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921–922. Харьков, 1956.
14. Малов С.Е. Язык желтых уйгуров. Словарь и грамматика. А.-А., 1957.
15. Материалы по истории туркмен и Туркмении. Т. 1. М.-Л., 1939.
16. "Русский Туркестан", газ. Таш., 1905, № 108 (14).
17. Струве В.В. Этюды по истории Северного Причерноморья, Кавказа и Средней Азии. Л., 1968.
18. Толстов С.П. Приаральские скифы и Хорезм. – "Советская этнография", 1961, № 4.
19. Толстов С.П., Жданко Т.А., Итина М.А. Работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР в 1958–1960 гг. – Материалы Хорезмской экспедиции. Вып. 6. М., 1963.
20. Ягодин В.Н. Маршрутные археологические исследования в левобережной части приаральской дельты Амударьи. – Материалы Хорезмской экспедиции. Полевые исследования Хорезмской экспедиции в 1958–1961 гг. II. Вып. 7. М., 1963.
21. Ягодин В.Н. К вопросу о локализации Кердера. – "Вестник Каракалпакского филиала АН УзССР", 1963, № 2.

Г.Г. Дитрих

ТОПОНИМЫ БАССЕЙНА р. АРГ В ФАНСКИХ ГОРАХ ТАДЖИКИСТАНА

Река Арг находится в районе Чимтаргинского поднятия Зеравшанского хребта, откуда берет начало целый ряд рек, входящих в бассейн верхнего Зеравшана. При слиянии Арга с р. Каракуль образуется р. Сарытаг, впадающая в оз. Искандеркуль – самое крупное озеро Фанских гор, являющихся частью Зеравшанского хребта.

Район Фанских гор территориально относится к Айнинскому району Таджикской ССР с административным центром Айни (бывш. Захматабад, а ранее Варзимино́р) на Зеравшане. Территория этого горного края в XIX в. входила в Фанскре бекство, во времена Тимуридов принадлежала владению Фан, в раннем средневековье относилась к рустаку Бургар Усрушаны, в начале VIII в. входила в состав отдельного владения, название которого Фанзар (Фанзау) вычеканено на монете правителя этой области того времени [6, 175].

Находясь на перекрестке караванных путей, связывающих Зеравшанскую долину с Гиссарской, и развиваясь в основном за счет горнодобывающей промышленности, этот глубинный горный район располагал свободными альпийскими пастбищами, которые использовались жителями весьма отдаленных местностей, занимающихся животноводством.

Некоторая "транзитность" района наложила свой отпечаток на географические названия вообще и на "живучесть" их в частности.

Приводим список местных топонимов:

Абдиш кура яйлок – традиционное место стоянки отар в верховье р. Казнок (тюрк. *кура* "загон для скота", "хлев", *яйлок* "летовка, выпас" из др.-тюрк. *йайла* "летнее кочевье").

Агбасой – правое, восточное верховье Арга, выводящее к скотопрогонному перевалу в сторону Зеравшанской долины (тадж. *агба* "перевал" (заимств. из арабского) и тюрк. *сой*

"сай" — распространенный в горах Таджикистана термин для обозначения небольших ушей, рек в ущельях, оврагов, сухих русел, некрупных водостоков естественного происхождения).

Аллоро — вершина, соседствующая с горой Арг.

Арг — река длиной около 15 км, которая слагается из трех сливающихся почти в одном месте рек. Название применяется и к скальной вершине, хорошо просматриваемой с нижней части ущелья. "... по Махмуду Кашгарскому, под словом Аргу вообще понимали ущелье, расположенное между двумя горами" [4, 76].

Аспроха — ущелье и перевал из долины Арга в сторону верховья р. Серимы, параллельной Аргу, т.е. "лошадиная дорога", иносказательно, "не трудный путь" (тадж. *асп* "лошадь" и *роҳ* "дорога, путь"). Перевал связывает селения на Искандардарье и Пасруддарье, минуя обходной путь.

Ганза — название двух вершин, высотой выше 5 тысяч метров, дающих ледниковые истоки Аргу.

Биоб — западное верховье Арга, букв. "без воды", "безводье" (тадж. *бе* — приставка, выражающая отсутствие чего-либо, и *об* "вода"). Река не имеет ледникового питания и в особенно малоснежные годы вода в русле сводится к минимуму.

Бузгоу — место двух-трехдневной стоянки отар у отдельно стоящего большого камня с выходом родников в нижней части левобережья р. Биоб (тадж. *буз* "коза").

Дехи кампирак — местность на верхней террасе правого берега Арга. Название "старушечье селение" (тадж. *деҳ* "селение" и *кампир* "старуха") как будто бы подтверждает рассказы жителей селения Сарытаг — самого верхнего населенного пункта этой местности, первое упоминание о котором относится к началу XV в. [3, 98], о существовании поселений и в долине Арга. На местности следы ранее обрабатываемых полей и арыка, поднятого от русла Арга на верхнюю террасу.

Джуйбори марах — действующий канал длиной около 5 км, отведенный от Арга и подающий воду на поля селения Сарытаг (тадж. *джуйбор* "арык, канал для орошения").

Дутандон "двузубец" — характерная вершина со склонами, обращенными к Аргу и его притоку Чапдаре (тадж. *ду* "два" и *дандон* "зуб").

Жоматор — вершина, соседствующая с горой Аллоро.

Имаган — урочище у места слияния Арга с р. Каракуль.

Казнок — среднее верховье Арга и пастбище в ущелье р. Биоб.

Каладашт — урочище на пути к перевалу Аспроха (тадж. *калла* "голова" в сложениях в некоторых местностях Таджикистана употребляется для обозначения верховьев рек, ручьев, вершин; тадж. *дашт* "степь, равнина", ягноб. *дашт* "дно долины";

ровное место; площадка, поле"; в горном Ягнобе небольшая площадка с отлогой поверхностью может быть названа "дашт" [2, 245].

Калаи сангина — едва заметные остатки стен (возможно сторожевой крепостцы, судя по рельефу) на скальном выступе верхней террасы левого берега Арга (тадж. *қалға* "крепость, укрепление" [5, 22–38] и *сангина* "каменный").

Кош булак кура — место стоянки отар на левом берегу р. Казнок у вала с выходом родников (тюрк. *кош* — временное стойбище чабанов, сделанное из подручного материала, тюрк. *булак* "родник" и *кура* "загон для скота").

Кумсой "песчаный овраг" — место в нижней части р. Агбасай, подпилившей склон холма Маслихаттепе (тюрк. *кум* "песок").

Маслихаттепе, Маслихатджо — названия холма, с трех сторон омываемого устьями рек Биоб, Казнок и Агбасой. Слово *маслихат* "совет, совещание", вошедшее в таджикский и некоторые тюркские языки, заимствовано из арабского; тюрк. *тепе* — "холм, отдельно стоящая возвышенность", тадж. *джо* [ҷо] "место". По рассказам местных жителей, на холме будто бы происходило перераспределение пастбищ, пахотных земель и стрижка овец, куда в обусловленное время сгонялись десятки отар.

Паланги сафед — гора, по северному плечу которой проходит перевальная тропа Аспроха. В связи с возросшей популярностью горного района в туристско-альпинистском кругу, даже местные жители стали употреблять название горы в переводе — "Белый барс" (тадж. *паланг* "барс" и *сафед* "белый").

Селигард "сток селей" — гора против устья р. Агбасой (тадж. *сел* "русло грязекаменного потока, сель" [заимств. из арабского] и тадж. *гард* — основа настоящего времени глагола *гардидан* "ходить, двигаться", употребляющаяся во второй части сложных слов в значении "служащий для передвижения").

Сухтор "пожарище" — левый приток р. Казнок (тадж. *сӯхт* — основа прошедшего времени глагола *сӯхтан* "гореть" и тадж. *ор* — суффикс, с помощью которого образуются существительные, означающие состояние). Склон горы, обращенный к реке, покрыт многочисленными деревьями арчи, обугленными на корню.

Тогой листа — урочище на восточном склоне горы Ду-тандон (тюрк. *тогой/токой* "тугай", "заросли" и тадж. *листа* "фисташка").

Хавзак — местность на левом берегу Арга, откуда начинается подъем на перевал Аспроха (тадж. *ҳавз* "хауз, искусственный водоем" [заимств. из арабского]). На местности следы ранее обрабатываемой пахотной земли и арыков, один из которых прослеживается до места бывшего водоема, в настоящее время представляющего собой поросшую травянистой

растительностью площадку, обильно заболачиваемую в период таяния снега, вплоть до образования мелкого озера.

Чапдара "левое ущелье" — правый приток Арга, ведущий к скотопрогонному перевалу в сторону Зеравшанской долины (тадж. *чап* "левый" и *дара* "ущелье, горный проход"). В названии отразился порядок освоения в горных местностях речных долин, когда в силу географических условий изучение их и заселение начиналось с низовий.

Чашмакутан — урочище у подножия горы Дутандон, склоном обращенного к Аргу, с выходом подосыпных родников (тадж. *чашма* "родник, источник" и тюрк. *кутан* "загон для скота", "место для скота").

Близость высоких вершин, красивая природа и благоприятный климат привлекает в район Фанских гор массу туристов, в связи с чем появилось много новых названий. Только по бассейну Арга: вершины — Москва, Энергия, Кальцит, Красных зорь, Айни, Горелова, Физкультуры и спорта, Скальная стена, Сахарная голова, Медведка, Зачетная, Вуэнло (эстонского происхождения); перевалы — Эстонский, Омский, Челябинский, Кишеневский, Плановый, Обзорный, Звериный, Полтавы, Двух, Надежды, ВАА (Всесоюзная Ассоциация архитекторов); река Яшмовая, озеро Бирюзовое.

Литература

1. Аманжолов А.С. Глагольное управление в языке древнетюркских памятников. М., 1969.
2. Андреев М.С. и Пешерева Е.М. Ягнобские тексты. М.-Л., 1957.
3. Бабур-наме. Таш., 1958.
4. Бартольд В.В. 12 лекций по истории турецких народов Средней Азии. — Сочинения. Т. 5. М., 1968.
5. Розенфельд А.З. Қала — тип укрепленного иранского поселения. — "Советская этнография", 1951, № 1.
6. Смирнова О.И. Очерки из истории Согда. М., 1970.

Н.А. Баскаков

ЭЛЕМЕНТ *gül* 'РОЗА ЦВЕТOK' В СОСТАВЕ КАРАКАЛПАКСКИХ ЖЕНСКИХ ИМЕН

Наиболее популярным и часто встречающимся в структуре каракалпакских женских сложных имен элементом, отражающим эмоциональный, ласкательный оттенок, является слово *gül* 'роза, цветок'.

Из двухкомпонентных каракалпакских женских имен, имеющих широкое распространение, сочетание имя + *gül* 'цветок, роза' или реже *gül* + имя по своей продуктивности занимает одно из первых мест.

Впрочем элемент *gül* 'роза, цветок' в составе женских имен широко употребителен не только у каракалпаков, но и у других тюркских народов, главным образом Средней Азии.

Эпитет *gül* 'роза' часто встречается в сложных женских именах у туркмен, ср., например, имена Baydagül. < *bayda* "в саду", *gül* 'роза' Багдагюль; *Gülşat* < *gül* 'роза', *şat* 'веселый' Гюльшат; *Gülhanım* < *gül* 'роза', *hanım* "госпожа" Гюльханым [4, 77-78].

Широко распространен он и у казахов. Как отмечает О.А. Султаньяев, "Название фруктов, ягод, цветов в качестве мужских имен не встречается. Так называют только девочек. *Alma* "яблоко", *Qaraqat* "черная смородина", *Asemkül* "красивый цветок" и т.д." [5, 75]. Последнее имя включает элемент *kül* ~ *gül* "цветок," "роза".

Если для тюркских женских сложных имен одним из элементов, выражающих положительную эмоциональную окраску, является элемент *gül* "роза, цветок", то у других народов встречаются другие аналогичные элементы, входящие в состав женских имен.

Так для латышских женских имен характерно отражение в них сравнения с птицами: "трясогузочка", "куропаточка", "синичка". [1, 65], для адыгейских народов весьма продуктивен элемент гуашь (адыгск.), гуашь (кабардинск.) "хозяйка семьи, рода", позже "княгиня" [3, 62].

Таким образом в этих характерных для каждого народа наиболее продуктивных элементах — эпитетах в сложных женских именах отражаются национальные черты народа, его отношение к женщине.

Как уже отмечалось выше, элемент *gül* "роза" в каракалпакских двухэлементных женских собственных именах чаще встречается в постпозиции по отношению к другому элементу, хотя имеются случаи, когда он может выступать как в постпозиции, так и в препозиции, и, наконец, случаи, когда тот же элемент наличен только в препозиции.

В соответствии с локализацией элемента *gül* 'роза' все каракалпакские женские имена, имеющие этот элемент, разделяются на три основные группы: 1) имя + *gül*; 2) имя + *gül* ~ *gül* + имя и 3) *gül* + имя.

Каждая из этих основных структурных групп разделяется в свою очередь на несколько семантических классов.

1. Имя + *gül*.

1) Имя, указывающее на отношение к растению + *gül*:

Alma-gül < *alma* 'яблоко, яблоня' + *gül* > *Алмагюль* (букв. 'яблоневый цветок');

Nar-gül ~ *Nardžan gül* < *nar* 'гранат' + *gül* > *Наргюль*, *Нарджангюль* (букв. 'гранатовый цветок');

Däri-gül < *däri* 'лекарство' + *gül* > *Даригюль* (букв. 'лекарственный цветок');

2) Имя, указывающее на отношение к месту + *gül*:

Bayda-gül < *bay+da* 'в саду' + *gül* > *Багдагюль* (букв. 'в саду цветок');

3) Имя, указывающее на отношение к материалу + *gül*:

Altyn-gül < *altyn* 'золото, золотой' + *gül* > *Алтынгюль* (букв. 'золотой цветок');

Hindži-gül < *hindži* 'жемчуг, жемчужный' + *gül* > *Хинджигюль* (букв. 'жемчужный цветок');

Perde-gül < *perde* 'вуаль, тюль, занавес, занавеска' + *gül* > *Пердегюль* (букв. 'вуалевый цветок');

Aqsyn-gül < *aq* 'белый', *syn* 'стан' + *gül* > *Аксынгюль* (букв. 'цветок с белым станом');

Pařa-gül < *pařa* 'парча' + *gül* > *Парчагюль* (букв. 'парчовый цветок');

Žyua-gül < *žyua* 'султан из птичьих перьев' + *gül* > *Жыуагюль* (букв. 'цветок — султан из птичьих перьев').

4) Имя, указывающее на отношение к предмету + *gül*:

Aj-gül < *aj* 'луна' + *gül* > *Айгюль* (букв. 'лунный цветок, луноцвет');

Ajna-gül < *ajna* 'стекло, зеркало' > *Айнагюль* (букв. 'стеклянный или зеркальный цветок');

Tadži-gül < *tadž(i)* 'корона' + *gül* > *Таджигюль* (букв. 'коронный цветок');

Syrya-gül <syrya 'сережка' + gül> *Сыриагюль* (букв. 'серьга-цветок');

5) Имя, указывающее на название праздника + gül:

Ajt-gül <ajt 'праздник' + gül> *Айтгюль* (букв. 'праздничный цветок');

Žuma-gül <žuma 'пятница' + gül> *Джумагюль* (букв. 'пятничный (соответствует воскресный) цветок');

Qurban-gül <qurban 'название праздника, жертва' + gül> *Курбангюль* (букв. 'жертвенный цветок');

Oraz-gül <oraza 'пост' + gül> *Оразгюль* (букв. 'цветок поста, постный цветок');

6) Имя, указывающее на название человека или на собственное имя + gül:

Qalli-gül <qal + li 'обладающий родимым пятном' - собственное имя + gül> *Каллигюль* (букв. 'цветок Калли');

Meñli-gül <meñ + li 'обладающий родинкой' + gül> *Менлигюль* (букв. 'цветок Менгли');

Patša-gül <patša 'царь, падишах' + gül> *Патшагюль* (букв. 'царский цветок');

Peri-gül <peri 'фея' + gül> *Перигюль* (букв. 'фея-цветок');

Qazy-gül <qazy 'казий, судья' + gül> *Казыгюль* (букв. 'судья-цветок');

Qyzlar-gül <qyzlar 'девушки' + gül> *Кызларгюль* (букв. 'девушки-цветок');

Sapar-gül <арабск. sapar 'путешественник' + gül> *Сапаргюль* (букв. 'путешественник-цветок');

Žijen-gül <Žijen 'племянник, внук по женской линии' + gül> *Жийенгюль* (букв. 'племянник-цветок');

Gendže-gül <gendže 'последний ребенок' + gül> *Генджегюль* (букв. 'последыш-цветок');

7) Имя, указывающее на внутреннее свойство + gül:

Däme-gül <däme 'надежда' + gül> *Дамегюль* (букв. 'надежда-цветок');

Arzy-gül <arzy 'желание, желанный' + gül> *Арзыгюль* (букв. 'желанный цветок, роза');

Baqty-gül <baqty 'счастливая' + gül> *Бактыгюль* (букв. 'счастливая роза');

Mijir-gül <mijir 'заботливая' + gül> *Мийиргюль* (букв. 'заботливая роза');

Näzi-gül <näzi 'нежная' + gül> *Назигюль* (букв. 'нежная роза');

Zyjba-gül <zyjba 'изящная' + gül> *Зийбагюль* (букв. 'изящная роза');

Yrys-gül <yrys 'счастье' + gül> *Ырысгюль* (букв. 'роза, приносящая счастье');

Šynu-gül <šynu 'истинный' + gül> *Шынгюль* (букв. 'истинная роза');

Ijba-gül <ijba 'застенчивый, стыдливый, скромный'> *Ийбагюль* (букв. 'застенчивая, стыдливая роза');

Qutly-gül < qutly 'счастливый' + gül > *Кутлыгюль* (букв. 'счастливая роза');

Qäni-gül < qäni 'особый, специальный' + gül > *Канигюль* (букв. 'особая роза');

Taza-gül < taza 'чистый' + gül > *Тазагюль* (букв. 'чистая роза');

Zijne-gül < zijne 'нарядный, украшенный' + gül > *Зийнегюль* (букв. 'нарядная роза');

Mäni-gül < mäni 'одухотворенный, осмысленный' + gül > *Манигюль* (букв. 'одухотворенная роза');

Ogyn-gül < ogyn 'место; разумный, дельный' + gül > *Орынгюль* (букв. 'разумная роза');

Turdy-gül < turdy 'он стоит, он живет' + gül > *Турдыгюль* (букв. 'она живущая роза').

II. Имя + gül ~ gül + имя, т.е. группа имен, в которых элемент gül 'роза' может находиться как в постпозиции, так и в препозиции.

1) Имя, указывающее на отношение к растению + gül:

Gül-nar ~ Nar-gül < nar 'гранат' > *Гюльнар ~ Наргюль* (букв. 'цветок граната');

2) Имя, указывающее на отношение к месту + gül:

Gül-bazar ~ Bazar-gül < bazar 'базар, рынок' > *Гюльбазар ~ Базаргюль* (букв. 'базарная роза, роза базара', т.е. 'хорошая, отборная');

3) Имя, указывающее на цвет + gül:

Gül-sary ~ Sary-gül < sary 'желтый' > *Гюльсары ~ Сарыгюль* (букв. 'желтая роза');

4) Имя, указывающее на название родственных отношений + gül

Gül-bijbi ~ Bijbi-gül < bijbi 'госпожа, тетьа по отцу' > *Гюльбийби ~ Бийбигюль* (букв. 'Госпожа роза');

Gül-ajum ~ Ajum-gül < ajum 'госпожа, супруга' > *Гюльайым ~ Айымгюль* (букв. 'Госпожа роза');

5) Имя, указывающее на внутренние качества + gül:

Gül-häsäm ~ Häsäm-gül < häsäm 'красивый' > *Гюльхасам ~ Хасамгюль* (букв. 'красивая роза');

Gül-šär ~ Šäri-gül < šär, šäri 'грустный, печальный' > *Гюльшар ~ Шаригюль* (букв. 'грустная роза');

Gül-sara ~ Sara (||Sere)-gül < sara || sere 'лучший, отборный' + gül > *Гюльсара ~ Сарাগюль* (букв. 'лучшая, отборная, высокого качества роза');

Gül-tursyn ~ Tursyn-gül < tursyn 'пусть живет' > *Гюльтурсын ~ Турсынгюль* (букв. 'пусть живет роза').

III. gül + имя, т.е. группа имен, в которых элемент gül находится только в препозиции.

1) gül + имя, указывающее на внешние и внутренние качества:

Gül-sānem ~ Gül-sā ~ Gül-sim <gül + sānem 'красавица'> Гюльсанем (букв. 'роза-красавица');

Gül-zijrä <gül + zijrä 'изящная'> Гюльзийра (букв. 'роза изящная');

Gül-šat <gül + šat 'радостная'> Гюльшат (букв. 'роза радостная');

Gül-paršin <gül + paršin 'рассеянная, задумчивая'> Гюльпаршин (букв. 'роза рассеянная, задумчивая');

Gül-zäbijrä <gül + zäbijrä 'энергичная'> Гюльзабийра (букв. 'роза энергичная');

Gül-džamal <gül + džamal 'красота'> Гюльджамал (букв. 'роза-красота');

Gül-džan <gül + džan 'душа, душенька'> Гюльджан (букв. 'роза-душенька');

Gül-xan ~ Gülim-xan <gül + xan (||ханым) 'госпожа'> Гюльхан ~ Гюлимхан (букв. 'роза-госпожа ~ моя розочка-госпожа').

Как видно из перечисленных выше женских каракалпакских имен, элемент *gül*, входящий в их структуру, несет не смысловую, а скорее формальную, отвлеченную от прямого своего значения *gül* 'роза, цветок', семантику эмоционального, ласкательного оттенка, придаваемого основному имени.

В этом отношении элемент *gül* 'роза, цветок' в системе каракалпакских женских имен имеет то же значение детерминатива, что и элементы *džan* 'душа, душенька'; *xan* (||ханым) 'госпожа'; *bijbi* ~ *bijke* 'госпожа, почтительное обращение к женщине', т.е. значение нарицательного слова-частицы, придающего собственному женскому имени оттенок нежного, уважительного ласкового обращения.

Не случайно, что среди каракалпакских женских имен параллельно существует одно и то же имя с различными детерминативами: *gül*, *džan*, *xan*, *bijbi*, *bijke*; ср., например: *Ajym-gül*, *Ajym-xan*, *Ajym-džan*; *Däme-gül*, *Däme-xan*, *Däme-džan*; *Aj-gül*, *Aj-xan*, *Aj-džan*; *Bijbi-gül*, *Bijbi-xan*, *Bijbi-džan*; *Džuma-gül*, *Džuma-xan*, *Džuma-džan*; *Oraz-gül*, *Oraz-bijke*; *Oryn-gül*, *Oryn-bijke* и проч. [2, 777-779].

Таким образом, детерминативный элемент *gül* 'роза, цветок' в современных каракалпакских женских именах имеет обобщающее отвлеченное значение форматива, придающего имени эмоционально-экспрессивную окраску, и только в сочетаниях с другими детерминативами приобретает самостоятельное значение, например, в таких сочетаниях, как *Gül-xan* ~ *Gülim-xan* или *Gül-džan*, *Gül-bijbi*, *Bijbi-gül* и т.п.

Литература

1. Земзаре Д.Э. Латышские личные имена. — Антропонимика. М., 1970.
2. Каракалпакско-русский словарь. Под ред. Н.А.Баскакова. М., 1958.
3. Кумахова З.Ю. О составе исконных личных имен в адыгских языках. — Антропонимика. М., 1970.
4. Сапарова Г. Женская антропонимия туркмен Хасарли. — Антропонимика. М., 1970.
5. Султаньяев О.А. Об основах положительной экспрессии в казахских именах. — Антропонимика. М., 1970.

Л.И.Ройзензон, А. Бобоходжаев

АНТРОПОНИМИЧЕСКИЕ СЕРИИ У УЗБЕКОВ НУРАТЫ (САМАРКАНДСКАЯ ОБЛАСТЬ)

У многих народов мира, в частности у тюркоязычных, имеет место явление, которое мы называли антропонимической серией [1, 37–40]. Смысл его состоит в том, что дети одной семьи нередко нарекаются таким образом, что их имена образуют по семантическим или формальным (иногда по формально-семантическим) признакам ряд схожих образований. Таким образом, антропонимическая серия – это, с одной стороны, группа имен, характеризующаяся общностью аффиксации, с другой стороны – такой ряд имен, у которого совпадают одинаковые сегменты имени; наконец, антропонимической серией можно признать и такие сочетания имен, которые традиционно даются при наречении близнецов.

Данное явление отмечают исследователи антропонимии многих тюркских народов, но каков его истинный характер, каковы масштабы его распространения, старое ли это явление или это антропонимическое новшество, каковы традиции в использовании антропонимических серий, тенденции их развития или, наоборот, исчезновения – вот вопросы, которые ждут своего ответа; однако ответить на эти и некоторые другие вопросы пока еще очень трудно – специальных исследований, целиком посвященных антропонимическим сериям, нет.

Чтобы хотя бы частично восполнить данный пробел, нами начато исследование антропонимических серий в отдельных (как правило, крупных) населенных пунктах с компактным коренным населением Узбекистана. В качестве первого такого объекта нами был избран районный центр Нурата – очень древний кишлак, в котором проживают свыше 10 000 узбеков. Нурата находится в 240 километрах от Самарканда, в стороне от больших железнодорожных и автобусных дорог. В Нурате около 3500 семей. Из них нами были обследованы 500. Ниже приводятся предварительные результаты наших наблюдений.

1. Из 500 обследованных семей лишь в 75 (15%) имена детей не образуют антропонимические серии. Это говорит о

том, что антропонимические серии – явление не случайное, не спорадичное, а представляет собой одну из характернейших черт функционирования современной узбекской антропонимической системы. Весь вопрос в том, как эта система проявляется в разных географических районах Узбекистана.

2. Чаше всего встречаются семьи с одной антропонимической серией, т.е. семьи, у которых имена детей образуют только одну серию, например: Гулбахор, Гулнора, Гулчехра, Гулсара и т.п. Таких семей 219 (43,8%). В 116 семьях (23,2%) зафиксированы по две антропонимические серии, это значит, что в одной и той же семье имена детей образуют два антропонимических ряда – две серии. Ср.: Кучкаровы Хусния, Меҳрия; Кучкаровы Ширинбек, Нурбек. Ср. другой пример: Базаровы Атобой, Хаёбой и Базарова Бафо и Сафо. Значительно реже встречаются семьи, у которых зафиксированы три серии, таких семей всего 24 (4,8%). Ср.: Базаровы Акбар, Хайдар; Базаровы Хафиза, Азиза; Базаровы Шаходат, Ибодат. Ср. еще: Буриевы Шамсиддин, Хайриддин, Фазлиддин; Буриевы Тозагул, Яшигул; Буриевы Нурмурод, Бекмурод.

Семьи, в которых было бы более трех антропонимических серий, среди обследованных нами отсутствуют.

Говоря о том, что в той или иной семье имена детей образуют одну, две или три серии, нельзя не учесть и того обстоятельства, что данные серии не всегда охватывают всех детей данной семьи, т.е. нередко, кроме серии, остаются еще имена, не входящие в нее. Если учесть это обстоятельство, то получается такая картина:

В 75 семьях антропонимические серии отсутствуют вообще, в остальных 425 семьях антропонимические серии имеются, но из этих 425 "серийных" семей 359 (84,4%) – смешанные семьи: в каждой из этих семей есть минимум одна антропонимическая серия и имеются имена, не входящие в эту серию (или в эти серии). Чисто серийных же семей, т.е. семей, у которых имена детей полностью укладываются в антропонимическую серию (или в серии), – 66 (13,2%).

В 500 обследованных семьях 76 пар близнецов. Из них 69 образуют антропонимические серии и только 7 пар близнецов таких серий не образуют, т.е. названы различными ("несе-рийными") именами. Чаше всего близнецы-двойняшки образуют такие антропонимические серии:

- а) мужская серия – Хасан – Хусен (23 пары);
- б) женская серия – Фатима – Зухра (32 пары);
- в) смешанная (женско-мужская) серия: 1) Хасан – Фатима (4 пары); 2) Хусен – Зухра (4 пары); 3) Фатима – Хусен (4 пары); 4) Хасан – Зухра (2 пары).

В связи с тем, что антропонимическую серию образуют как настоящие аффиксы, так и аффиксоподобные элементы (морфе-

мы или части морфем различного происхождения), условно их назовем антропонимическими сегментами (АС). Последние могут быть препозитивными (напр., *му-, дил-, гул-*) и постпозитивными (*-ид, -им* и др.). Одни из них вычленяются только в мужских именах (напр., *-ом, -дин, -илло, -им* и др.), другие только в женских именах (*-биби, -гул, -буви, -фа* и др.).

К наиболее разветвленным из зафиксированных нами сериям относятся:

Антропонимические серии с препозитивным АС

I. Женские серии

- Дил-: 1. Дилрабо, Дилшод, Дилора;
2. Дилором, Дилнавоз;
3. Дилрабо, Дилшод, Дилора.
Гул-: 1. Гулистон, Гулнора, Гулзода;
2. Гулбозор, Гулбахор;
3. Гулшод, Гулноз.
Му-: 1. Муаззам, Мунаввар, Мухаббат, Мукаддас.

II. Мужские серии:

- Мама-: 1. Мамашариф, Мамалатиф, Мамарахим, Маманазар;
2. Мамаюсуф, Мамашариф.
Абду- (Абди-): 1. Абдухайри, Абдухамид, Абдугани, Абду-
халил;
2. Абдукарим, Абдухалил, Абдумутал;
3. Абдукаххар, Абдурахим;
4. Абдухат, Абдуназар.

Антропонимические серии с постпозитивным АС

I. Женские серии:

- за-: 1. Феруза, Хафиза.
-ар-: 1. Санаввар, Мунаввар.
-ра-: 1. Сора, Нозира, Нодира, Назира;
2. Мохира, Нодира;
3. Назира, Замира.
-ба-: 1. Хабиба, Махбуба, Матлуба;
2. Мухиба, Хабиба;
3. Махбуба, Мухиба.
-ам-: 1. Майрам, Муаззам, Мукаддам.
-ма-: 1. Салима, Халима, Рахима;
2. Рахима, Салима.
-бо-: 1. Мархабо, Марзэбо, Дилрабо.
-ия-: 1. Сафия, Робия, Олия, Самия, Умия;
2. Курсия, Хусния, Салия;
3. Лутфия, Шамсия;
4. Рухия, Хуршия.
-хол-: Пардахол, Ойимхол.
-ат-: 1. Мухаббат, Назокат, Саноат, Саломат;
2. Ибодат, Шаходат, Саодат;
3. Рохат, Махфират.

- мо: 1. Рузимо, Хожимо.
- ят: 1. Хикоят, Хосият.
- син: 1. Умсин, Улбусин.
- нисо: 1. Зебинисо, Мехринисо.
- ой: 1. Сафарой, Шакарой.
- фа: 1. Назифа, Вазифа.
- да: 1. Махида, Мавлуда, Мавжуда, Маъбуда;
2. Мавлуда, Мавжуда, Махсуда;
3. Мавлуда, Мохида, Саида;
4. Махсуда, Мавжуда;
5. Обида, Умида.
- гул: 1. Сафаргул, Бозоргул, Шодмонгул;
2. Яхшигул, Шодигул;
3. Бибигул, Рузигул.
- биби: 1. Гулбиби, Зарбиби, Болбиби;
2. Ойбиби, Яванбиби.
- буви: 1. Норбуви, Ойбуви;
2. Кизбуви, Болбуви.

II. Мужские серии:

- ам: 1. Аъзам, Аслам;
2. Ахтам, Хамдам;
3. Аслам, Аъзам, Ахтам, Рустам, Уктам;
4. Рустам, Истам, Ахтам, Уктам.
- ар: 1. Анвар, Акбар;
2. Акбар, Хайдар;
3. Искандар, Самандар.
- ат: 1. Ахат, Самат, Исмат;
2. Шухрат, Мурат.
- мат: 1. Шермат, Нурмат;
2. Шермат, Эрмат, Нурмат, Негмат.
- ёр: 1. Бобоёр, Дониёр, Худоёр;
2. Дониёр, Бахтиёр;
3. Бахтиёр, Ихтиёр.
- мурод: 1. Абдимурод, Нурмурод, Отамурод, Бобомурод;
2. Бекмурод, Боймурод, Кулмурод;
3. Абдумурод, Холмурод;
4. Бобомурод, Нурмурод.
- назар: 1. Маманазар, Худойназар, Жуманазар;
2. Хакназар, Бекназар.
- мирзо: 1. Холмирзо, Боймирзо.
- ор: 1. Асрор, Ахрор, Аброр;
2. Каххор, Саттор;
3. Асрор, Ахрор.
- ил: 1. Одил, Хосил;
2. Исмоил, Исроил.
- ом: 1. Илхом, Икром.
- кул: 1. Сайткул, Санакул, Мустафакул, Туракул;

- 2. Азизкул, Авазкул, Оразкул;
- 3. Шодикул, Ахаткул, Самадкул;
- 4. Халикул, Аликул;
- 5. Бердикул, Исакул.
- ид:** 1. Вахид, Захид.
- им:** 1. Карим, Казим, Хашим, Олим, Салим;
- 2. Казим, Назим, Найим, Райим;
- 3. Хашим, Насим, Найим;
- 4. Рахим, Азим.
- улла:** 1. Файзулла, Гайбулла, Хайрулла, Садулла, Муродулла;
- 2. Файзулла, Сайфулла, Абдулла;
- 3. Насрулла, Хайрулла;
- 4. Насрулла, Сайдулла.
- ан:** 1. Эсан, Жайсан.
- ир:** 1. Тахир, Закир.
- бой:** 1. Кузибой, Рузибой, Ийдибой, Шербой;
- 2. Рузибой, Оширбой, Холбой;
- 3. Ийдибой, Уринбой;
- 4. Тожибой, Хожибой.
- аш:** 1. Юлдаш, Кулдаш, Биглаш, Тинглаш;
- 2. Юлдаш, Кулдаш.
- ёс:** 1. Гиёс, Илёс.
- мухаммад (-махмад)**
- мухаммат (-махмат):** 1. Шермахмат, Шахмухаммат;
- 2. Эшмухаммад, Нурмухаммад.
- жон:** 1. Рахимжон, Нейматжон, Азимжон, Шарофжон.
- ал:** 1. Урал, Курал.
- ниёз:** 1. Сафарниёз, Бобониёз.
- фо:** 1. Бафо, Сафо.
- он:** 1. Усмон, Курбон.
- зок:** 1. Умурзок, Абдураззок.
- бек:** 1. Ширинбек, Нурбек.
- об:** 1. Вахоб, Шахоб.
- берди:** 1. Худайберди, Эгамберди, Рахимберди.
- кин:** 1. Эркин, Тулкин.
- дин:** 1. Бахриддин, Насриддин, Нажмиддин, Сайфиддин, Изомиддин, Садриддин, Зилолиддин*;
- 2. Сайфиддин, Насриддин, Бахриддин, Хайриддин;
- 3. Фаэлиддин, Шамсиддин, Хайриддин, Фахриддин;
- 4. Фахриддин, Садриддин, Зайниддин;
- 5. Шамсиддин, Зайниддин, Нажмиддин;
- 6. Амриддин, Зайниддин;
- 7. Камалиддин, Бахриддин.
- илло:** 1. Гайбилло, Сайфилло, Зувайдилло, Увайдилло, Садилло, Нейматилло;

* Самая большая антропонимическая серия в семьях Нураты.

2. Гайбилло, Ибодилло, Зиёдилло, Увайдилло, Сайфилло, Неъматилло;
3. Насрилло, Нусратилло, Исматилло;
4. Суннатилло, Исматилло, Ибадилло;
5. Зиёдилло, Ибодилло, Муродилло;
6. Исматилло, Шугратилло;
7. Насрилло, Сайфилло.

-али: 1. Шерали, Нурали.

III. Смешанные (женско-мужские) серии:

-ат: 1. Ахмат (мужск.), Саломат (женск.), Шарофат (женск.), Башорат (женск.);

2. Давлат, Шухрат, Шавкат, Гайрат (мужск.), Саодат (женск.).

-ом: 1. Илхом (мужск.), Икром (мужск.), Дилором (женск.).

-ам: 1. Майрам (женск.), Санам (женск.), Ахтам (мужск.), Аъзам (мужск.).

-ар: 1. Севар (женск.), Хайдар (мужск.), Акбар (мужск.).

Любопытно отметить, что среди антропонимических серий имеются такие, которым отдается какое-то предпочтение при наречении, и такие, которые встречаются редко. Среди мужских антропонимических серий наиболее распространенными являются: Ахтам, Уктам, Рустам (3 семьи); Ахмат (Азамат) (2 семьи); Акбар (Анвар) (7 семей); Шермат (Эрмат) (3 семьи); Кудрат (Нусрат) (2 семьи); Бахтиёр (Даниёр) (3 семьи); Бахтиёр (Ихтиёр) (4 семьи); Асрор (Ахрор) (4 семьи); Исмоил (Исроил) (3 семьи); Икром (Илхом) (3 семьи); Рахимкул (Рахмонкул) (2 семьи); Сафаркул (Рузикул) (2 семьи); Фазлиддин (Сайфиддин) (3 семьи); Суннатилло (Ибодилло) (Муфтилло) (3 семьи); Козим (Нозим) (2 семьи); Файзулла (Сайфулла) (Хайрулла) (2 семьи), Тохир (Зохир) (7 семей); Ийдибой (Рузибой) (2 семьи); Юлдаш (Кулдаш) (3 семьи); Илёс (Гиёс) (2 семьи); Эшмухаммад (Нурмухаммад) (2 семьи);

женские серии: Лутфия (Шамсия) (3 семьи); Мавлуда (Махсуда) (3 семьи); Матлуба (Муhiba) (2 семьи); Замира (Назира) (5 семей); Мусаллам (Мукаддам) (2 семьи); Муаззам (Мукаддам) (2 семьи); Саодат (Саноат) (3 семьи); Фазолат (Инобат) (Саодат) (3 семьи); Дилбар (Дилшод) (Дилдор) (2 семьи); Гулбахор (Гулнора) (2 семьи); Гулчехра (Гулнара) (2 семьи).

Если учесть частоту встречаемости антропонимических серий по АС, то получим следующую картину:

Антропонимические серии с префиктивным АС – с АС *дил-* (женск.) – 5 семей (5 семей по 2 носителя = 10 именам с *дил-*); с АС *гул-* (женск.) – 15 семей (10 семей по 2 носителям и 4 семьи по 3 носителя, 1 семья – 4 носителя = 36 именам с *гул-*); с АС *му-* (женск.) – 1 семья (четыре носителя имен с *му-*); с АС *абду-* (*абди-*) (мужск.) – 11 семей (в шести

семьях по два носителя, в 3-х — по три, в двух — по четыре носителя, итого 29 имен с *абду-* (*абди-*)); с АС *мама-* (мужск.) — 3 семьи (в двух семьях по два носителя, а в одной — четыре = 8 именам с *мама-*);

Антропонимические серии с постпозитивным АС — с *-мат* (мужск.) — 7 семей (6 семей по 2 носителя и 1 семья — четыре носителя, итого 16 имен с *-мат*);

с *-ёр* (мужск.) — 10 семей (8 семей по 2 носителя, две семьи по три, итого 22 имени с *-ёр*);

с *-мурод* (мужск.) — 13 семей (9 семей по два носителя, две семьи по 3 носителя, две семьи по четыре, итого 32 имени с *-мурод*);

с *-назар* (мужск.) — 6 семей (3 семьи по 2 носителя, 3 семьи по три, итого 15 имен с *-назар*);

с *-мирзо* (мужск.) — 2 семьи (две семьи по два носителя = 4);

с *-ор* (мужск.) — 7 семей (в четырех семьях по два носителя, в трех — по три, итого 17 имен с *-ор*);

с *-ил* (мужск.) — 7 семей (в шести по два носителя, в одной — три, итого 15 имен с *-ил*);

с *-ом* (мужск.) — 4 семьи (в трех по два носителя, в одной — три, итого 9 имен с *-ом*);

с *-кул* (мужск.) — 46 семей (в 25 семьях по два носителя, в 15 по три, в 6 по четыре, итого 119 имен с *-кул*);

с *-дин* (мужск.) — 63 семьи (в 32 по два имени, в 22 по три, в 5 по четыре, в трех по 5, в одной 7 носителей, итого 172 имени с *-дин*);

с *-илло* (мужск.) — 26 семей (14 семей по два носителя; 8 по три, в одной — четыре, в двух по 5, в одной — шесть, итого 72 имени с *-илло*);

с *-ид* (мужск.) — 3 семьи (3 семьи по 2 носителя = 6 имен);

с *-им* (мужск.) — 5 семей (1 семья — два носителя, 2 семьи по три носителя, в одной семье четыре носителя, в одной — пять, итого 17 имен с *-им*);

с *-улла* (мужск.) — 4 семьи (2 семьи по 2 носителя, одна — три носителя, одна — пять, итого 12 имен с *-улла*);

с *-ан* (мужск.) — 4 семьи (в каждой из них по 2 имени, итого 8);

с *-ир* (мужск.) — 10 семей (в каждой по 2 имени = 20 имен с *-ар*);

с *-бой* (мужск.) — 16 семей (12 семей — по 2 носителя, три — по три носителя, в одной семье — четыре носителя, итого 37 имен);

с *-аш* (мужск.) — 3 семьи (в двух по два носителя, в одной — четыре, итого 8 имен с *-аш*);

с *-ёс* (мужск.) — 2 семьи (в каждой по 2 носителя, итого 4 имени);

с *-мухаммат* (д) (*-махмат*) (д) (мужск.) — 3 семьи (в двух по два носителя, в одной — три, итого 7 имен);

с -жон (мужск.) – 1 семья (в ней четыре носителя, итого 4 имени);

с -ал (мужск.) – 1 семья (в ней два носителя, итого 2 имени);

с -ниёз (мужск.) – 1 семья (в ней два носителя, итого 2 имени);

с -али (мужск.) – 2 семьи (в каждой из них по два носителя, итого 4 имени с -али);

с -фо (мужск.) – 1 семья (в ней два носителя, итого 2 имени);

с -он (мужск.) – 1 семья (в ней два носителя, итого 2 имени);

с -зок (мужск.) – 1 семья (в ней два носителя, итого 2 имени);

с -бек (мужск.) – 1 семья (в ней два носителя, итого 2 имени);

с -об (мужск.) – 1 семья (два имени с -об);

с -берди (мужск.) – 1 семья (в ней три носителя, итого 3 имени);

с -кин (мужск.) – 1 семья (два носителя, итого 2 имени с -кин);

с -ия (женск.) – 26 семей (20 семей по 2 носителя, 4 – по три, две – по пять носителей, итого 62 имени с -ия);

с -биби (женск.) – 2 семьи (одна – два носителя, одна – три, итого 5 имен с -биби);

с -буви (женск.) – 3 семьи (в каждой по 2 носителя, итого 6 имен);

с -гул (женск.) – 10 семей (в 9 по 2 носителя, и в одной по три, итого 21 имя с -гул);

с -да (женск.) – 19 семей (15 – по 2 носителя, 3 – по три и в одной – четыре, итого 43 имени с -да);

с -фа (женск.) – 1 семья (два носителя, итого 2 имени с -фа);

с -ой (женск.) – 2 семьи (по два носителя, итого 4 имени с -ой);

с -нисо (женск.) – 2 семьи (в каждой по 2 носителя, итого 4 имени);

с -син (женск.) – 1 семья (два носителя, итого 2 имени);

с -ят (женск.) – 1 семья (два носителя, итого 2 имени);

с -мо (женск.) – 1 семья (два носителя, итого 2 имени с -мо);

с -хол (женск.) – 1 семья (два носителя, итого 2 имени);

с -бо (женск.) – 1 семья (три носителя, итого три имени с -бо);

с -ма (женск.) – 2 семьи (в одной – два носителя, в одной – три, итого 5 имен с -ма);

с -ба (женск.) – 6 семей (5 семей по два носителя, в одной – три, итого 13 имен с -ба);

с -ра (женск.) – 21 семья (в 20 по 2 носителя, в одной – четыре, итого 44 имени с -ра);

с -за (женск.) - 2 семьи (в каждой по два носителя, итого 4 имени с -за);

с -ат (мужск.-женск.) - 108 семей (66 - по два носителя, 22 - по 3 носителя, 16 - по 4 носителя, 4 - по 5, итого 282 имени с -ат);

с -ам (мужск.-женск.) - 22 семьи (16 - по 2 носителя, 4 - по 3 носителя, в одной - 4, в одной - 5, итого 53 имени);

с -ар (мужск.-женск.) - 13 семей (в 12 по 2 носителя, в одной - три, итого 27 имен с -ар);

Следует отметить, что мужские серии встречаются чаще, чем женские. Так, мужские антропонимические серии зафиксированы нами в 261 семье, тогда как женские лишь в 100 семьях; в 143 семьях серии смешанные, т.е. включают как мужские, так и женские имена.

Приведенные данные показывают, что чаще всего встречаются антропонимические серии с АС-дин, -мурод, -ёр, -кул, -илло, -бой, абду- (абди-), -ир, - среди мужских имен, и -ил, -ул, -да, - среди женских имен. Имена АС-ат, -ам, -ар - основные среди смешанных серий. Только АС - иул выступает и как препозитивный и как постпозитивный сегмент.

Таковы лишь некоторые из сделанных нами наблюдений над антропонимическими сериями у узбеков одного из населенных пунктов УзССР.

Литература

1. Ройзензон Л.И., Исаева А.И. Об антропонимических сериях. - Вопросы ономастики. 1. Самарканд, 1971.

В.А. Никонов

СРЕДНЕАЗИАТСКИЕ МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ СЛОВАРЯ ЛИЧНЫХ ИМЕН*

Среди исследований о личных именах до сих пор очень мало работ сопоставительных: обычно рассматривают имена в рамках одного народа. Другой коренной недостаток: исследования игнорируют частотность имен, различая единственно есть/нет; при таком подходе получаемая информация не просто скудна, а ложна. Имя Сергей в 1961 г. из 100 тысяч новорожденных русских мальчиков получили 14 584, а Тимофей — 19, разница грандиозна, их объединяют вместе как "употребительные".

Автором сделана первая попытка выяснить частотность. Проведены подсчеты употребительности имен у 9 тюркоязычных народов — татары, башкиры, азербайджанцы, кумыки, ногайцы, а по Средней Азии:

узбеки: рожд. 1965 г. — гор. Самарканд и 2 района Самаркандской области; рожд. 1970 г. — 2 района Ферганской области (подсчет С.С.Губаевой), рожд. 1969 г. — Сайрамский и Бугуньский районы Южно-Казахстанской обл. Казахской ССР, Ляйлакский район Киргизской ССР; рожд. 1971 г. — гор. Самарканд;

киргизы: 1969 г. рожд. — гор. Фрунзе и 7 районов Киргизской ССР;

казахи: 1969 г. рожд. — гор. Чимкент и 12 районов Джамбулской и Южно-Казахстанской областей Казахской ССР;

туркмены: 1970 г. рожд. — гор. Ашхабад и 5 районов Туркменской ССР.

По каждой территории — подсчет не выборочный, а сплошной, т.е. охвачены все новорожденные данной национальности и обязательно полностью за целый год (по документам ЗАГС). В подсчете — только семьи однонациональные. Выбор имен детям в межнациональных семьях (муж — узбек, жена — русская или, гораздо реже, наоборот) подчинен иным закономерностям, это

* Автор благодарен за советы и замечания, сделанные по статье А.Г. Гафуровым и Г.П. Снесаревым.

тема другого исследования, из моих подсчетов все смешанные семьи исключены.

Кроме того, выполнены подсчеты имен у родившихся с 1900 по 1920 г., только в сельских местностях (по документам ЗАГС за 1939–1940 гг. о родителях новорожденных, о браках и смертях, отбирая только даты двух указанных десятилетий).

Охвачено нашими подсчетами по тюркоязычным народам около 200 тысяч носителей имен, количество огромное для работы индивидуальной и без помощи машин, но малое на десятки миллионов тюркоязычного населения страны. Выполненные подсчеты позволили все же с достаточной надежностью выявить основные процессы, протекающие в именниках этих народов, общие для них всех, но различные для каждого народа по темпам и этапам.

1. Количество употребляемых имен у тюркоязычных народов огромно по сравнению с концентрацией имен у русских, но теперь "разброс имен" заметно сокращается, особенно в городах: у всех узбекских мальчиков, рожденных за 1965 г. в Самарканде, 208 имен, а в Нуратинском районе той же области при почти таком же количестве новорожденных – 489 имен (русские на такое число новорожденных обходятся полсотней имен).

2. Убывает частотность имен подчеркнуто религиозных: с –иддин, –улла и такие, как Худайберди "бог дал", женское имя – фатима (в написании также Патимат, Патима, Патма, Ботима, Ботма и т.л.), прежде самое частое, далеко отброшено с первого места; например, у киргизок рождения 1969 г. его получают в Ляйлакском и Баткенском районах на крайнем юго-западе Киргизской ССР 14 из тысячи, в центральных и северных районах 4, а в столице только 2 из тысячи. Еще очень часто у туркмен имя Мухамед и производные от него, в 1970 г. два туркменских мальчика, рожденных в Ашхабаде, получили имя Ислам. Держится обычай называть близнецов Хасан и Хусейн.

3. Сокращаются составные (двухосновные) имена, ранее господствующие у тюркоязычных народов. В этом далеко продвинулись татары Казани, азербайджанцы Баку, отчетлив этот процесс и в городах Средней Азии; из узбекских мальчиков, рожденных в Самарканде 1965 г., только 21% получил составные имена, а в Нуратинском районе – 57%; на тот же процесс у туркмен указывает З.Б.Мухамедова: "в советское время наметилась совершенно определенная тенденция избегать составных имен" [6,47]; однако даже в Ашхабаде 57% всех туркменских мальчиков, рожденных в 1970 г., получили составные имена. Пока еще очень высок процент составных имен у киргизов, казахов даже в городах (в Чимкенте за 1969 г. 53% всех новорожденных казахских мальчиков получили составные

имена, а в Кызылкумском районе даже 72%), чаще всего во втором компоненте встречаем *-бек, -хан, -бай*. В именах девочек очень часты компоненты *гюль* "цветок", *ай* "луна" (узбек. *ой*), у казашек и туркменок *ак* "белая". Чрезвычайно част у туркменок компонент *огул* "сын, мальчик"; из 1450 девочек, рожденных в 1970 г. в собственно туркменских семьях Ашхабада (т.е. без межнациональных семей), 262 получили имена с *огул*: Огулжерен "сын-джейран", Огулмарал "сын -самка оленя", Огулдурсун "сын останься", Огулширин "сын-сласть", Огулбике "сын-госпожа" и т.п. Обычно истолковывают это как заклинание — желание иметь не дочь, а сына. Но обилие и состав таких имен позволяют предположить и другое: не происходит ли семантический сдвиг, может быть, слово *огул* начинает означать не только мальчика, а потомка вообще?

4. Интенсивно происходит дифференциация формы имен по полу. В тюркских языках нет грамматического рода. Поэтому и личные имена внешне не различались на мужские и женские (правда, еще из арабского языка было заимствовано добавление финальной гласной для обозначения женщин, но этот способ не получил преобладания). Используя опыт русского языка, тюркоязычные народы вступили на путь формальной дифференциации имен по полу: получают преобладание имена мужчин с закрытыми окончаниями (на твердый согласный), а женщин — с открытыми (на гласный). На территории Нуратинского района до 1920 г. 39% мальчиков получали имена с вокальным окончанием (Абдулла, Мустафа и т.п.), а в 1965 г. 13%, в Самарканде — только 9%; в женских именах этот процесс протекает медленней — процент вокальных окончаний поднялся с 27 до 50, в Самарканде достиг 75 (в Казани он близок к полному завершению). У киргизов во Фрунзе (1969 г.) имена на гласный составили меньше 1%, но у киргизок положение иное — имена, оканчивающиеся на гласный, хотя и получили перевес, но небольшой, достигнув 56%, а в 7 районах пока еще не охватили и половины — только 46%. Сходны данные и по казахам. Процесс протекает и путем предпочтения (неосознанного!) соответствующим именам, и путем преобразования привычных имен (Гульнор — Гульнора). Еще не начато размежевание формы имен по полу у туркмен: даже в Ашхабаде из всех туркменских девочек, рожденных в 1970 г., только 16% получили имена с окончанием на *-а*.

5. При значительном весе общих черт в именниках тюркоязычных народов (например, высокая частотность женских имен с компонентами *гюль* "цветок", *ай* "луна") огромны и различия между именниками казахов, киргизов, узбеков. Самые частые имена, данные мальчикам в 1969 г., у киргизов Нурлан, Талайбек, Бактыбек, у казахов Кайрат, Талгат, Нурлан, у туркмен в Ашхабаде, 1970 г. рождения, Батыр, Мурад, Сердар.

Самое частое у казашек южных областей имя Гульмира (1969 г. рожд.), чрезвычайно редкое у узбеков и единичное у туркменок. Велики различия и региональные внутри каждого народа (речь идет не о различиях между именниками города и кишлака, ясных из предыдущего). Различны именники узбеков Самаркандской и Ферганской областей, не говоря уже об узбеках в Киргизии и в Казахстане. Именник киргизов крайних юго-западных районов резко отличен от именника северных и центральных районов. (Именник — не список имен, а их частотность.) У некоторых имен отчетливы локальные ареалы.

6. Немало написано о новых именах, но никто не потрудился выяснить, каков их вес в именнике сегодня. Выполненные подсчеты позволяют дать ответ. В г. Фрунзе из всех киргизских мальчиков 13% получили имена, которых прежде не было и не могло быть в употреблении, вне городов этот процент гораздо ниже. Большинство новых имен — имена, обозначенные антропонимистами как интернациональные (мужские — Эдуард, Альберт), а также образованные из тюркских или русских нарицательных, значителен и приток имен, частых у русских (женские — Ирина, Светлана). Среди решающих мотивов при выборе имени оказывается его фонетика, хотя это происходит неосознанно, поэтому и никем из исследователей не замечено. Подсчет всей массы звуков в новых именах, полученных киргизскими девочками во Фрунзе за 1969 г., дал поразительный результат (не по списку имен, а по их частотности): сонорные *р, л, н, м* составили в ней больше 80% всех согласных! Пример: Эльмира — все согласные сонорные.

К сожалению, в поисках новых имен немало и неудач, явных и неявных, — поиск идет вслепую, знаний об именах нет, а совета спросить не у кого. Вот и появляются такие имена, как Карим-Заготскот [5, 16]; в Нур-Атинском районе рабочий назвал в 1965 г. своего сына именем Гагарин; у киргизов (1969 г. рожд.) десятками появляются Совхозбек и т.п., в Ахталинском районе (1969 г.) киргизская девочка получила имя Съездбюбю; не щадя своих сыновей, киргизы стали часто давать им неосторожное имя Талант, узбеки — Кахромон "герой", а девочкам — различные имена с *сулу* "красавица"; как-то носить такие имена, если пожелание не сбудется?

Подробнее эти процессы рассмотрены в ряде моих работ [7; 8; 9; 10].

Из нескольких тысяч имен очень трудно отобрать в качестве примеров наиболее интересные в том или ином отношении (не обязательно самые частые). Вот несколько женских имен.

Айгюль — распространено почти у всех тюркоязычных народов. Максимально у киргизок: в 1969 г. его получили во Фрунзе 65 на тысячу (2-е место, уступая только имени Айнура), в районах 27 на тысячу; крупное превышение в городе

по сравнению с районами показывает, что имя учащается и в ближайшие годы возрастет повсеместно. У казашек (1969 г.) в г. Чимкенте 23 на тысячу, в районах Джамбулской и Южно-Казахстанской областей — 12 на тысячу. У узбечек (в форме Ойгул) 1–2 случая на тысячу; у туркменок 1970 г. рожд. по 1–2 на район, в Ашхабаде на 34-м месте. У башкирок (1968 г.) 8 на тысячу, реже у татарок и азербайджанок. Компонент *ай* — тюрк. "луна", *июль* (заимствован. из иранских языков) "цветок", но частота этих компонентов в сочетаниях со многими основами, как в 1-й, так и во 2-й позиции, заметно стерла их лексические значения, и они приобрели более общее значение вообще красивого, приятного, на пути к превращению в служебный элемент — только показатель, что данное слово — женское имя.

Айнура — компонент *ай* (узбек. под влиянием таджик. языка — *ой*) тюрк. "луна" (см. Айгюль), *нур* "луч, свет", первоначальное значение имени "лунный луч", "лунный свет". У киргизок (1969 г. рожд.) во Фрунзе самое частое имя, с частотностью 91 на тысячу. В северных и центральных районах Киргизии за тот же год 44 на тысячу (иногда в прежней форме Айнур), в юго-западных районах 8 на тысячу. У казашек Джамбулской и Южно-Казахстанской областей (тот же год) по 3 на тысячу. У туркменок единичные случаи. Нет у узбечек и тюркоязычных народов Поволжья, у азербайджанок (1968 г.) на 10 тыс. единственный случай в Баку.

Акмарал — казах. "важенка белого оленя". Очень частое имя казахских девочек (1969 г. рожд.) в Южно-Казахст. обл. в среднем 15 на тысячу (занимает 6-е место в именнике), но в г. Чимкенте несколько реже, как и в соседней Джамбулской обл. (в пограничных с Киргизией районах Меркенском и Таласском не встретилось ни разу). За этот же год из новорожденных киргизок встречено единственный раз — дочь студентки в г. Фрунзе, видимо, занесено из Казахстана. У других тюркоязычных народов этого имени в подсчетах нет. Имя привлекает своим звучанием — обилием сонорных и сингармонизмом, но окончание на согласный, убывающее теперь в женских именниках, не сулит очень широкого распространения этому красивому имени.

Базаргюль — у казашек в некоторых районах за 1969 г. 1–2 на тысячу (в Кызылкумском р-не Южно-Казахстан. обл. 4 девочки за 1969 г. получили это имя), в г. Чимкенте ни одной. У киргизок за этот же год несколько примеров в юго-западных районах. У узбечек Самарканда (1965 г.) нет, в районах — очень редко (в форме Бозоргул). "Лобовая" этимология Базаргюль — "базарный цветок" не соответствует действительному значению, так как оба компонента образовали имя не в своих первичных значениях: *базар* у народов Востока —

почти праздничное событие, недаром в киргизском языке слово *базар* означает не только "рынок", а и "оживление, веселье" [12, 94], казахское слово *базарлы* означает и "базарный", и "привлекательный, имеющий хороший вид" [4, 63]. Имя могло обозначать девочку, рожденную в базарный день, или, верней, служить пожеланием обеспеченности, живости, веселья, а это противоположно отрицательному оттенку русского слова "базарный". Без компонента *июль* имя Базар в прошлом употребляли у казахов, теперь оно очень редко (за 1969 г. рожд. по 1 случаю в самых "глубинных" районах Южно-Казахстанской обл. — Сузакском и Кызылкумском).

Бермет — киргизское женск. имя, из киргиз. *бермет* "жемчуг" (т.е. с тем же значением основы, как и женск. имя Маргарита, у тюркоязычных народов — Гаухар, Дюрия, Меруерт, Садап). За 1969 г. частотность у киргизок около 2 на тысячу новорожденных.

Венера — одно из самых частых имен татарок и башкирок, в Средней Азии оно часто только у киргизок: за 1969 г. в г. Фрунзе 28 на тысячу, в северных и центральных районах по 11 на тысячу, в двух юго-западных районах (Ляйлакский и Баткенский) единственный случай — девочка зарегистрирована с именем Венерка. У казахов Южно-Казахстанск. обл. за 1969 г. рожд. — по 2 на тысячу. У узбеков — единичные случаи. Нет у туркменок. Часто в татарских семьях Самарканда. В Татарии и Башкирии принадлежит к самым частым, из него образовано муж. имя и за последние годы нередко мальчики с именем Венер. Имя связано с названием планеты Венера, как и женск. имена Зухра и Чолпон.

Гавхар и Гаухар — в форме Гавхар "жемчуг" имя у узбеков (из таджик.), в форме Говхер — у туркменок. У киргизок при подсчетах за 1969 г. не встретилось. Зато нередко у казахов — в форме Гаухар: в г. Чимкенте 25 на тысячу за тот же год, в районах Джамбулской и Южно-Казахстанской областей — 4 на тысячу, есть и форма Гаухария (см. также Меруерт). Есть у татарок (Гаухар, Гаухария) и башкирок (Гавгар, Гаугар, Гаухар).

Гюльнара — одно из повсеместно распространенных и очень частых женск. имен у тюркоязычных народов. Буквальная этимология — "цветок граната" из тадж. *анор* "гранат" (о компоненте *июль* см. Айгюль). Самое частое имя башкирок (1968 г. рожд.), максимально на юго-востоке, реже в западных районах. В Средней Азии у казахов Джамбулской и Южно-Казахстанской областей (1969 г. рожд.) 30–40 на тысячу, занимает 2-е место, уступая только имени Гульмира; у киргизок (тот же год) во Фрунзе — 23 на тысячу, в Ляйлакском и Баткенском р-нах 17 на тысячу. У узбеков Самарканда 1965 г. рожд. 34 на тысячу, 4-е место, в 1971 г. — 16 на тысячу, 12-е

место; в районах Самаркандской обл. (1965 г. рожд.), Ферганской обл. (1970 г. рожд.), у узбеков в Ляйлакском р-не Киргизской ССР (1969 г. рожд.), в Сайрамском и Бугуньском р-нах Казахской ССР (1969 г. рожд.) – от 15 до 17 на тысячу. У туркменок Ашхабада (1970 г. рожд.) – на 3-м месте. Имя стало пользоваться успехом только в последние десятилетия. Происходит переоформление имени: прежнее Гюльнар (узбекское произношение Гюльнор, под влиянием таджикского языка) приобретает финальный гласный звук *-а*. По Киргизии в актах записи рождений за 1969 г. во Фрунзе все уже только с финальным *-а*, в районах 78% с *-а*. Узбекский словарь личных имен в 1-м издании, 1964 г., давал Гулнор, а во 2-м издании, 1968 г., Гулнора [5, 45]. В официальных документах записи рождений написание этого имени хаотично, особенно в Казахстане: за 1969 г. в Джамбулской и Южно-Казахстанской областях оно документировано в 11 различных написаниях и нелегко угадать, что это – одно имя. Разнобой создает опасную путаницу.

Дамира – у казашек южных областей и у киргизок это имя в 1969 г. получили 13 девочек на тысячу, у киргизок (кроме столицы) оно даже вошло в десятку самых частых; нередко у татарок, очень редко у башкирок и узбеков, не встречается у туркменок. Предполагают арабское происхождение, со значением "половодье, ливень" [5, 46], но, может быть, имя Дамира – женск. форма мужск. имени Дамир, которое происходит из тюрк. *темир* "железо", производно "настойчивый" [1, 181]; в юго-восточной Болгарии отмечено жен. имя Демира, связываемое с тюрк. *темир* [3, 160]. Странно, что Т.Жанузаков объявляет муж. имя Дамир ... русским! [2, 25] – такого имени у русских никогда не было, нет и теперь.

Джерен – частое имя туркменок; в Ашхабаде среди рожденных в 1970 г. – в десятке самых частых; *джейран* – вид газели, распространенный на Кавказе и юге Средней Азии. Имя свойственно и азербайджанкам, отсутствует у казашек и киргизок.

Дильфуза – очень частое имя узбеков; в Самарканде 1971 г. – самое частое, его получили 56 новорожденных узбеков (а в 1965 г. только одна), 1-е место оно заняло и в Алтыарыкском р-не Ферганской обл., и у узбеков Ленинского р-на Чимкентской обл. Казахстана. Из иранск. *дил* "сердце" (срав. Дилбар, Дилшода и др.). Распространено тоже производное имя Дилфазахон.

Замира – жен. форма от араб. муж. имени Замир, принесенного исламом; араб. слово *замир* "затаенная мечта, сокровенная мысль" в живую речь тюркоязычных народов не вошло, оставаясь достоянием мусульманской книжности. Поэтому непонятное имя ошибочно переосмысливают по звуковому сходству

с русскими словами *за мир*, к которым оно никакого отношения не имеет. В дореволюционное время жен. имя Замира встречалось, например, у казашек (в документах по бывш. Чаяновскому р-ну — казашка Замира, 1909 г. рожд.). Среди узбечек Самарканда и районов той же области (1965 г. рожд.) 21 на тысячу, в Ферганской обл. (1970 г. рожд.) — Замирахон, 7 на тысячу, у киргизок (1969 г. рожд.) 8 на тысячу, у казашек Южно-Казахстанской обл. 4 на тысячу, в Джамбулской обл. редко; у башкирок 1968 г. рожд. — единичные случаи; у туркменок 1970 г. рожд. не встретилось.

Лаззат — араб. "сладостная, приятная, улаждающая", имя принесено исламом. Среди всех новорожденных узбечек и туркменок, охваченных подсчетами, не встречено ни разу, у киргизок (1969 г. рожд.) единственный случай — в г. Фрунзе. Но очень часто у казашек: за 1969 г. в г. Чимкенте его получили 31 на тысячу, в районах Джамбулской и Южно-Казахстанской областей — по 23 на тысячу (в казахском женском именнике еще не вошло в силу вытеснение имен с окончанием на согласный).

Майса — имя туркменок; туркменское *майса* "нива, пашня". Употребительны и составные имена Майсагуль, Майсагезель.

Марал — самое частое имя новорожденных туркменок в Ашхабаде 1970 г.; в районах Туркмении оно повсеместно, но не столь часто. Из туркменск. *марал* (л произносится мягко, ближе к ль) "лань". Иногда встречается у киргизок и казашек.

Меруерт — имя встречается у казашек Южно-Казахстанской обл. с частотностью 2 на тысячу (1969 г. рожд.), по данным бывш. Чаяновского р-на оно в прошлом было гораздо чаще. В подсчетах по соседней Джамбулской обл. не встретилось. У киргизок (тот же год) — единственный случай, дочь студентки в г. Фрунзе. Среди узбечек в подсчетах за последние годы не встретилось, но в прошлом было — в форме Марварт. В основе нарицательное со значением "жемчуг" — казах. *меруерт*, узбек. *марварид* (из иран. языков). Имя этимологически тождественно с жен. именем Маргарита (из греч. *маргаритис* "жемчуг") и с узбек., казах., туркмен., татар., башкир. Гаухар (Говхар, Гоугар, Говхер), киргиз. Бермет, казах. Дюрия, туркмен. Садап, также означавшими "жемчуг" или "жемчужина". Наименования драгоценностей очень часты в женских именах у тюркоязычных народов: Алтын "золото", Кюмиш "серебро", Зумрат "изумруд" и т.п.

Нигора — самое частое имя узбечек Самарканда, рожденных в 1965 г., — 50 на тысячу. Но среди рожденных там же в 1971 г. — вдвое меньше (отодвинуто на 9-е место); в районах той же области и Ферганской обл. несравнимо реже, но одно из самых частых у узбечек Ляйлакского р-на Киргизс-

кой ССР (1969 г. рожд.). У киргизок (1969 г.) и туркменок (1970 г.) не встретилось, у казашек — единичные случаи в Ленгерском р-не на границе с Узбекской ССР. Имя из тадж. *нигор* "картина, портрет", переносно "красавица".

Толгонай — тюрк. "полная луна". Кроме сравнения с полной луной в смысле "красивая", характерного для эстетики тюркских жен. имен, имя Толгонай могло обозначать и рожденную в полнолуние. Имя нередко у киргизок на крайнем юго-западе Киргизии (Ляйлакский и Баткенский районы).

Чемен — распространено у туркменок повсеместно, хотя не часто. Туркменск. *чемен* "букет", "луг" (из перс. *чемен* "лу-жайка, цветущий луг"). Равнозначно с ираноязычным жен. именем Гюльдоستا.

Литература

1. Гафуров А.Г. Лев и Кипарис. М., 1971.
2. Жанузаков Т. Казак есімдерінің тарихы. Алматы, 1971.
3. Илчев С. Речник на личните и фамилни имени у българите. София, 1969.
4. Казахско-русский словарь. А.-А., 1954.
5. Менажиев Я., Азаматов Х., Абдурахмонов Д., Бегматов Э. Исмингизнинг маъноси нима? Тошкент, 1968.
6. Мухамедова З.Б. К вопросу о личной ономастике туркмен. — "Труды Ин-та языка и литературы". Вып. 2, Аш., 1957.
7. Никонов В.А. Актуальные процессы в антропонимии тюркоязычных народов. — Ономастика Поволжья. З. Уфа, 1973.
8. Никонов В.А. Имя и общество. М., 1973.
9. Никонов В.А. Размежевание личных имен по полу у тюркоязычных народов. — Сов. тюркология. Баку, 1972, № 2.
10. Никонов В.А. Современный именник узбеков. — Вопросы ономастики. Самарканд, 1971.
11. Никонов В.А. Личные имена туркмен. — "Полевые исследования Ин-та этнографии". М., 1975.
12. Юдахин К.К. Киргизско-русский словарь. М., 1965.

А.М. Решетов, А.Н. Седловская

ВЛИЯНИЕ МЕЖЭТНИЧЕСКИХ КОНТАКТОВ НА АНТРОПОНИМИЮ ДУНГАН

Дунгане (39 тыс. человек, по переписи 1970 г.) проживают на территории Киргизии (19,8 тыс.чел.), Казахстана (17 тыс. чел.) и Узбекистана (2,2 тыс. чел.) [4, 29].

Прошло около 100 лет с тех пор, как они поселились в этих районах. За этот период под воздействием новых условий и в результате теснейших контактов с русскими, киргизами, казахами и узбеками произошло много изменений в своеобразной материальной и духовной культуре дунган. После Октябрьской революции процесс взаимного влияния национальных культур стал более интенсивным.

Экономические, социальные и культурные сдвиги не могли не отразиться на характере личных имен дунган. Материалы органов записи актов гражданского состояния свидетельствуют о том, что антропонимическая модель дунган за последние десятилетия претерпела и продолжает претерпевать значительные изменения. В работе Г.Г.Стратановича и Ю.Я.Яншансина [3, 54], посвященной дунганской антропонимии, в системе дунганских имен выделяются три основных типа:

1. Имя, данное по мусульманским канонам или в соответствии с мусульманской традицией;
2. имя бытовое (собственное дунганское);
3. имя конструктивно-смешанное.

Имена, относящиеся к первой категории, обычно давались по Корану.

Для образования дунганского имени за основу брался какой-либо слог традиционного мусульманского имени, к которому добавлялись самые разные суффиксы. Такие имена, как Мухарма, Мува, Мумузы, Мурдан, Мурданзы, Мувазы, Хахазы, Хувазы, Мэмэзы, Мэгэзы, Мэва и т.д., образованы от разных слогов одного лишь имени пророка Мухаммеда.

Ко второй группе имен относятся собственно дунганские, происходящие от наименования цветов, драгоценных камней, дней недели, памятных событий и т.д. Очень многие сложные женские имена имеют в своем составе слово *хуар* - "цветок" [5, 131].

Изменения в именнике дунган протекают по-разному, в зависимости от той территории, на которой они проживают в Средней Азии и Казахстане. Однако есть некоторые общие закономерности динамики личных имен дунган. Прежде всего, это касается распространения у них отчеств и фамилий, построенных по русской модели, которые в настоящее время фигурируют уже во всех официальных документах. Например, Даузов Дуллар Чивазович или Янподаева София Дидизовна и т.д. Вторым важным моментом, общим для всего дунганского населения, является появление новых имен, возникших уже после Октября.

Такие имена, как Октябрьхан, Замирахан (к-з Кызыл-Шарк, Савайск. р-н, Ошская обл.). Сюда же можно отнести появление и распространение в дунганской среде русских имен.

На основании материалов районных, сельских и городских Советов можно заключить, что русские собственные имена начинают получать некоторое распространение среди дунган лишь с 40-50-х годов нашего столетия. Сейчас довольно часто в официальных документах встречаются такие имена, как Борис, Сергей, Татьяна, Людмила, Тамара. Часто встречается имя Мария, которое охотно дают девочкам, так как оно близко традиционному имени Марьям.

Что касается дунганского населения, проживающего в городах, особенно таких, как Алма-Ата, Фрунзе, Ташкент и т.д., то у молодых людей, особенно среди учащихся вузов, техникумов и других учебных заведений, очень часто бывает второе имя — русское, обычно созвучное дунганскому (Баги — Борис, Сарди — Саша, Зоорхан — Зоя и т.д.).

В той или иной степени дунганский именник подвергся влиянию окружающих народов, таких, как узбеки, казахи и киргизы. Для дунган, проживающих на территории Узбекистана, характерно сильное узбекское влияние на многие аспекты их духовной и материальной культуры. Это зависит во многом от малой численности дунган в Узбекистане. Здесь весьма часты межнациональные браки. При этом, дети, как правило, получают узбекские имена: мужские — Улугбек, Алишер, Тахир, Тахирджан, Инамжан, Садькжан; женские — Замирахан, Зулпияхан, Тупахан, Гульнара, Гульбахор и т.д.

Казахское и киргизское окружение в меньшей степени, чем узбекское, повлияло на дунганский именник. Во-первых, на территории Казахстана и Киргизии численность дунган значительно выше, и живут они более компактными группами, чем в Узбекистане. Во-вторых, здесь сохраняются в гораздо большей степени, чем в Узбекистане, специфические, этнические черты дунган — их язык, одежда, многие культурно-бытовые традиции.

Во Фрунзе выходит газета на дунганском языке, здесь же существует отдел дунгановедения АН Киргизской ССР и т.д. Степень национального самосознания дунган Киргизии и Ка-

захстана несомненно выше, чем у дунган Узбекской ССР, где процессы национального сближения дунган с узбекским населением протекают весьма интенсивно. Однако и киргизское и казахское окружение оказывают некоторое влияние на дунганскую антропонию. Именно этим объясняется появление среди дунганских имен таких, как Киргизбай, Султанбай, Хасанбай, Турсунбай и т.д.

Встречаются женские имена, оканчивающиеся, как и казахские, на "гул" (цветок), жан ("душа") [2, 200]: Зунгжан, Шамшигуль и т.д.

Изменения в антропонимии дунган являются отражением и следствием тех этнических процессов, которые характерны для советских дунган в настоящий период, а именно процессов национального объединения в двух формах — национальной консолидации, с одной стороны, и этнической ассимиляции — с другой [1, 3].

У тех групп дунган, которые в значительной степени сохраняют свои этнические черты (на территории Киргизии и Казахстана), изменения в антропонимии менее значительны, чем у дунган, проживающих в Узбекистане, где процессы естественной ассимиляции наблюдаются значительно ярче.

Литература

1. Бромлей Ю.В., Козлов В.И. Современные национальные процессы в СССР (К пятидесятилетию образования Советского Союза). — Тезисы докладов симпозиума "Национальные процессы в современном мире". М., 1972.
2. Жанузаков Т. Социально-бытовые мотивы в казахской антропонимии. — Личные имена в прошлом, настоящем, будущем. М., 1970.
3. Стратанович Г.Г., Яншансин Ю.Я. Типы антропонимии дунган. — Этнография имен. М., 1971.
4. Сушанло М. Дунгане. Фрунзе, 1971.
5. Яншансин Ю. Краткий дунганско-русский словарь. Фрунзе, 1968.

А.Г. Гафуров

О СЛОЖНОСОСТАВНЫХ АНТРОПОНИМАХ В ТАДЖИКСКОМ ЯЗЫКЕ

В изучении географических названий много дает микропонимия. К сожалению, мы пока не располагаем материалами "микроантропонимии" отдельных районов или хотя бы крупных населенных пунктов с компактным коренным населением. Во всяком случае, по Таджикистану таких данных нет. Что бы это дало? Во-первых, мы узнали бы о структурных типах антропонимов, характерных для того или иного района. По общим наблюдениям известно, что для северных районов Таджикистана характерны в основном арабские по происхождению имена в сочетании с компонентами *бек, бой, джон, кул* в постпозиции и приставками *мир, хол, тош, шох*. В женских именах чаще встречаются приставки *би, биби* и окончания *нисо, ой, хон*. В центральных и южных районах картина значительно меняется. Приставки и окончания северотаджикских имен могут употребляться здесь в виде самостоятельных имен Бек, Бой, Джон, Кул, Мир, Хол, Тош, Шох.

Вместе с тем именно в центральных и южных районах наблюдается большое разнообразие форм личных имен. На первый взгляд может даже показаться, что никаких норм, никаких ограничений в моделировании двухсложных антропонимов не существует. В самом деле, если взять четыре мужских имени Али, Махмад (стяженная форма от Мухаммад), Раджаб, Шох, то на их основе можно получить 12 сложносоставных имен: Алимахмад, Алираджаб, Алишох, Махмадали, Махмадраджаб, Махмадшох, Раджабали, Раджабмахмад, Раджабшох, Шохали, Шохраджаб, Шохмахмад; из 3 женских имен Биби, Гул, Мох и одного мужского — Раджаб образуется 12 довольно употребительных двухсложных антропонимов. Таким образом, теоретически каждый житель Таджикистана может иметь свое собственное, отличающееся от других имя.

Подсчет частотности имен жителей одного из селений близ Душанбе (кишлака Тангаи Орджоникидзеабадского района) пока-

зал, что почти у 75% его обитателей имена не повторяются. В этом небольшом селении, где живет 460 человек, оказалось 340 разных имен! Такое разнообразие имен — следствие пространности сложносоставных антропонимов.

Сложносоставные имена особенно часто встречаются в Горном Бадахшане. Здесь одинарные имена довольно редки. Бадахшанца сравнительно легко можно отличить по имени от жителя других местностей Таджикистана. Составные компоненты бадахшанских имен в общем такие же, как и в других местностях республики, но отличаются по сочетанию. Имена Али, Амир, Бахт, Бегим, Бек, Гадо, Мамад, Ширин, Султон, Шох обычны для всех районов республики, но только в Горном Бадахшане можно встретить композиты: мужские Гадоали, Шохгадо, Ширинбахт, Амирбек; женские Бахтсултон, Гадобегим, Бегимсултон. Нередко попадаются и трехсложные имена, например, Амиргулхон (Амир+Гул+Хон), Мамадназаршох (Мамад+Назар+Шох), Мамадалишох (Мамад+Али+Шох).

Эти различия в структуре сложносоставных имен, в способах соединения компонентов в известной мере явились отражением особенностей в религиозных воззрениях. Известно, что в прошлом население теперешнего Таджикистана по религиозным взглядам делилось на суннитов и шиитов. Большинство населения принадлежало к суннитам, а шииты жили в той части Бадахшана, которую ныне называют Памиром.

Определенных отличий в семантике между суннитскими и шиитскими именами может и не быть. Имена Хасанкул и Гуломхасан одинаково означают "раб Хасана" (имеется в виду имам Хасан, сын халифа Али), первое образовано при помощи узбекского форманта *кул*, а второе таджикского *гулом* (из арабского *гулам* "слуга"). Вообще все имена с приставкой *Гулом* можно считать по происхождению шиитскими. Это — Гуломали — "раб Али", Гуломмухаммад — "раб Мухаммада", Гуломхайдар — "раб Хайдара" (т.е. Али), Гуломхасан — "раб Хасана", Гуломхусейн — "раб Хусейна". Интересно, что имя Гулом (в русской передаче — Гулям), как правило, "суннитское".

Личные имена бадахшанцев складывались не просто под влиянием шиизма, а его секты — исмаилизма. Поэтому на Памире не получили распространения такие популярные в Иране имена, как Алинаки (Наки — прозвище десятого шиитского имама, из арабского *наки* "чистый"), Мухаммадтаки (Таки — прозвище девятого шиитского имама, из арабского *таки* "праведный"), Мухаммадмахди (Махди — прозвище двенадцатого имама, из арабского *махди* "мессия"), Казим (прозвище седьмого шиитского имама по имени Муса, из арабского *казим* "терпеливый").

Таджикская поговорка "Что Ходжаали, что Алиходжа (все едино)" в своей исходной посылке не совсем верна. Семантически оба имени одинаковы, но принадлежат к разным социальным

группам. Слово *ходжа* перед именем означало, что носитель его занимает определенное положение в мусульманском государстве. В средние века титулом *ходжа* называли вазиров и высокопоставленных чиновников, а впоследствии он перешел и к богатым купцам. А компонент *ходжа* в конце имени обозначал главным образом потомков "праведных" халифов.

Вообще позиция компонентов часто меняет семантику имени. Так, Мухаммадсаид и Саидмухаммад требуют различного перевода. Мухаммадсаид – сочетание имени пророка и первой части его эпитетов (например *сайид ал-каинат* – "господин вселенной", *сайид ал-мурсилини* или *сайид ал-анбия* – "глава пророков").

Имена типа Саидали, Саидмухаммад первоначально принадлежали *сайидам* – потомкам Али, и поскольку грань между титулом и именем в мусульманских странах была условной или трудноуловимой, то эти две антропонимические категории сливались в сложносоставных именах. Кстати, контаминация титула с именем привела к тому, что в современном таджикском языке исчезла форма *Сайид*.

При всей кажущейся многовариантности сложносоставных имен она все-таки имеет свою систему, хотя и изредка нарушаемую любителями давать детям сверхоригинальные имена. Так, например, приставка *Саид* – может быть практически соединена с любым арабским именем, а окончание – *саид* могут иметь только немногие имена. При этом в первом случае антропонимическая модель выглядит как Саид + имя и Саид + титул, а во втором случае почти всегда как титул + Саид. Так что Мухаммадсаид в этой модели – исключение, если, повторяем, не считать отдельных случаев "имятворчества".

Семантика сложносоставных имен редко бывает однозначной, они чаще не переводятся, а скорее комментируются. Это относится, главным образом, к именам, составленным по типу арабского статус конструктуса, т.е. к именам с окончанием на *дин* и *улло*.

Среди них встречаются недопустимые с точки зрения арабомусульманской антропонимии словообразования, вроде Аббосулло [1], Латифулло [2], Матулло [3], Суробиддин (Сухробиддин) [4].

Подобные искусственные словообразования иногда получают большое распространение. Так, имена Асомуддин и Мирзомуддин по частотности стоят чуть ли не на первом месте в антропонимии центральных и южных районов Таджикистана. Асомуддин, по-видимому, можно перевести как "посох веры" или "опора веры". Звук *м* в середине имени служит для благозвучия. Он мог появиться и по аналогии с именами Имомуддин, Киромуддин, Низомуддин, Хисомуддин. Имя Мирзомуддин образовано из слов *мирзо* "царевич" и *дин* "вера".

Источники

1. Книга ЗАГС г. Душанбе, 1965, № 243.
2. Книга ЗАГС Центрального р-на г. Душанбе, 1962, № 660.
3. Книга ЗАГС г. Сталинабада, 1954, № 1982.
4. Книга ЗАГС г. Сталинабада, 1953, № 1949.

3.Б. Мухамедова

НЕСКОЛЬКО СЛОВ ОБ АНТРОПОНИМАХ В "ОГУЗ-НАМЕ" ИЗ СОЧИНЕНИЯ САЛАР БАБА

В рукописи под № 5263, хранящейся в рукописном фонде ИЯЛ АН ТуркмССР, содержится тюркоязычный текст, датированный 50-ми годами XVI в. Сочинение написано Салар Баба, данная рукопись является автографом автора. Несмотря на то что большая часть этого сочинения является старотуркменским переводом известного "Собрания летописей" Рашид ад-Дина, исследуемая часть, условно названная нами "Огуз-наме", может считаться в известной степени самостоятельной. Это выявляется при сравнении изучаемой части с соответствующими частями сочинения Рашид ад-Дина. Часть сочинения Салар Баба, названная нами "Огуз-наме", носит название "История Огуза, его детей и прочих тюрков". Как и у Рашид ад-Дина, повествование начинается с рассказа о предке тюрков. Сказав, что Нух (библейский Ной) уделом своих детей сделал обитаемый мир, автор отмечает, что Восток и Туркестан он отдал своему старшему сыну Яфесу (библейский Яфет). Этому-то Яфеса по Рашид ад-Дину тюрки прозвали Абулджа-ханом – у Салар Баба его зовут Улджай-ханом. Нельзя не отметить, что это имя до сих пор бытует в алтайском языке, который сохранил много древних черт тюркских языков.

Другой отличительной чертой нашего источника является то, что имя внука Огуза, сына и преемника Гун-хана, – Диб Йав Куй – толкуется не так, как у Рашид ад-Дина: слово *диб* имеет значение "диспут", *якуй* означает "человека, властвующего над всеми племенами" [4, 81]; правда, в примечании приводится вместо слова "диспут" – "трон". Но не в этом дело. По Рашид ад-Дину, Дибйакуй (Диббакуй) – сын Абулджа-хана, т.е. дед Огуза, а по Салар Баба – Диб Йав Куй – внук Огуза. По Салар Баба, *диб* – "трон". Происхождение слова *диб* пока выяснить не удалось, но, видимо, оно связано с *дип*, второе значение которого Радлов заимствовал у Паве де Куртея и привел по-французски – *digneté, fortune* "удача", "счастье" [3, 1776]

(*dignité* – “достоинство”, “сан”, “звание?”). Слово это связано со староузбекским языком.

Что же касается второй части имени внука Огуза – Йав Куй, то оно у обоих авторов значит “предводитель племен”. При этом нельзя не отметить, что у Рашид ад-Дина такое имя носит лишь один этот хан. У Салар Баба – второй компонент имени играет роль названия династии, его носят еще пять персонажей. Вот они:

Курс Йав Куй [5, XIII 5], преемник Диб Йав Куй-хана, царствовал 30 лет. После него на трон вступил его сын – Куру Йасакь Йав Куй: [5, XIII 6–7] – и процарствовал 90 лет. Этому хану наследует его сын Инал Йав Куй – и царствует 120 лет [5, XIII 7–8]. Его сын Инал Сайру Йав Куй, приняв царство, правил страной только семь лет. Но на этом имени необходимо остановиться. Оно в форме Инал Сыр Йав Куй хан встречается в той “Истории Огуза” Рашид ад-Дина, которая хотя и примыкает к “Собранию летописей”, но встречается не во всех рукописях. Отрывки из этой части “Истории Огуза” опубликовал турецкий исследователь эпоса о Коркуде – Орхан Шайк Гёкьяй [2, 157]. Но и здесь замечаем различие между этим сочинением Рашид ад-Дина и нашим источником: Инал Сайр Йав Куй умирает, и после его смерти рождается сын, которому Коркуд дает имя Караман. У Рашид ад-Дина, судя по извлечениям, этот персонаж именуется Туман. Пока наследник растёт, регентом, как и у Рашид ад-Дина, Коркуд назначает Эрки. Но и здесь есть разница. Выросший необычайно смышленным, вскормленный языками птиц Караман-хан понимает язык животных; как и у Рашид ад-Дина, во время большого пира Коркуд советует Караману жениться на дочери Эрки-хана. Однако выясняется, что на ее руку претендует некий Усра-хан, сын Айына- (Адина “пятница”) хана. Караман поступает очень просто – убивает своего соперника.

По совету Коркуда, Караман не отстраняет Эрки-хана от управления страной. У Караман-хана рождается сын Кар Йав Куй, и он заявляет деду, что тот стар и должен уступить трон Караману. При глубоком почтении к старшим, данный эпизод – исключительный случай, отсутствующий у Рашид ад-Дина и Абульгази [1], следовавшего за этим великим историком.

Из имен собственных отметим еще три. Это Букра (*бугра* – “порода верблюда”). Хан, у которого была жена Байры хатун (*байры* “старый”, “старший”). Между прочим, как и в “Китаби Коркуд”, герои Салар Баба имеют по одной жене. После смерти Байры хатун Букра-хан на престол возводит своего среднего сына Куры текина. Этот последний прекрасно ведет государственные дела, но женит своего отца на молодой девице. И происходит то, чего боялся Букра-хан. Молодая жена старого хана клеветает на Куры-хана, своего пасынка, – ста-

рый мотив, разработанный еще Эврипидом в "Ипполите увенчанном", также у Навои в газели, начинающейся стихом "Эй едди и манзар тархыга". Чтобы очиститься, оклеветанный должен был повредить себе какую-либо часть тела и отправиться в далекую долину с тремя деревьями, где обитал дракон. Виновного этот дракон убивал, а невинному своим языком залечивал рану. С Куры-ханом отец поступает жестоко: он ослепляет сына, сажает на верблюда, а вести его приказывает повару по имени Ылыкь. Верность Куры-хану сохраняет лишь военачальник Саркылбаш, которого во время этих драматических событий не было. И здесь власть отца не имеет границ. Саркылбаш поначалу решает убить Букра-хана и преподнести сыну голову отца. Но даже при этих обстоятельствах Саркылбаш не исключает любви сына к отцу и решает вместе с войском догнать Куры-хана. Покорный отцу и судьбе хан очищается от клеветы, и все возвращаются домой ...

Отдельные имена связываются с историческими событиями. Так, при Инал-хане родился пророк Мухаммед [5, XIII13], это говорит о связи наших источников с преданиями доисламских времен.

На всех именах, как мы видим, лежит отпечаток легендарности; подкрепим сказанное еще одним примером: Махмуд Себуктегин, т.е. Султан Махмуд Газневид, по Салар Баба царствовал 90 лет.

Значения многих из приведенных антропонимов поддаются объяснению из тюркских языков. Нет сомнения, что многие из них восходят к монгольскому языку. Мы же здесь хотели подчеркнуть отличие части труда Салар Баба, написанного в Нисе, близ Ашхабада, в середине XVI в., от "Джами ат-таварих" Рашид ад-Дина.

Литература

1. Кононов А.Н. Родословная туркмен. Л., 1958.
2. Книга моего деда Коркута. Л., 1962.
3. Радлов В.В. Опыт словаря тюркских наречий. Т. 3. Ч. 2. СПб., 1905.
4. Рашид ад-Дин. Джамии ат-таварих. Т. 1. Кн. 1. М.-Л., 1952.
5. Рукопись № 5263 из рукописного фонда Ин-та языка и литературы АН ТуркмССР.

Т. А. Заказчикова

МУЖСКИЕ ИМЕНА РУССКИХ В г. АНДИЖАНЕ

В статье представлены результаты наблюдений над мужскими именами русских в их современном состоянии в г. Андижане Узбекской ССР за 1951, 1961 и 1971 гг. Данные извлечены из архива загса г. Андижана.

В русских семьях в 1951 г. родилось 296 мальчиков и 322 девочки. Им дано 74 разных имени: 34 мужских и 40 женских. В 1961 г. зарегистрированы 278 мальчиков и 268 девочек. Мальчикам дано 36 разных имен, девочкам – 35 имен, всего 71 имя. В 1971 г. 211 мальчикам и 219 девочкам дано 77 разных имен: 37 мужских и 40 женских.

Год	Всего имен	Мужских	Из них употреблены	
			более 1 раза	по 1 разу
1951	74	34	25	9
1961	71	36	25	11
1971	77	37	24	13

Число мужских имен, употребленных более 1 раза, в эти годы оставалось довольно постоянным; количество единичных мужских имен увеличилось незначительно.

Данные позволяют судить о составе мужских имен, объеме и составе фонда устойчивых имен, об изменении моды на то или иное имя.

Из употребленных в 1951 г. мужских имен не повторены ни в 1961, ни в 1971 гг.: Герман, Григорий, Марат, Степан, Трофим, Федор.

Среди имен 1971 г. (по сравнению с 1951 г.) отмечаем новые: Адольф, Алик, Альберт, Андриан, Вадим, Георгий, Денис, Дмитрий, Роман, Тимур, Юлий. Большинство этих имен единичного употребления, за исключением имени Дмитрий.

В употреблении отдельных имен наблюдаются колебания: они то появляются, то исчезают в определенные годы. Так, появились в 1961 и перестали употребляться в 1971 г. имена Валентин, Максим, Родион, Рудольф, Эльбрус. Употреблялись в 1951, исчезли в 1961 и вновь появились в 1971 г. имена Артур, Илья.

В основном в г. Андижане мальчиков называют традиционными именами. Однако среди русского населения встречаются имена Адольф, Альберт, Артур, Рудольф, Марат с необычными для русского языка сочетаниями согласных (*рт, рд, льф*), обилием сонорных, начальными *э, а*, удвоением согласных и т.п. [6]. Употребительность этих имен очень низка. Имена типа Эдуард, Альфред, Рудольф недостаточно адаптировались русским языком. Образование отчеств от имен этого типа — еще один шаг к их русификации. Представляет интерес имя Эльбрус, созданное путем семантического словообразования: Эльбрус (название горы) — Эльбрус (мужское имя).

Национальное окружение (г. Андижан расположен на территории Узбекской ССР) почти не сказалось на выборе имени: единственное имя Ибрагим дано ребенку в 1961 г., вероятно, это имя-посвящение.

Анализ формальных показателей мужских имен свидетельствует о том, что изменилось соотношение имен, оканчивающихся на твердый согласный и *-й*.

	<u>1951 г.</u>	<u>1961 г.</u>	<u>1971 г.</u>
твердый согласный	52%	47%	47%
<i>-й</i>	47%	48%	50%

Формы на *-й* победили. Число имен на *-а (-я)* и мягкий согласный незначительно: 1% в 1951 г., 5% в 1961 г. и 3% в 1971 г. (причем преобладают имена на мягкий согласный, а имена на *-а(-я)* единичны).

Имена собственные образовали специфический, отчетливо ощущаемый лексический отряд со своей историей, а это неизбежно приводит к установлению собственных формальных признаков отряда [6].

Устойчивый фонд мужских имен в г. Андижане (имена, повторяющиеся из года в год) за 1951, 1961, 1971 гг. составляют 24 имени: Александр, Алексей, Анатолий, Андрей, Борис, Валерий, Василий, Виктор, Виталий, Владимир, Владислав, Вячеслав, Евгений, Иван, Игорь, Константин, Леонид, Николай, Олег, Павел, Петр, Сергей, Станислав, Юрий.

Проследим динамику наиболее употребительных мужских имен г. Андижана.

	<u>1951 г.</u>	<u>1961 г.</u>	<u>1971 г.</u>
1. Владимир		Сергей	Андрей
2. Александр		Александр	Сергей
3. Виктор		Владимир	Александр

4. Валерий	Юрий	Олег
5. Сергей	Игорь	Дмитрий
6. Юрий	Андрей	Владимир
7. Николай	Олег	Виталий
8. Анатолий	Евгений	Алексей
9. Виталий	Алексей	Павел
10. Олег	Валерий	Владислав

Какие же изменения произошли в десятке употребительных имен 1961 и 1971 гг. (в сравнении с употребительными именами 1951 г.)?

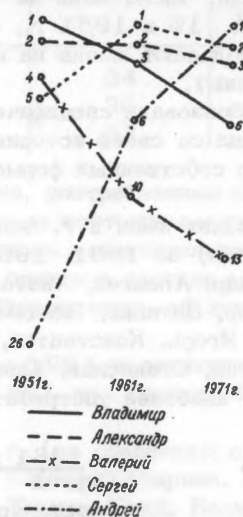
В 1-й десяток имен 1961 г. вошли имена Игорь, Андрей, Евгений, Алексей, которые не были популярными в 1951 г.; не оказалось в этом десятке таких имен 1951 г., как Виктор, Николай, Анатолий, Виталий, Самым "модным" в 1961 г. становится имя Сергей (1-е место).

В.А.Никонов называет пять самых распространенных в России имен 1961 г.: Сергей, Александр, Владимир, Юрий, Андрей [6]. По нашим подсчетам, в г. Андижане первые четыре имени совпадают, но на 5-м месте Игорь, а Андрей на 6-м.

В 1-м десятке имен 1971 г. (по сравнению с 1961 г.) нет имен Игорь, Евгений, Юрий, Валерий, но вошли имена Дмитрий, Павел, Владислав, вновь стало популярным имя Виталий. Самое "модное" имя 1971 г. — Андрей.

Следовательно, в 1-м десятке мужских имен в 1961 г. меняются 4 имени (по сравнению с 1951 г.) и 4 имени в 1971 г. (по сравнению с 1961 г.). Постоянны в эти годы имена: Владимир, Александр, Сергей, Олег.

Схематически эволюция отдельных имен выглядит так:

Степень распространения мужских имен по годам
(цифры обозначают место имени по частотности)

Десять самых частых мужских имен 1951 г. составили 73% от общего числа новорожденных мальчиков этого года (219 из 296 новорожденных названы десятью именами); первый десяток 1961 г. – 71% (199 из 278); первый десяток 1971 г. – 70% (148 из 211).

Ср.: из всех русских мальчиков, рожденных за 1967 г. в Ульяновске, 10 самых частых имен охватывали 80%. В 1961 г. в Хвастовичском районе Калужской области – 83%, в Сурском и Вешкаймском районах Ульяновской области – 83% [7].

Сопоставим наш материал с употреблением мужских имен в некоторых городах за последнее десятилетие (Кострома, Ульяновск, Минск, Свердловск, Пенза) [1; 2; 3; 4; 5; 6].

По популярности имя Сергей в 1961–1967 гг. занимает 1-е место во всех центральных городах, в Андижане оно на 2-м месте в 1971 г.; Александр – 2-е место, в Андижане – 3-е; Владимир – 3-е и 4-е места, в Андижане – 6-е; Андрей – 5-е и 7-е (Кострома, Минск), 3-е место (Ульяновск, Пенза), 1-е место (Свердловск, Андижан); Олег – 5-е и 6-е места (Минск, Ульяновск), 4-е место – Андижан. В Свердловске и Андижане стало популярным имя Дмитрий – 4-е и 5-е места.

Проследив движение имен на разных территориях, обнаруживаем удивительные "совпадения": частота отдельных имен оказывается сходной.

Наши наблюдения над мужским именем русских на территории, значительно удаленной от центральных областей, подтверждают общую закономерность развития личных имен в России: сокращение именников, довольно устойчивый состав его.

Частота употребления мужских имен в г. Андижане *

	<u>1951 г.</u>	<u>1961 г.</u>	<u>1971 г.</u>
Александр	10,08	11,01	10,4
Алексей	1,03	4,03	3,03
Анатолий	4,01	1,04	0,9
Андрей	0,3	5,03	12,03
Артур	0,3	–	0,9
Борис	1,0	0,3	0,4
Вадим	–	1,01	1,04
Валерий	9,01	3,05	2,03
Василий	1,03	0,7	1,04
Виктор	9,07	2,04	1,08
Виталий	3,0	2,08	3,08
Владимир	13,01	11,01	4,03
Владислав	0,3	0,3	2,08
Вячеслав	2,03	0,7	1,08

* Все данные приводятся в процентах.

Геннадий	3,0	1,04	-
Георгий	-	0,3	0,4
Григорий	0,6	-	-
Дмитрий	-	1,01	8,01
Евгений	2,07	4,06	2,08
Иван	1,0	1,01	0,4
Игорь	0,6	5,07	2,08
Илья	0,3	-	0,4
Константин	1,06	1,07	1,08
Леонид	1,00	1,04	0,4
Михаил	2,00	2,08	-
Николай	6,01	1,04	0,4
Олег	3,0	5,03	9,9
Павел	2,0	2,08	3,03
Петр	1,0	0,3	1,04
Роман	-	1,01	1,04
Сергей	8,01	14,0	11,03
Станислав	1,0	0,3	0,9
Юрий	6,07	6,01	1,04

Употребляются по одному разу в 1951 г. – Андрей, Артур, Владислав, Герман, Илья, Марат, Степан, Трофим, Федор; в 1961 г. – Борис, Валентин, Владислав, Георгий, Ибрагим, Максим, Петр, Родион, Рудольф, Станислав, Эльбрус; в 1971 г. – Адольф, Алик, Альберт, Андриан, Борис, Георгий, Денис, Иван, Илья, Леонид, Николай, Тимур, Юлий.

Литература

1. Бирилло Н.В. Современные мужские имена в Белоруссии. – Антропонимика. М., 1970.
2. Бондалетов В.Д. Работа по антропонимике в Пензенском педагогическом институте. – Ономастика Поволжья. Кн. 1. Ульяновск, 1969.
3. Бондалетов В.Д. Динамика личных имен в XX в. – Личные имена в прошлом, настоящем, будущем. М., 1970.
4. Кондратенко Г.И. Из наблюдений над выбором личных имен в г. Ульяновске. – Ономастика Поволжья. Кн. 1. Ульяновск, 1969.
5. Короткова Т.А. Личные имена свердловчан, родившихся в 1966 г. – Ономастика. М., 1969.
6. Никонов В.А. Личные имена в современной России. – "Вопросы языкознания", 1967, № 6.
7. Никонов В.А. Современный именник узбеков. – Вопросы ономастики. Самарканд, 1971.

Г.К. Сопиева

ЛЕКСИЧЕСКИЕ ИСТОЧНИКИ ЛИЧНЫХ ИМЕН У ТУРКМЕН

В личных именах туркмен можно выделить две группы антропонимов: антропонимы немотивированные и антропонимы мотивированные.

Содержание мотивированного антропонима определяется первоначальным исходным значением нарицательного существительного, легшего в основу личного имени.

Туркменская антропонимия по своему составу многообразна и сложна. В антропонимах отразились различные представления народа, обычаи, мировоззрение, традиции, бытовой уклад, различные культурно-исторические факторы, религиозные представления народа, экономический, общественно-политический строй.

Исследуя туркменские антропонимы, можно наблюдать, что в разряд антропонимов могут переходить различные слова, обозначающие самые разнообразные предметы и понятия.

Чаще всего в разряд антропонимов переходят слова эмоционально насыщенные, являющиеся названиями привлекательных предметов, слова, служащие для обозначения предметов материального и духовного мира человека.

Например: Гул "цветок", Гулнар "гранатовый цветок", Билбил "соловей", Алтын "золото", Кумүш "серебро", Гөвхер "жемчуг", Батыр "богатырь", Арслан "лев", Сердар "вождь".

Но независимо от того, от какого слова образован антропоним, он приобретает значение символа. Например: мужские личные имена символизируют храбрость, отвагу, мужество, стойкость, непреклонность и т.д. Еңиш "победа", Полат "сталь", Гылыч "сабля", Ёлбарс "лев".

Женские имена символизируют красоту, величавость, горделивость, доброту, кротость и т.д. Например Нэзик "нежная", Гулөлек "мак полевой", Сүлгүн "фазан", Жерен "джейран", Садап "перламутр", Гөзел "красивая". Подбор имен для мальчиков и девочек имеет свою специфику. Поэтому они будут рассматриваться отдельно.

В составе антропонимов туркменского языка можно выделить несколько семантических групп.

Антропонимы, связанные с названиями животных

Этот разряд личных имен очень продуктивен не только в туркменском языке, но и во многих других тюркских языках. В туркменском языке от названий животных произошел целый ряд мужских и женских имен. Мужские имена этой группы выражают силу, отвагу, мужество, храбрость. Имена эти давались и даются из желания видеть детей мужественными, храбрыми, выносливыми, физически сильными. От названий животных произошли такие мужские имена, как Ёлбарс "тигр", Гурт, Бери, Мөжек "волк", Гоч "баран", Көшек "верблюжонок", Огшук "годовалый верблюд", Торум "двухгодовалый верблюд", Бугурчы "трехгодовалый верблюд", Гужук "шенок", Курре "ишачок". Уместно здесь отметить, что имена Ёлбарс, Арслан стали очень популярными в последние годы.

Женские имена, образованные от названий животных, означают красоту, горделивость, величавость. Например: Марал "степная лань", Жерен "джейран", Сона "дикая утка", Гумры "горлица", Тавус "павлин", Мая "верблюдица", Товшан "заяц".

Антропонимы, связанные с названиями растений

Этимология этого разряда личных имен наиболее прозрачна. Мужские имена, связанные с названиями растений, выражают стойкость, выносливость в суровых условиях, неприхотливость. Эти имена даются мальчикам из желания видеть их крепкими, стойкими в различных жизненных ситуациях. С другой стороны, эти имена даются, чтобы сыновей в семье было много, как этих растений. Недаром народная поговорка гласит: "Чөп болсун, көп болсун" ("Пусть будет много, как кустов"). С названиями растений связаны такие мужские имена: Сазак, Ожар, Черкез, Арча.

Женские имена, связанные с названиями растений, выражают красоту, изящество, сладость, нежность. Даются они по названиям красивых цветов, плодов. Например: Алма "яблоко", Хурма "финик, плод финиковой пальмы", Гүлалек "полевой мак", Майса "зелень первых знаков", Гүл "цветок", Гүллер "цветы". Очень часто женские имена, связанные с названиями растений, являются сложными по своей структуре. Одним из компонентов является слово гүл. Например: Гүлшат "цветок радости", Гүлжан "дорогой, родной цветок", Гүлсолтан "царица цветов", Акгүл "белый цветок", Акжагүл "беленький цветок".

Многие собственные имена, мужские и женские, по своему происхождению связаны с названиями месяцев, дней недели, времен года. Здесь уместно отметить, что большинство имен этого разряда состоят из двух компонентов. Первым компонентом обычно является название месяца, а вторым компонентом могут быть слова *мырат* "цель", *ныяз* "милость", *гул* "раб", *берди* "дал", *гелди* "пришел", Мухаммет, Мәммет (стяженная форма от Мухаммед, имя пророка), *дурды* "стал".

Имена, связанные с названием первого месяца Ашыр: Ашыр, Ашырмырат, Ашырмухаммет, Ашырныяз, Ашыргулы.

Очень редко встречаются и женские имена Ашыр, Ашырбиби (биби "госпожа").

Сапар – название второго месяца лунного календаря. Личные имена, образованные от названия этого месяца: Сапар, Сапармырат, Сапаргулы, Сапармухаммет, Сапаргелди, Сапарныяз, Сапаргылыч.

Режеп – название седьмого месяца календаря. Мужские имена, связанные с названием этого месяца: Режеп, Режепныяз, Аннарежеп.

Женские: Режеп, Режепгул, Режепнур.

Мерет – название восьмого месяца лунного календаря. В основном с названием этого месяца связаны имена мужские: Мерет, Меретмухаммет, Меретдурды, Меретныяз, Меретгулы. Женские имена, связанные с названием этого месяца, встречаются довольно редко: Меретгул, Меретбиби.

Ораз – название девятого месяца. В этот месяц справлялся праздник Ораза. В разных туркменских диалектах имена, образованные от названий этого месяца, звучат по-разному. Так, например, носители текинского диалекта дают имена: Ораз, Оразмырат, Оразмухаммет, Оразберди, Оразныяз, Оразсахет. У носителей ёмудского диалекта это имя звучит как Араз, Аразмырат, Аразгелди, Араздурды, Аразберди, Аразныяз. У эрсары и сарыков выступает в следующем варианте – Розы, Розыгулы.

С названием этого месяца связано значительное количество женских имен: Ораз, Оразтувак, Оразсолтан, Оразбиби, Араз, Аразгул, Аразжемак, Аразтувак, Аразсолтан, Аразгөзел, Аразбиби, Араздурсун, Розы, Розыгул, Розыхал.

Байрам – название десятого месяца лунного календаря (буквально "праздник"). Это слово в настоящее время утратило свое значение как название месяца, а употребляется в значении праздник. С этим словом связаны целый ряд мужских и женских имен.

Мужские: Байрам, Байрамгелди, Байрамгулы, Байраммырат, Байраммухаммет.

Женские имена: Байрам, Байрамжемал, Байрамтэч, Огуль-байрам.

Гурбан – последний месяц лунного календаря. В старину в десятый день этого месяца совершались жертвоприношения. И в большинстве случаев ребенка, родившегося в этом месяце, нарекали именем Гурбан. Мальчикам давали имена: Гурбан, Гурбансэхет (сэхет “удачный день”), Гурбанберди, Гурбангулы, Гурбан-ныяз, Гурбанмухаммет, Гурбандурды, Аннагурбан.

Девочкам дают имена: Гурбангул, Гурбантэч, Гурбандурсун, Огулгурбан и др.

По отношению к дням недели личные имена даются в честь пятого дня недели *анна, жума*. Этот день в народе считается добрым, приносящим благополучие. В этот день справлялись тои (праздники), начинали большие дела, поминали умерших. С названием этого дня недели связаны следующие личные имена.

Мужские – Анна, Аннагелди, Аннаберди, Аннамырат, Аннагурбан, Аннаныяз, Аннагулы, Аннамухаммет, Жума, Жумамырат, Жумагулы, Жумаберди, Жуманыяз, Жумасэхет.

Женские имена – Аннагул, Аннабиби, Аннасолтан, Жумагул, Жумагөзел, Жумасолтан.

По названию времен года личные имена даются лишь по названию одного времени года – весны. Весна по-туркменски *яз, бахар*. С названием этого месяца связано значительное количество личных имен. Мужских – Язгелди “весна пришла”, Язберди “весна дала”, Язгылыч “меч весны”, Язмухаммет (по имени пророка). Женские имена – Язсолтан “царица весны”, Язжемал “весенняя краса”, Язжерен “весенний джейран”, Язбиби (биби “госпожа”), Яэнур (*нур* “луч, свет”, следовательно “свет весенний”), Бахар “весна”, Гүлбахар “цветущая весна”.

Антропонимы, связанные с топонимическими названиями

В разряд антропонимов могут иногда переходить и топонимические названия. Чаще всего топонимы используются в качестве антропонимов, когда родители хотят указать на место рождения ребенка. Таковы, например, антропонимы Ашгабат, Тежен, Керки. Встречаются антропонимы, образованные от названий гор, морей, местности. Например, Бекдаш, Балкан, Ахаллы.

Антропонимы, связанные с названиями оружия, драгоценных камней, металлов, сладостей

Названия металлов, драгоценных камней, сладостей также могут переходить в разряд личных имен. В основном это имена женские. Давая девочкам такие имена, родители хотели видеть их красивыми, миловидными, приятными. Например: Кумуш "серебро", Алтын, Тылла "золото", Гевхер "бриллиант". Эти имена могут встречаться и в качестве компонентов сложного имени. Например, есть имя Айна "стекло, зеркало" и имя Айнажемал, Набат "леденец" и Огулнабат "сын-леденец"; Шекер "сахар" и Огулшекер. Собственное имя Гылыч "меч" свидетельствует о том, что и названия оружия могут переходить в разряд имен собственных. Например, Гылыч, Гылычдурды, Гылычмырат, Дөвлетгылыч.

Антропонимы, связанные с особенностями ребенка

Личные имена могут даваться и в связи с какими-то особенностями ребенка. Так, например, ребенка, родившегося в "рубашке", называют Тувак, Огултувак, Аннатувак. Ребенка, родившегося с какими-то особыми приметам на теле, называют Артык (буквально "что-то лишнее"). Артык может быть именем как мужским, так и женским. Кроме того это слово может быть компонентом сложного женского имени. Например, Артыкгул, Артыкжемал.

Ребенка, родившегося с родимым пятном, родители называют Халлы (*хал* "родинка"), Холлыгезел, Менли (*мен* "родимое пятнышко на теле"), Нарлы, Нартэч, Наргезел (компонент *нар* в этих именах тоже означает родинку, красное родимое пятнышко на теле). Имя Гоша дают ребенку, родившемуся шестипалым, со сведенными пальцами на руке или ноге.

Антропонимы, связанные с родственными отношениями

У туркмен издавна существовал обычай давать имена в честь предков. Имена эти распространялись и на девочек, и на мальчиков. Честь и право дать своим детям имя отца или матери предоставляется старшему сыну. Причем не имя деда или бабушки получает новорожденный, а нарицательные слова "бабушка, дедушка, дядя" становятся именами собственными. Например, мужские имена – Какажан "папочка", Какагелди "отец пришел", Какабай, Ата "отец по мужской линии", Атажан

"родной, любимый отец", Атамырат "милость отцовская", Баба "дедушка по материнской линии", Бабагулы "раб деда своего", Бабажан "дедушка", Бабаныз.

Женские имена — Эне "бабушка по линии отца", Эжев, Эжеш, Энеш, Энетеч, Энежан, Мама "бабушка по материнской линии", Мамажан, Мамагезел.

Антропони́мы, связанные с историческими событиями
и культурными преобразованиями в стране

В антропонимии, как в зеркале, отражаются различные события в жизни народа, культурные преобразования, происходящие в стране. После победы Великой Октябрьской социалистической революции в стране туркменский народ обрел свободу, вместе с другими народами стал свободным, равноправным. Это находит отражение и в антропонимии, появляются такие имена, как Парахат "мир", Азат "свобода", Азатгул "цветок свободы", Шехрат "слава". Огромная культурная революция также находит отражение в антропонимии. Появляются имена Медениет "культура", Совет, Сайлав "выборы".

Победа советского народа в Великой Отечественной войне отразилась и в именах. Появляются имена Еңиш "победа", Победа.

Сбылась вековая мечта туркменского народа. Через пустыню проложили канал — это величайшее гидротехническое сооружение века. И буквально на глазах появляется имя Каналгелди "канал пришел".

Личные имена могут даваться и в честь великих людей. Это так называемые имена-посвящения. Например: Марлен (Маркс, Ленин), Искандер (Искандер, Александр, в честь полководца Александра Македонского), Магтымгулы (в честь великого поэта Махтумкули).

Р.Р. Рахимов

ДВЕ ЗАМЕТКИ ПО АНТРОПОНИМИИ ЗЕРАВШАНСКОЙ ДОЛИНЫ

I

"Тезка" Аристотеля

Абдулло, Амонулло, Ахмадулло, Саъдулло, Хабибулло и другие подобные им имена характерны для таджиков, в том числе и для таджиков предгорной части долины реки Зеравшан¹. Эти имена пришли сюда вместе с исламом и вытеснили разнообразные и не менее звучные имена, которые народ проносил через века, такие, как Ардашир, Рустам, Бижан, Рухшона, Манижа. Некоторые из этих имен, например Бижан и Манижа, дошли до нас из глубины веков в письменных памятниках старины, а столь поэтичные, как Ардашир, Рустам и Рухшона, живут и сейчас. Но речь не об именах, ставших достоянием истории, а о тех, которые бытуют в народе сегодня. И среди них прежде всего те, которые являются традиционными мусульманскими именами.

Антропонимический материал верхней предгорной части Зеравшанской долины показывает, что приведенные нами в начале статьи имена, которые относятся к разряду традиционно мусульманских, являются наиболее распространенными среди местного населения. Они составляют основной структурный тип наименований. Чтобы понять это, обратимся к анализу этих имен. Возьмем первое в нашем перечне имя Абдулло. Оно состоит из двух компонентов: *Абд* + *Улло*. Слово *абд* в переводе с арабского означает "раб, невольник, слуга", *улло* значит Аллах. Таким образом, имя Абдулло переводится как "раб (или слуга) Аллаха". Так, слово *амон* в наименовании Амонулло имеет значение "покой, мир, безопасность". Взятые вместе это имя озна-

¹ Отдельные сведения в научной литературе, а также специальные работы по таджикской антропонимии см.: 5, 368; 8, 139-142; 9, 127; 1, 83 и сл.; 7, 185; 6, 56; 2; 3; 4.

чает "покой Аллаха" или "Аллахов покой". Обыкновенными словами являются также *ахмад* "восхваляемый", *саид* "счастье" и *хабиб* "любимый", которые вошли соответственно в состав упомянутых имен.

Широкое распространение этих имен свидетельствует о существовавшем до недавнего времени в народе представлении о том, что человек, названный в честь Аллаха, может рассчитывать на его покровительство. Вследствие такого представления именина, в состав которых входит слово "Аллах", получили здесь наибольшее распространение. Этим объясняется и то обстоятельство, что значительную часть местной антропонимии составляют имена, образованные от различных эпитетов Аллаха: *кодир* "могучий", *рахмон* "милостивый", *рахим* "милосердный", *раззок* "приносящий пропитание", *карим* "милостивый", *джаббор* "могущественный", *каххор* "очень сильный", *гаффор* "всепрощающий", *холик* "создатель" и т.п. В этом случае к основе имени прибавляется упомянутое выше слово *абд* "раб, невольник". Вот несколько имен этого структурного типа: Абдукодир², Абдурахмон, Абдурахим, Абдураззок, Абдукарим, Абдуджаббор, Абдукаххор и др.³

О том, что вера таджиков верхней предгорной части долины Зеравшана в покровительство Аллаха уже потеряла свою былую силу, свидетельствует тот факт, что в наши дни эти имена детям не даются. Теперь здесь детей большей частью нарекают такими простыми именами, как Амон, Ахмад, Хабиб, Рахмон, Рахим, Кодир, Раззок, Карим, Джаббор, Гаффор, в составе которых слово *абд* или *-улло* отсутствует.

Но вернемся к именам, одним из компонентов которых является *-улло*. Среди них в Зеравшанской долине мы находим имя Арастулло — такое же, на первый взгляд, обычное, как Абдулло, Амонулло, Хабибулло, Саьдулло и многие другие. Структурный анализ этого антропонима показывает, однако, что первая его часть *Арасту* представляет собой имя собственное, причем немусульманское по своему происхождению. Это обстоятельство обращает на себя внимание. Дело в том, что Арасту это таджикско-персидская форма имени древнегреческого мыслителя Аристотеля. Суммируя, таким образом, обе части таджикского антропонима Арастулло, мы получим: Аристотель Аллаха или Аллахов Аристотель.

² *-у-* между компонентами Абд + кодир представляет собой сокращенную форму арабского определенного артикля *-ул-*.

³ Не менее популярны среди местного населения и имена, представляющие собой сочетание имени пророка Мухаммеда в первой части имени с эпитетами Аллаха — во второй. Таковы Махмадрахим, Махмадкарим, Махмадсодик, Махмадамин, Махмадрозик и ряд других.

Вот какой удивительный путь проделало это имя, пока оно дошло от древней Греции до Туркестанских гор в Средней Азии, превратившись из Аристотеля в угодное Аллаху Арастулло. Хотя если бы знаменитый мудрец древности сегодня встретил своего "тезку", например 40-летнего сельского фельдшера из кишлака Гусар, расположенного на левом берегу Зеравшана, неподалеку от древнего Пенджикента, едва ли он узнал бы в нем себя. Впрочем, немало удивился бы и его ученик легендарный полководец Александр Македонский, имя которого также обрело здесь вторую родину. В верхней предгорной части Зеравшанской долины оно звучит так: Муллоискандар или Искандарбай, т.е. Александр-грамотный или Александр-богатый. Здесь известен и гидроним, производный от имени Александра Македонского: Искандаркул — так называется озеро в верховьях Зеравшана. Название этого озера в переводе на русский язык означает "Озеро Александра" или "Александрово озеро". Легенда рассказывает, что до прихода сюда войск Александра Македонского на месте нынешнего озера находился большой город, жители которого, не желая сдаваться Александру, вели неравную, упорную с ним битву. И когда грекам удалось все-таки взять город, пришедший в страшную ярость Александр велел уничтожить "язычников", а на месте их города соорудить огромное озеро, то, которое и по сей день носит его имя.

Пожалуй, нетрудно понять мотивы, которыми руководствовались, например, родители нашего Арастулло Бойалиева, нарекая своего сына столь звучным именем. Древнегреческий мыслитель, чье имя проникло в Среднюю Азию во времена могущественной греко-бактрийской державы, прочно утвердился в сознании народа как величайший мудрец. Подтверждением этому может служить тот факт, что в классической таджикско-персидской литературе можно найти немало ярких строк, прославляющих его мудрость (*хикмат*), его разум (*хирад*). Коль скоро Аристотель *тахим* "мыслитель, мудрец", то он является таким же "своим", как и Авиценна. Поэтому новорожденному можно давать его имя, чтобы он вырос таким же мудрым, каким был философ древней Греции. Хакимом считает народ и знаменитого Александра Македонского, традиция культивирования имени которого среди таджиков уходит в глубь веков.

II

Термины родства и личные имена

Знакомясь с некоторыми аспектами антропонимии предгорной части Зеравшанской долины, нельзя не заметить одну любопытную ее черту, свойственную и другим районам Таджикистана: в

быту местных жителей личные имена употребляются редко. В семье человека обычно называют словами, которые выражают то или иное родственное отношение. При обращении к матери дети, например, называют ее *оча*, а своих отцов называют *додо*. Так, обращаясь к бабушке, говорят *биби*, а к дедушке — *бобо*. Существуют также соответствующие формы в разговоре между братьями и сестрами. Младшие по возрасту сестры и братья в разговоре со старшей сестрой называют ее *ана*, а старшего брата — *ако*. Согласно существующим традиционным местным обычаям, муж, обращаясь к жене, называет ее по имени старшего в семье ребенка, при посторонних же употребляет формулу *очи башко*, т.е. "мать (всех) детей". В разговоре с мужем или о нем жена также называет его по имени старшего в семье ребенка или отцом этого ребенка.

Как отмечает Н.А.Кисляков, у таджиков, согласно этому обычаю, муж и жена должны были избегать называть друг друга по имени; при обращении одного к другому они говорили: "отец такого-то", "мать такого-то", называя при этом имя своего сына или дочери. Если же у супругов детей не было, то они называли друг друга, например, по имени брата мужа, ставя впереди имени соответствующий родственный термин: "брат такого-то", "невестка такого-то" [6, 56].

Анализ этого явления применительно к верхней предгорной части Зеравшанской долины показывает, что термины родства, которые употребляют люди в повседневной жизни, обращаясь друг к другу, не всегда выражают их истинные кровнородственные связи. Обратимся к примерам.

В Гусаре, кишлаке, расположенном на территории Пенджикентского района, живет женщина по имени Азизмо. Это ее официальное, по документам, имя. В быту она, обращаясь к своей матери, называет ее *оча* "мать", что с точки зрения традиционного местного обычая является логичным. При этом Азизмо употребляет обращение во множественном числе *Шумо* "Вы". Например, *Шумо шинед*, т.е. "Вы садитесь", *Шумо чой хуред* "Вы пейте чай" и т.д. Но любопытно, что и мать называет свою дочь *оча*, хотя у последней, как мы уже видели, есть свое имя. Разница заключается лишь в том, что вскормившая Азизмо мать обращается к ней на "ты". Например, *оча, хавлия руб!* "мать, подмети двор!" или *оча, тезтар биё!* "мать, приходи скорее!"

В семье Бекмурода Каримова из кишлака Панджруд (долина реки Киштут) девочку, настоящее имя которой Рухсат, называют *биби* "бабка", а ее брата Абдукарима *бобо* "дедушка". Жителя кишлака Мазари-Шариф Арбоба Арбобова дома называют именем, основой которого является кровнородственный термин *додо* "отец", хотя по паспорту он Арбоб.

Общей чертой приведенных примеров является то, что все

указанные лица по отношению к говорящему не являются родственниками данной степени, хотя окружающие, обращаясь к ним, их так называют.

Совершенно понятно, что непосвященному человеку это обстоятельство может показаться довольно странным. Но этот обычай с "потаенными именами" имеет свое объяснение. Оказывается, Азизмо, например, свое имя унаследовала от умершей незадолго до ее рождения бабушки по материнской линии, которую звали Азизмо. Так, новорожденная девочка, поскольку она получила имя своей покойной бабушки, которое та, в свою очередь, получила от бабушки по отцовской линии, для вскормившей ее матери стала *оча*. Настоящее имя Азизмо заменилось кровнородственным термином *оча*, который закрепился затем за ней для обозначения ее личного имени, а полученное ею после рождения имя никто не употребляет. Термин родства *оча* в данном случае осмысливается как личное имя человека, заимствовавшего имя предка.

Точно так же названная в честь бабки девочка в семье Бекмурода Каримова (кишлак Панджруд) именуется *биби*, а получивший имя деда ее брат называется *бобо*. К Арбобу Арбобову (кишлак Мазари-Шариф), заимствовавшему, как видно из его фамилии, имя отца, умершего накануне его рождения, обращаются, употребляя термин *додо*.

Имеющийся в нашем распоряжении материал позволяет заключить, что наречение детей именами предков в исследуемом нами районе представляет собой явление весьма распространенное. В семье Бобо Хикматова (кишлак Заврон), например, имя деда (отца матери) носит третий из четырех сыновей — Махмадсодик, а Муллошукур Курбонов (кишлак Мазари-Шариф) назван так в память о деде по материнской линии. В кишлаке Панджруд нами отмечены девять случаев, когда имена умерших перешли к их потомкам; из них семь имен идут по "патрилинейным" дедам, одно по "матрилинейному" деду и одно по "матрилинейной" бабушке.

Существование обычая давать новорожденному имя умершего близкого родственника в Фальгаре и Матче — селениях, расположенных в верхней горной части Зеравшанской долины, отмечено А.Л.Троицкой. По этому поводу она замечает, что в таких случаях мать зовет ребенка по родству *оча* "мать", если имя дано в честь покойной матери, *додо* "отец" и т.д. в зависимости от того, в честь кого назван ребенок [9, 127]. Примерно такие же общие замечания об этом обычае у народов Средней Азии имеются и у других авторов.

Между тем, прослеживая, в связи с наследственными именами, различные формы обращения, бытующие среди местного населения, можно заметить, что обращение по родству к детям, получившим имена своих предков, в одном случае является более

значимым и имеет гораздо более широкое распространение, вследствие чего термины обращения по родству затем становятся личными именами людей, а в другом — оно не только не выходит за пределы семьи, но и внутри нее имеет довольно узкое, дробное употребление, отражая реальное отношение родства этого лица лишь по отношению к говорящему. В этом случае термин родства не становится личным именем.

Указанная выше Азизмо, например, именуется *оча* не только родной матерью, но и всеми остальными родственниками как по материнской линии, так и по отцовской. Ее называл *оча* при жизни и отец. Для окружающего населения она является также *оча* — факт, свидетельствующий о том, что термин *оча* уже стал подлинным именем Азизмо. Так же обстоит дело и с употреблением терминов родства по отношению к Рухсат Бекмуродовой, Арбобу Арбобову и другим, имена которых не произносятся. Так термины родства превратились в собственные имена: Оча, Биби, Додо, Бобо.

Однако упомянутый уже Махмадсодик (кишлак Заврон), заимствовавший имя деда по матери, называется *додо* "отец" лишь матерью. Другие родственники, главным образом по материнской линии, в разговоре с ним или о нем называют его *бобо*. Отец же обращается к нему по имени. Это относится и к Муллошукуру Курбонову, о котором мы упомянули выше. Получивший имя деда по матери Муллошукур для родной матери, естественно, является *додо*, для других братьев и сестер *бобо*. Отец же, при жизни разговаривая с ним или ведя о нем речь, называл его по имени. Такая дробность, или дифференцированность, обращения в семье по родству приводит к тому, что окружающее население называет их именами, которые перешли к ним от предков.

Имеющийся в нашем распоряжении материал не позволяет, однако, ответить на вопрос, почему обращение по родству к детям, которым даны имена умерших родственников, в одном случае имеет широкое употребление, а в другом — нет. Но этот материал со всей очевидностью показывает существование среди местного населения и другого обычая. Потомки, получившие имена умерших дедов и бабушек, называются соответственно *бобо* "дед" или *биби* "бабка" всеми родственниками, но при этом к термину родства, как правило, прибавляется уменьшительный суффикс *-ча*. Например, *бибича* "бабушка", *бобоча* "дедушка". Следует сказать, что уменьшительный суффикс *-ча* прибавляется только к терминам *бобо* и *биби*, а термин *додо* употребляется со словом *мурод* — "желание, пожелание", например, *додомурод*. Слово *мурод* прибавляется и к термину *бобо*: *бобомурод*. Отсюда очень распространенные среди местного населения мужские имена Бобомурод или Додомурод.

К терминам родства прибавляется также ласкательный суф-

фикс — джон "душа, душенька", например, бободжон. Эти термины родства стали личными именами: Бободжон, Бибиджон, Дододжон.

А.Г.Гафуров дает другое объяснение имени Бободжон. В позднем средневековье, отмечает он, в восточных мусульманских странах детей часто называли в честь суфийских духовных старейшин. Глава суфийского ордена носил титул *баба* (тадж. *бо-бо* — Р.Р.) "духовный отец", и в этом случае значение имени Бабаджан (тадж. Бободжон. — Р.Р.) будет "душа святого отца", т.е. "тот, в кого переселился дух святого отца". Ср. имя Бабакул "раб духовного отца" [3, 57; 4, 86].

Можно отметить еще одну характерную черту местной антропонимии. Так, при обращении к ребенку, унаследовавшему имя умершего предка, его называют именем этого предка, добавляя к имени термин родства. В этом случае одна часть имени сочетается с другой с помощью частицы "и", образуя известную в иранских языках изафетную конструкцию связи определения с определяемым. Например, Бобо-и Абдукарим "Дед Абдукарим", Бобо-и Ашур "Дед Ашур" и т.п. Но изафет (частица "и"), вставляемый между определением и определяемым, может отсутствовать (кишлак Мазари-Шариф). Тогда оба компонента имени произносятся слитно. Таковы, например, Бобосодик "Дед Сodik", Бобонур "Дед Нур" и т.д.

Говоря о традиции наследования имен в долине реки Зеравшан, следует заметить, что имена, которые передаются от предков к потомкам, подчас охватывают несколько поколений. Примером этому может служить имя Азизмо, о чем было сказано выше. Упомянутые Бобосодик и Бобонур — родные братья. Имя Бобосодика образовано от имени деда по отцу, которого звали Махмадсодик, а имя Бобонур возникло на основе имени прадеда по отцу — Нурулло, которого отделяет от Бобонура четыре поколения.

Мы уже упоминали Бобо Хикматова (кишлак Заврон) в связи с именем его сына Махмадсодика. Но мы не говорили об имени самого Хикматова — Бобо, которое представляет собой также термин родства. По сообщению информаторов, имя Бобо восходит к имени его прадеда по отцовской линии, которого звали Одинагуджур⁴. Это имя Одинагуджур было дано его пра-

⁴ В паспорте Хикматов именуется Бобо. Информаторы объяснили, что слово *гуджур*, которое составляет вторую часть антропонима Одинагуджур, представляет собой прозвище, полученное прадедом от окружающего населения за его косноязычие (от тадж. *гуджур-гуджур кардан* "говорить неясно, невнятно; бубнить"). Поэтому правнук при получении паспорта "отказался" от имени прадеда. Не меньшую роль сыграло в этом и то обстоятельство, что имя прадеда к этому моменту было уже почти забыто потомками.

внуку по предложению деда Муллосаида, который к моменту рождения ребенка был еще жив.

До сих пор мы говорили о наследственных именах, относящихся к умершим предкам — дедам, прадедам, бабушкам и прабабушкам. Однако нередки случаи, когда детям дают имена их умерших братьев, сестер, дядьев, теток и других родственников.

Младшая сестра той же Азизмо из кишлака Гусар названа Муродой в память об умершей старшей сестре, которая была первым ребенком в семье. Гулмо Кудратова, проживающая в этом же кишлаке, носит имя своей тетки по материнской линии, а Нурулло Бадалов (кишлак Мазари-Шариф) получил имя своего старшего брата — первого в семье ребенка, умершего в младенческом возрасте. Следует, однако, отметить, что в тех случаях, когда дети принимают имена братьев и сестер, дядьев и теток, их имена не заменяются терминами родства.

С зеравшанским обычаем давать новорожденному имя умершего близкого родственника связано и то внимание, некоторое даже почтение, с которым родственники относятся к такому ребенку. Перечисленные нами выше лица благодаря тому, что они заимствовали имена своих предков, окружены в семье всеобщей заботой и вниманием. В отношении Азизмо, например, сказали, что до достижения совершеннолетия она могла подолгу находиться и жить то у одних, то у других родственников по линии матери, получая от них различные подарки в виде нового платья, платка и проч. Таким образом, уважение к своим умершим родителям переносится и на ребенка, в честь которых он назван. Но это, однако, как отмечает М.С.Андреев, не распространяется на другого из супругов, который не считает себя обязанным относиться в силу этого с уважением к своему сыну или дочери [1, 88].

С традицией передачи имени родителей детям связаны у населения Зеравшанской долины, по-видимому, и какие-то определенные представления. Характеризуя этот обычай передачи имен у таджиков Хуфа и верховьев Пянджа, М.С.Андреев отмечает, что здесь имя, данное в честь предка, до наступления совершеннолетия не произносится. Им не только не называют ребенка, но даже его никому не открывают. Считается, что в этого ребенка входит дух его предка. Если предку понравился ребенок, названный его именем, то из такого ребенка вырастет добрый, хороший человек, которому бывает удача ("баракат") во всех его делах. Если же, наоборот, потомок предку не нравится, то он забирает его к себе из этого мира, и носивший имя своего предка в этом случае умирает. Так как заранее невозможно предугадать, как отнесется предок к ребенку, получившему его имя, то считается благоразумным не произносить настоящего имени ребенка, чтобы об этом не узнал

предок и не обиделся. Если же открыть настоящее имя потом, по наступлении совершеннолетия, как это делается обычно, то тогда, даже если предки недовольны, все равно они ничего не могут сделать, опасный возраст уже миновал [1, 83].

Любопытно в этой связи и замечание А.Г.Гафурова. Отмечая, что передача имени родителей детям вызвана представлением о бессмертии души, а не простым почитанием предков, А.Г.Гафуров пишет: "Вера в то, что с именем предка в ребенка как входит его дух, основывается на представлении об имени как о душе человека, которая, раз покинув тело умершего, будет потом вселяться в того или иного потомка через имя. Отсюда и все тревоги о продолжении рода и отношение к бездетности как к самому большому несчастью, ибо тогда некому будет передать имя" [2, 284].

Примеры, характеризующие традицию наследования потомками имен своих умерших предков и других родственников среди местных жителей верхней предгорной части Зеравшанской долины, убеждают нас в том, что явление это имеет здесь большое распространение, а значит и глубокие корни.

Суммируя наши наблюдения, можно сказать, что здесь потомки принимают имена своих умерших близких родственников, что эти имена затем часто заменяются в быту соответствующими терминами родства, которые и закрепляются за ними в качестве лично-собственного имени. Это происходит главным образом потому, что человек, названный в честь покойного деда или бабки, в представлении окружающих родственников олицетворяет того предка, от которого он принял свое имя. Изложенный материал свидетельствует о том, что разработка антропонимии этого района может послужить ценным материалом для этнографии, в частности для установления генеалогического древа.

Литература

1. Андреев М.С. Таджики долины Хуф (верховья Аму-Дарья). — "Труды Института истории, археологии и этнографии АН ТаджССР". Т. 7. Вып. 1. Сталинабад, 1953.
2. Гафуров А.Г. Способы и виды наречения детей у таджиков. — Индийская и иранская филология. М., 1964.
3. Гафуров А.Г. Лев и Кипарис. О восточных именах. М., 1971.
4. Гафуров А.Г. Рассказы об именах. Душ., 1968.
5. Зарубин И.И. Рождение шугнанского ребенка и его первые шаги. — Сб. в честь В.В.Бартольда. Таш., 1927.
6. Кисляков Н.А. Семья и брак у таджиков. — "Труды Ин-та этнографии АН СССР". Новая серия. Т. XLIV. М.—Л., 1959.

7. Пещерева Е.М. Домашняя и семейная жизнь. — Культура и быт таджикского колхозного крестьянства. — "Труды Ин-та этнографии АН СССР". Новая серия. Т. XXIV. М.-Л., 1954.
8. Сухарева О.А. Мать и ребенок у таджиков (обряды и представления, связанные с материнством и младенчеством у таджиков г. Самарканда и кишлаков Кусохо, Канибадама и Шахристана). — Иран. Т. 3. Л., 1929.
9. Троицкая А.Л. Рождение и первые годы жизни ребенка у таджиков долины Зеравшана. — "Советская этнография", 1935, № 6.

Г.И. Кондратенко

ЛИЧНЫЕ ИМЕНА ЦЕЛИННОГО РАЙОНА

Трудно назвать район, заселенный только одной национальностью. Передвижения масс населения и смешанные браки укрепляют межнациональные связи, оказывают взаимное благотворное влияние на культуру народов нашей страны.

Куйбышевский район Кокчетавской области Казахстана образован сравнительно недавно. В 1954 г. в связи с освоением целинных и залежных земель сюда приехали жители из Европейской части СССР (украинцы, белорусы, русские). Во вновь созданные совхозы (Червонный, Ставропольский, Западный и др.) влилось и коренное население — казахи. Создались поселки, в которых живут люди нескольких национальностей, что способствует взаимодействию различных традиций в назывании новорожденных.

Уже через несколько лет можно было наблюдать проникновение русских имен в казахский именник, что особенно характерно для смешанных браков, когда отец — русский (60% всех межнациональных семей).

В чисто казахской семье новорожденным довольно редко (для данного района единичные случаи) дают русские имена. Это наблюдается, как правило, в семьях учителей, работников советских и партийных органов. Надо отметить, что имена, употребляемые в данном случае, характерны и для татар, мордвы, чуваш, проживающих на территории с русским населением (материалы архивов ЗАГС Ульяновской и Пензенской областей). Чаше всего проникают женские имена (Зоя, Римма, Роза, реже Ольга).

Район, о котором идет речь, населен русскими, украинцами, белорусами с близко родственной между ними антропонимической культурой, отличной от казахской. Совместная жизнь на одной территории этих народов, единый трудовой уклад приводят к сближению антропонимических культур. Это проявляется в том, что иногда казахские паспортные имена в бытовом общении получают те способы образования, ту фонетическую переогласовку,

при которых приобретают форму, принятую в русском языке. Подобное явление характерно для территорий, где преобладает русское население (ст. Пески-Целинные Куйбышевского района Кокчетавской области). Особенно часто оно встречается среди школьников, т.е. среди подрастающего поколения. Примером могут служить образования типа:

Болатхан → Боря,

Серинбай → Сережа,

Сания → Соня, иногда реже Саня,

Маиля → Маша и др.

Казахский именник гораздо обильней русского. Так, на 43 ребенка, родившихся в 1956 г. в семьях казахов, приходится 39 имен, т.е. только у четверых имена совпадают (Гульнар, Венера, Бауыржан, Рашит). Для русских семей на территории Казахстана характерно употребление того же круга имен, что и в РСФСР (Брянской, Ульяновской и других областей). Для Куйбышевского района на 540 русских новорожденных приходится 50 имен (21 женское, 29 мужских), т.е. детей с одинаковыми именами меньше, чем в РСФСР. Идет и смешение "модных" имен: здесь на первых местах выступают среди женских — Татьяна, Наталья, Людмила, Галина, Светлана; среди мужских — Владимир, Александр, Сергей, Виктор, Николай. Надо отметить, что имена Людмила, Галина, Виктор, Николай не входят в шестерку наиболее распространенных имен на территории РСФСР.

Именники в районах со смешанным населением своеобразны. Они отражают взаимодействие различных антропонимических традиций.

В.Б. Сузанович

ЛИЧНЫЕ ИМЕНА В НАЦИОНАЛЬНО-СМЕШАННЫХ СЕМЬЯХ

Национально-смешанные семьи — яркое проявление широкого межнационального общения народов нашей страны, характерного для современной эпохи. Поэтому всестороннее изучение национально-смешанных семей в наше время становится особенно актуальным.

Предлагаемая статья ставит своей целью проследить изменение личных имен в семьях, где муж и жена принадлежат к разным национальностям¹. Материалом для наблюдения послужили архивные документы Ангренского городского отдела ЗАГС за 1953 и за 1973 годы. Полностью были выписаны и подсчитаны имена всех новорожденных в национально-смешанных семьях за эти годы.

Наибольший интерес для исследователя представляет выбор имени ребенку в тюрко-европейских семьях, поскольку именники тюркских и европейских народов резко отличаются друг от друга.

К межнациональным тюрко-европейским семьям относим браки между узбеками и русскими, узбеками и украинцами, узбеками и белорусами, узбеками и немцами, татарами и русскими, татарами и украинцами, татарами и немцами, таджиками и русскими², башкирами и русскими, чувашами и русскими и др. По числу новорожденных, зарегистрированных городским отделом ЗАГСа, в 1953 г. в Ангрене таких рождений было 44: в 25 семьях родились мальчики, а в 19 — девочки.

Общий именовослов этой группы межнациональных семей представлен как русскими, так и тюркскими антропонимами³, причем

¹Впервые эту тему затронула Ф.М.Куприянова в докладе на 3-й Поволжской ономастической конференции [1].

²Браки между таджиками и европейцами относим к разряду тюрко-европейских семей на том основании, что у таджиков и узбеков именники идентичны.

³Русскими, тюркскими считаем личные имена, привычные для русского или тюркского населения без учета этимологии.

как у мальчиков, так и у девочек преобладают русские имена: у мальчиков они составляют 76%, а у девочек — 68%. Более или менее частотны русские имена у мальчиков — Сергей (4), Валерий (3), Александр (2) и др., у девочек — Любовь (2), Надежда (2), Наталья (2), Нина (2), Тамара (2).

Доля тюркских имен в общем именослове тюрко-европейских семей 1953 г. сравнительно невысока: у мальчиков она составляет 24%, у девочек — около 16%. Обычно тюркскими именами называют детей в том случае, когда в семье отец тюркоязычен. Так, в разных семьях отца узбека и матери русской мальчику дали имя Руслан, девочкам Зухра, Гульсара, Машруба; в семьях татарина и русской сыновей называли Хамза, Актам; в семье татарина и украинки сын получил имя Энвер; в семье татарина и немки — Абдулла.

В женском именослове, кроме русских и тюркских имен, зафиксированы также европейские и интернациональные имена Сусана, Эльмира, Лилия. Примечательно, что все три имени отмечены в русско-татарских семьях. (Результаты анализа имен в тюрко-европейских семьях г. Ангрена за 1953 г. приводятся в таблице № 1.)

В 1973 г. общее число новорожденных в тюрко-европейских семьях г. Ангрена составило 144, из них 82 мальчика и 62 девочки. Общий именослов представлен русскими, тюркскими, а также европейскими и интернациональными именами. Сопоставляя именослов мужских личных имен 1973 года с именословом 1953 г., можно обнаружить, что соотношение между русскими и тюркскими антропонимами изменилось в пользу тюркских имен: в 1973 г. они составляли 44%, в то время как вес русских мужских имен сократился до 52%. Из русских мужских имен наиболее частотными в 1973 г. оказались Александр (7), Андрей (5), Сергей (4), Алексей (3), Вячеслав (3), Анатолий (2), Валерий (2) и др. И некоторые тюркские имена повторяются, хотя не так часто, как русские. Например, в 1973 г. трижды зафиксированы имена Тахир и Руслан, дважды — Тимур, Рустам, Алишер. Как и в 1953 г., тюркские имена обычны в семьях, где отцы, а не матери относятся к восточным народам. Так, в семьях отца узбека и матери русской мальчиков называли Акрамжон, Садык, Азимжан, Кахрамон, в семьях узбека и украинки мальчики получили имена Алишер, Тахир, Равшан, в семьях татарина и русской — Дамир, Эдем, Равиль, в семьях таджика и русской — Хасан, Азиз, Шариф. В именослов мальчиков 1973 г. попали также некоторые европейские и интернациональные антропонимы: Эдуард (отец татарин — мать русская), Артур (отец немец — мать татарка).

В именослове женских имен 1973 г. также наблюдается уменьшение удельного веса русских имен по сравнению с именословом 1953 г. Теперь на долю русских имен приходится 56%.

Наиболее частыми русскими именами у девочек, рожденных в 1973 г. в тюрко-европейских семьях г. Ангрена, оказались Елена (7), Ирина (4), Наталья (3), Оксана (3), Светлана (3), Людмила (3). Примечательно, что в список женских личных имен этого времени попали некоторые почти не встречающиеся в русских семьях имена. Так, в семьях русского и татарки двум девочкам дали имя Анастасия, в семье татарина и русской девочку назвали Олеся. Однако в именослове девочек за счет сокращения русских имен увеличивается число интернациональных и европейских имен, которые в 1973 г. составляют 30%. Характерно, что некоторые из этих антропонимов в настоящее время довольно частотны в тюрко-европейских семьях. Так, в 1973 г. имя Лилия зафиксировано 5 раз, Анжела – 4 раза, Лола – 2 раза. Из других интернациональных женских имен в изучаемых семьях отмечены Вероника, Диана, Эльмира, Эльвира, Роза, Алла, Элеонора. По мнению В.А.Никонова, основная причина выбора ребенку интернационального имени состоит в том, что выбирающие непривычное имя идеологически противопоставляют себя тому прошлому, с которым в сознании людей были связаны старые имена [2, 158]. Однако с подобными утверждениями вряд ли можно согласиться, по крайней мере по отношению к городскому населению. Нынешние молодые матери и отцы, живущие в городах, не помнят старых времен и знают о них понаслышке. Нам представляется, причины кроются в другом. Во-первых, сам ребенок от национально-смешанного брака – явление интернациональное, поэтому интернациональное имя в наибольшей степени ему соответствует. Во-вторых, многих современных молодых родителей, живущих в городах, привлекают экзотичность, благозвучность, новизна европейских имен (ср. Анжела, Альбина, Марианна, Эльвира, Альберт, Эдуард и др.) по сравнению с привычными русскими именами. По-видимому, имеются и причины фонетического характера, на которые указал В.А.Никонов [2].

Вес тюркских имен у девочек в тюрко-европейских семьях по-прежнему невелик и в 1973 г. составил 13%. Как и раньше, эти имена преобладают в семьях, где представителями восточных народов являются отцы, а не матери. Так, в семьях отца узбека и матери русской отмечены имена Гульчехра, Сахобат, Умида, в семье татарина и русской – Танзиля, в семье татарина и немки – Рамзия. (Результаты анализа имен в тюрко-европейских семьях г. Ангрена за 1973 г. приводятся в таблице № 2.)

Таким образом, именослов в тюрко-европейских семьях г. Ангрена включает и русские, и тюркские, и интернациональные имена. Выбор имени ребенку в большой степени зависит от

национальной принадлежности отца⁴. Частотность того или иного русского имени, бытующего в тюрко-европейских семьях, вероятно, подчинена тем же законам, что и частотность имен в чисто русских семьях. Наши данные полностью совпадают с подсчетами частотности имен среди русского населения г. Ангрена, сделанными М.Н.Рамазановой [3]: в тюрко-европейских семьях наиболее частыми оказываются те имена, которые « модны » в эти же годы в русских семьях.

Как показывают наблюдения, тюркские имена мальчикам выбираются чаще, чем девочкам. Это, на наш взгляд, связано с многовековой традицией тюркских народов видеть в мальчике будущего хозяина и продолжателя рода. Поэтому для отца узбека или отца татарина вовсе не безразлично, как назвать сына; имя же дочери чаще выбирает мать. Имеются и другие причины частного характера. Например, выбор имени ребенку может зависеть от того, живут или не живут молодые супруги с родителями мужа: в первом случае имя может выбирать дед. Иногда немаловажную роль в выборе имени сыну играет возраст матери: подмечено, что обычно жены до 20 лет менее самостоятельны в выборе имени ребенку, чем жены старшего возраста, поэтому в семьях « юных мам » детей называют чаще тюркскими, чем русскими именами. Эти и другие причины следует учитывать при изучении антропонимии в тюрко-европейских семьях.

Таблица 1

Имена в тюрко-европейских семьях г. Ангрена
(1953 г. рождения)

Национальность		Имена мальчиков	Имена девочек
отец	мать		
1	2	3	4
узбек	русск.	Руслан, Владимир, Сергей	Зухра, Зинаида, Надежда, Тамара, Гульсара, Любовь, Машруба
узбек татар.	украин. русск.	Юрий, Александр Хамза, Валерий (2), Владимир, Юрий, Вячеслав, Сергей (2), Актем	Роза, Наталья (2) Надежда, Эльмира, Нина, Лилия

⁴ Эту особенность впервые подметил В.А.Никонов [2, 156]; см. также: Ф.М.Куприянова [1, 72].

1	2	3	4
русск.	татар.	Александр	Сусана
чуваш	украин.	Абдулла	
татар.	немка	Энвер	Тамара, Любовь
казах	украин.	Бигали	
тадж.	русск.	Вячеслав	
уйгур	русск.		Светлана
белор.	татар.	Сергей	
башк.	украин.	Анатолий	
башк.	русск.	Алексей	
немец	башк.	Виталий	
русск.	чуваш.	Валерий, Анатолий	Нина

Таблица 2

Имена в тюрко-европейских семьях г. Ангрена
(1973 г. рождения)

Национальность		Имена мальчиков	Имена девочек
отец	мать		
1	2	3	4
узбек	русск.	Акрамжон, Тахир (2), Садък, Вячеслав, Валерий, Максим, Анвар, Азимжан, Жасурхон, Алишер, Кахрамон	Лола, Гульчехра, Сахобат, Анжела, Елена, Умида
русск.	узбечка	Андрей, Александр	Вероника
русск.	татар.	Андрей (3), Александр (3), Алексей (2), Иван (2), Игорь (2), Дмитрий (2), Сергей, Валерий, Руслан, Таир, Виктор	Оксана (2), Анастасия (2), Елена (3), Ирина (2), Наталья (2), Лилия (2), Людмила, Лариса, Надежда, Светлана, Нина, Гулназ, Лейле, Анжела
татар.	русск.	Сервер (2), Тимур (2), Энвер (2), Сергей (2), Вячеслав (2), Руслан (2), Леннар, Виталий,	Елена (2), Людмила (2), Ольга (2), Лилия (2), Анжела (2), Олеся, Ирина,

1	2	3	4
		Андрей, Виктор, Александр, Дамир, Эдуард, Эдем, Равиль, Игорь, Рустам, Алим, Олег, Рустем, Наримон, Рашид, Алексей, Сейран	Юлия, Элеонора, Диана, Роза, Танзиля, Алла, Эльмира
тадж.	русск.	Хасан, Сергей, Азиз, Рустам, Шариф	Зухра, Лола, Татьяна
русск.	тадж.	Алексей	
татар.	немка		Ирина, Рамзия
немец	татар.	Артур	Лариса
татар.	украин.	Владимир, Усман	Светлана, Наталья
русск.	чуваш.	Александр (2), Анатолий (2)	Елена
украин.	чуваш.	Дмитрий	
башк.	русск.		Марина
узбек	украин.	Алишер, Тахир, Равшан	
украин.	узбечка		Светлана
узбек	белор.		Лиля
белор.	татар.	Андрей	
казах	русск.	Олег	

Литература

1. Куприянова Ф.М. Выбор имен в национально-смешанных семьях. — Ономастика Поволжья. Уфа, 1973.
2. Никонов В.А. Имя и общество. М., 1974.
3. Рамазанова М.Н. Динамика русских имен г. Ангрена (в рукописи).

Т.С. Ерохина, М.Н. Рамазанова

ИМЕНА УЗБЕКОВ г. АНГРЕНА (1945-1947 И 1972 гг.)

В последние годы в антропонимике возрос интерес к динамике личных имен областей, районов и городов.

В предлагаемой статье проводится сравнительный анализ узбекских мужских и женских имен города Ангрена Ташкентской области 1945-1947 и 1972 гг.

Использованы материалы ЗАГСа города Ангрена об именах 3800 человек: в 1945-1947 гг. - 1400 человек, в 1972г.- 2400 человек.

Ниже приведены данные частотности мужских и женских имен за эти годы.

Имена	1945-1947 гг.	Имена	1972 г.
мужские			
1. Абдулла	7	Бахтиёр	22
2. Юлдаш	7	Баходир	18
3. Иргашбой	6	Алишер	15
4. Абдумалик	5	Бахром	15
5. Турсун	5	Фархад	13
6. Раимджан	3	Икрамджан	10
7. Сатиболди	3	Илхамджан	8
8. Тахир	3	Фахритдин	8
женские			
1. Дилбар	6	Гулчехра	18
2. Риски	6	Феруза	14
3. Кызылгуль	4	Дильфуза	11
4. Рысгуль	4	Рано	11
5. Буниса	3	Мухайё	10
6. Карима	3	Гулбахор	10
7. Майрам	3	Дилорам	9
8. Мамлакат	3	Мавжуда	9

Сравнительный анализ мужского именослова 1945–1947 и 1972 гг. показывает:

1. Из 162 мужских имен 1945–1947 гг. в 1972 г. использовано без изменений 39 имен, т.е. четвертая часть (Абдусаттар, Алимджан, Абдумумин, Гафурджан, Курбан, Гафур и др.), 75 имен не повторяются в именнике 1972 г., зато 150 имен 1972 г. отсутствовали в именнике 1945–1947 гг.

2. Уменьшилась доля религиозных имен. Так в 1945–1947 гг. на 75 имен их было 21 (Абдусамад “раб вечного”, т.е. Аллаха, Мумин “верующий”, Эгамберди “дар господина” и др.), а в 1972 г. на 150 имен – 28 (Абдуазим “раб великого”, т.е. Аллаха, Бахрутдин “море веры” и др.).

3. Уменьшилась доля имен, отражающих время рождения, обстоятельства, сопровождающие появление ребенка на свет. В именнике 1945–1947 гг. – 2 имени (Сафарбай – родившийся в месяц Сафар (мусульманский лунный год), Урушбай – Уруш “война”; отразилась Великая Отечественная война). В 1972 г. – тоже 2 имени, но на 150 имен (Жумахон – Жума “пятница”, Баратали – Барат “новолуние”).

4. Сократились искажения имен с 10 в 1945–1947 гг. до 2 в 1972 г. (Ишмат вместо Исмат – “чистота”, Уришбай вместо Урушбай–Уруш “война”).

5. Появились имена, которые или редко встречались, или совсем не встречались в 1945–1947 гг. Например: Учкун “искра”, Илхамджан (Илхам – “вдохновение”), Гайрат “энергия”, Фаррух “счастливый”.

Сравнительный анализ женского именослова 1945–1947 гг. (84 имени) и 1972 г. (109 имен) показывает:

1. Из 174 женских имен 1945–1947 гг. без изменения в 1972 г. было использовано 32 имени (Арзыгкуль, Замира, Карима, Матлюба, Рахима, Саодат, Турсуной и др.). 84 имени 1945–1947 гг. не повторяются в именнике 1972 г., зато 110 имен 1972 г. не встретились в именнике 1945–1947 гг.

2. Женские имена 1972 г. по сравнению с 1945–1947 гг. стали более лиричными, романтическими, красивыми, нежными (например, Гузал “прекрасная”, Гульзада – “рожденный цветком”, Зульфизар – “златокудрая”, Нафиса – “изящная” и др.).

3. Увеличилось количество имен, взятых из именника других народов. Так, если в 1945–1947 гг. было 3 имени, то в 1972 г. их уже 16.

Р.Ш. Джарылгасинова

К ХАРАКТЕРИСТИКЕ СОВРЕМЕННОЙ АНТРОПОНИМИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ КОРЕЙЦЕВ, ПРОЖИВАЮЩИХ В СЕЛЬСКИХ РАЙОНАХ УЗБЕКСКОЙ ССР

Изучение антропонимии корейцев Средней Азии и Казахстана все больше привлекает внимание исследователей. К ее изучению обращаются и лингвисты и этнографы (О.М.Ким, М.А.Хегай, Р.Ш.Джарылгасинова). Интересные работы проводятся и студентами. Так, на Ономастической конференции в Бухаре (1974) "Актуальные проблемы среднеазиатской ономастики" с докладом "Корейские личные имена" выступила студентка Чимкентского Пединститута Л.Дигаи. В ее сообщении был приведен большой фактический материал, собранный у корейцев, проживающих в г. Чимкенте и Чимкентской области. Однако несмотря на возрастающий интерес к антропонимии корейцев Средней Азии и Казахстана, в исследовании этой важной темы сделаны только первые шаги.

В данной работе мы хотим обратить внимание на некоторые тенденции развития антропонимии корейцев Средней Азии и Казахстана, в которых нашли свое отражение современные этнические процессы.

В основу работы положены данные Самаркандского Обл. архива ЗАГСа ("Записи актов о рождении за 1946 г." по Паст-Даргомскому району); посемейных книг совхоза "Раушан" Каракалпакской АССР (1959 г.); похозяйственных книг Чархинского сельского совета Паст-Даргомского района (1961 г.); данные "Записей актов о браке за 1967 г." и "Записей актов о рождении за 1967 г." Барданкульского сельского совета Верхне-Чирчикского района Ташкентской области Узбекской ССР.

Сопоставление данных по антропонимии корейского населения за двадцатилетний период позволяет проследить характер происходивших в ней изменений. Так, "Записи актов о рождении за 1946 г." (по Паст-Даргомскому району) дают нам двучленную антропонимическую модель: фамилия + имя. У новорожденных: корейская фамилия + русское календарное или интернациональное имя. Например: Пак Дмитрий, Огай Тамара, Ким Леонид, Хван Алла. Антропонимическая модель родителей также

состоит из двух компонентов: фамилия + имя, но во многих случаях не только фамилия, но имя традиционны по форме. Например: отец — Хе Хан-нок; мать — Кым Гым-еи; отец — Тен Ги-сон; мать — Хван Бун-ок; отец — Чагай Гымчер. Во многих семьях один из родителей имеет корейское имя, а другой — русское. Отчества отсутствуют и у родителей, и у детей.

К 1967 г., как об этом свидетельствуют данные "Записей актов о рождении" (по Барданкульскому сельскому совету), у корейцев, проживающих в сельской местности, антропонимическая модель состояла из фамилии, имени и отчества. Например: Ким Александр Геннадиевич; Хегай Марина Юрьевна; Югай Константин Афанасьевич; Хван Светлана Ивановна. Хочется отметить, что эта антропонимическая модель была господствующей при записи новорожденных в 1967 г., т.е. за год до опубликования "Основ законодательства СССР о браке и семье", которые закрепили общегосударственную обязательность трехчленного наименования для всего населения нашей страны.

Наиболее стойким компонентом корейской антропонимической модели является фамилия. В просмотренных документах нами отмечены следующие фамилии: Ан, Дё, Ем, Кан, Квон, Ким, Кир, Лем, Ли, Лим, Лян, Мун, Нам, Ни, Ним, Нон, Пак, Пан, Пен, Пяк, Рем, Сей, Сим, Сон, Тен, Тхя, Тэн, Тю, Тян, Фвон, Хак, Хан, Хен, Хон, Хван, Хвон, Цой, Цхан, Чжэн, Шек, Шим, Шин, Эм, Юн. Исследователи (О.М.Ким) уже обращали внимание на увеличение фамильного фонда корейцев Советского Союза. Частично это происходило и происходит за счет различных (а порою неправильных) форм транскрипций одной и той же корейской фамилии. Например, среди перечисленных фамилий — две фамилии *Лем* и *Рем* представляют собой две транскрипции одного звука (л ≈ р) и восходят к одному фамильному знаку.

Некоторые фамилии, по форме очень близкие к исконно корейским, между тем не находят себе аналогий среди традиционных фамильных знаков (например, Дё, Фвон, Сей, Чжэн, Цхан). Их происхождение пока не очень ясно.

В русском окружении у корейцев возникли новые формы фамилий; они создались путем прибавления к фамильному знаку суффикса *гай*: Хе + гай (Хэгай). Нами зафиксированы следующие фамилии данного типа: Агай, Егай, Дигай, Дягай, Когай, Лагай, Магай, Мигай, Нагай, Ногай, Огай, Пегай, Тюгай, Тягай, Хегай, Хэгай, Чагай, Шагай, Шегай, Шигай, Югай.

Ознакомление с "Записями актов о браке 1967 г." (Барданкульский сельский совет) выявило совершенно новую тенденцию: женщины, вступая в брак, меняют свою фамилию на фамилию мужа. В 1967 г. на 23 молодые пары было отмечено пять случаев.

Как мы отмечали, к 60-м годам именник советских корейцев состоял из русских календарных и интернациональных имен.

Имена, как правило, стали записываться в своей полной правильной форме. Отчества записаны и мальчикам, и девочкам.

Большинство отчеств имеют в своей основе также русские календарные или интернациональные имена: Владимир *Петрович*, Эдуард *Анатольевич*, Анжелика *Робертовна*, Ирина *Михайловна*, Светлана *Анатольевна*, Григорий *Михайлович*.

Это свидетельствует о преобладании русского именинника и у поколения родителей. Однако нами отмечены случаи, когда отчество детей восходит к корейскому имени отца. Например: Жанна *Досоновна* (имя отца: *Досон*); Александр *Дясуневич* (имя отца: *Дясун*); Виссарион *Бенокович* (имя отца: *Бенок*); Наталья *Мунсек* (имя отца: *Мунсек*); Светлана *Юнмановна* (имя отца: *Юнман*).

Еще более интересные данные о процессе взаимодействия традиционной корейской и русской антропонимии дают материалы бытового употребления имен. Так, иногда корейское имя отца становится прозвищем сына и прибавляется к его русскому имени: *Мёнчжу Коля*. Среди бытовых прозвищ мы встречаем и корейские, и русские слова. Они сочетаются как с русскими именами, так и с корейскими именами и фамилиями. Вот некоторые наиболее интересные: *Аппетит Саша*; *Хорошо Вася*; *Шофер Коля*; *Потхори* ("Бобыль") *Толл*; *Шигай Янбан* ("Дворянин")¹.

Все это свидетельствует о том, что изучение антропонимии корейцев Средней Азии дает важный и ценный материал для изучения этнических процессов на современном этапе.

¹ Записано от Цой Ёнсу (Софья) р. 1922 г. Чархин, Паст-Даргомский р-н Самаркандской области, 1969 г., январь.

Н.А. Баскаков

КЛИЧКИ СОБАК У КАРАКАЛПАКОВ

Серия исследований по тюркской кионимии была открыта Н.К.Дмитриевым, опубликовавшим в 1928 г. свою небольшую статью "Соба́чи клички у башкир" [2, 328-330]. Положенное им начало этих исследований нашло отклики у диалектологов, которые, наряду с диалектологическими материалами и сведениями по различным разделам ономастики, стали собирать также и сведения по зоонимии и, в частности, кионимии. Настоящая статья посвящена обзору собачьих кличек у каракалпаков, собранных автором за время его диалектологических поездок по различным районам Каракалпакии.

Как и в башкирском, так и в каракалпакском языке клички собак представлены весьма ограниченным количеством имен, в некоторой части совпадающими в том и другом языке, а в некоторой части различающимися.

По своему значению каракалпакские клички собак можно распределить на шесть основных групп:

I. Клички по названию породы собак; II. По названию зверей; III. По названию птиц; IV. По признакам, характеризующим внешний вид; V. По внутренним свойствам; VI. Прочие случайные клички.

I. Часто вместо клички используется нарицательное название породы или вида собаки, например:

1) Кõрек — общее название "собака". Кроме того, Кõрек — название породы крупных собак, встречается также в качестве клички Кõпек. Название Кõрек "собака" у тюрков и монголов (похај) выступает и как антропоним, ср., например, Кобяк — имя половецкого хана [1, 44].

2) Вагақ "собака с мохнатой шерстью; род пуделя" (Л.Будагов 1, 221) — кличка Барак; выступает также как антропоним, ср. имя половецкого князя Барак [1, 44].

3) Тазу (персидск. تازی "араб") "арабская быстрая лошадь, гончая собака" (Л.Будагов 1, 332) у каракалпаков — "борзая особой арабской породы", встречается также как кличка Тазы.

4) Tobet (< *tob ijt* букв. "собака-овчарка"; дворяжка) – кличка Тобет.

II. По названиям животных и зверей широко распространена кличка

1) Džolbarys "тигр" – кличка Жолбарс (< *džol bars* букв. "дорожный барс").

III. По названиям птиц:

1) Tujuγ "белый сокол" – кличка Туйгын.

2) Qarsaya "ястреб" (< монг. *харсага*) – кличка Каршыга.

IV. Наиболее крупной группой, составляющей клички собак, является группа названий по внешнему признаку.

1) Mojnaq (< *mojny aq* букв. "ее шея белая") – Белошейка. Данная кличка широко известна и у других тюркоязычных народов. Встречается она и у башкир в форме Mujnaq (< *mujny aq*) "белошей" [2, 329]. Эта кличка является общей и для топонима Mojnaq – остров на Аральском море – Муйнак. Встречается это слово и в значении антропонима. Возможно, что имя половецкого князя Боняк восходит к той же основе – *bojny aq* "белошей" [1, 44].

2) Bajqasqa (< *baj qasqa* "с большой отметиной, с лысиной, меченый, лысый, плешивый; лошадь с пятном на лбу") – кличка собаки Байкаска "с отметиной на лбу"; ср. башкирск. *qašqar* (sic!) "с отметиной, с лысиной, меченый"; "по-видимому, контаминация из *qasy qara* и *qasqa* со значением, типичным для второго компонента" [2, 329–330].

3) Aqtaban (< *aq* "белый", *taban* "подошва, ступня") "с белой ступней, с белой подошвой" – кличка Актабан.

4) Aq tös (< *aq* "белый", *tös* "грудь") "белогрудка, бело-грудый, с белой грудью" – кличка Актёс; ср. башкирск. *aq töš* "белогрудый, с белой грудью" [2, 330].

5) Qajyγ qaptal (< *qajyγ* "береза", *qaptal* "бок") "с березовым бочком, с пестрым черно-белым боком" – кличка Кайың-каптал.

6) Qara awyz (< *qara* "черный", *awyz* "рот, пасть") "черноротый, с черной пастью" – кличка Каравуз; ср. башкирск. *qara qulaq* (< *qara* "черный", *qulaq* "ухо") "черноухий, с черными ушами" – кличка Каракулак [2, 330].

7) Aq bilek (< *aq* "белый", *bilek* "лапа") "белолапый, с белыми лапами" – кличка Акбилек; ср. башкирск. *aq tyrnaq* "белокотный, с белыми когтями"; сочетания этого типа представляют собой старотурецкие прилагательные вроде османского *qara göz* قارا گوز "черноглазый"; *qara baş* قارا باش "черно-головый" [2, 329–330] или башкирск. *již tyrnaq* "меднокотный, с медными когтями" [2, 329].

8) Tört köz (< *tört* "четыре", *köz* "глаз") "четыреглазый, с четырьмя глазами" – эпитет необычайной зоркости – кличка

Тёрткёз; ср. башкирск. *dürt küz* "четвероглазый" (т.е. необычайно зоркий) [2, 329-330].

V. Реже встречаются клички, характеризующие внутренние свойства по тому или иному действию. Как правило, эти клички структурно состоят из простого или сложного аналитического причастия или какой-либо иной формы глагола.

1) *Böri basar* (<*böri* "волк", *bas-* "давить" + *ar* - аффикс причастия будущего времени) букв. "давящий волка, волкодав" - кличка Бёрибасар; ср. башкирск. *qutqarmas* (<*qutqar-* "избавлять" + *mas* - аффикс причастия будущего времени отрицательной формы), "не избавляющий" (т.е. такой, который не отстанет, если вцепится в жертву, и не освободит ее) [2, 330].

2) *Uşar* (<*uş-* "лететь" + *ar* - аффикс причастия будущего времени) "летающий, летящий" - эпитет "быстро бегающей" - кличка Ушар.

3) *Alyp soq* (<*al-* "брать, взять" + *ur* - аффикс деепричастия + *soq* - повелительная форма II лица от глагола *soq* - "бить, резать") букв. "схватив бей" - кличка Альпсок.

VI. Последнюю группу составляют клички собак, данные по различным случайным причинам.

1) *Qut džol* (<*qut* "счастье", *džol* "путь") букв. "счастливый путь" - кличка Кутджол.

2) *Qutpan* (<*qut* "счастье", *pan* "я") букв. "я - счастье" - кличка Кутпань.

3) *Almawut* (<*almawut* "дворянин, помещик") - эпитет ленивой собаки - кличка Алмавут; ср. башкирск. *ala baj* "пестрый бай, пестрый богач"; *qara baj* "черный бай, черный богач" - клички Алабай, Карабай [2, 329-330], общие с соответствующими антропонимами, носят либо шуточный характер, либо также указывают на лень собаки, ее бездеятельность.

4) *Qytmyr* (<арабск. *qyt mir* название коранического пса из предания о семи спящих отроках); ср. башкирск. *qytmyr* - кличка Кытмыр. Традиционная кличка собак, встречавшаяся ранее главным образом в клерикальных кругах, а также среди грамотных представителей старого общества, ныне встречается реже; ср. башкирск. *qytmyr* Кытмыр [2, 329-330].

Выше даны старые традиционные каракалпакские клички собак, встречающиеся на всей территории Каракалпакии. В настоящее время наряду с ними, чаще в городах, встречаются также и русские традиционные клички как славянского типа Шарик, Жучка, Мальчик и т.п., так и иностранного происхождения типа Джальма, Дэзи, Эльма [3, 237-239] и проч., которые также ждут своего подробного описания и анализа.

Литература

1. Баскаков Н.А. К этимологии половецких собственных имен в "Слове о полку Игореве" (Шарокань, Кончак, Гзак, Кобяк, Овлур). — Проблемы истории и диалектологии славянских языков. М., 1970.
2. Дмитриев Н.К. Собачьи клички у башкир. — "Доклады Академии наук СССР". Серия В. № 15. Л., 1928.
3. Фельде Г.Ф. Зоонимы Тюлькубасского района Чимкентской области. — Этнография имен. М., 1971.

С.К.Караев

ТОПОНИМЫ, АНТРОПОНИМЫ И ЭТНОНИМЫ КИШЛАКА ТАМТУМ

Кишлак Тамтум (по-киргизски Тамтым) расположен на северном склоне Малгузарского хребта — северного отрога Туркестанского хребта и в административном отношении относится к Зааминскому району Сырдарьинской области Узбекской ССР.

Ономастика этого кишлака представляет определенный интерес, так как он находится в районе контактов узбекского, киргизского и таджикского населения. Разнообразие природных условий — низкогорье с его пересеченным рельефом и бытовавшее долгое время мелкоземелье, — а также разноязычность местного населения способствовали возникновению богатой топонимии. Местные жители — киргизы и узбеки — до сих пор помнят свои родо-племенные названия.

Ниже остановимся на каждом из отделов ономастики кишлака Тамтум.

Топонимы

В 1966 г. по кишлаку Тамтум нами было собрано более 300 топонимов и микротопонимов. Это в основном названия полей, оврагов, холмов, дорог, скал, ущелий, садов и т.д.

В раннем средневековье здесь жили ираноязычные народы, район Джизака и Заamina входил в состав исторической области Усрушаны (Истравшан). По всей вероятности, зааминские киргизы пришли в этот район лет 250–300 тому назад, когда были вытеснены со своей родины калмыками. Кроме кишлака Тамтум, в Зааминском районе более 10 кишлаков по северному склону Малгузарского хребта населены киргизами, которые до сих пор не забыли свой язык, фольклор, обычаи и т.д.

Подавляющее большинство топонимов здесь тюркского происхождения, но имеются и иранские — Бараз "высокое плато",

Газа "горная вершина", Чем "преграда, крепость", арабские - Авга - Акба "перевал", "подъем на гору", Супа "плато", монгольские - Даван "перевал", Шибер "болотистый луг" и т.д.

Топонимы кишлака Тамтум делятся на 2 большие группы:

а) названия полей и других земельных угодий, ранее принадлежавших частным лицам;

б) названия естественных объектов.

Такое деление условно, однако каждая из этих групп по своей информации и морфологическим признакам отличается от другой.

Названия земельных угодий

Топонимы кишлака Тамтум носят следы дореволюционного мелкоземелья, чересполосицы. Размеры земельных участков различны - от несколько десятков сотых до нескольких десятков гектаров.

Названия земельных угодий связаны с именами землевладельцев. Границами земельных наделов (участков) служили преграды как естественного происхождения (овраг, гребень возвышенности, лощина), так и искусственного (антропогенного) происхождения - уват "межа, дорога", моло "тур из камней".

Большинство искусственных рубежей ликвидировано в годы коллективизации и социалистического хозяйствования в процессе обобществления и укрупнения земельных угодий. Но названия полей как ориентиры сохранены до сих пор.

Названия полей кишлака Тамтум в основном представлены в форме изафета:

1) Изафет с нулевыми морфологическими показателями, или безаффиксальный изафет, т.е. изафет, в котором первый компонент не имеет генитивного аффикса (окончания родительного падежа) и второй - без релятивного аффикса (притяжательного аффикса третьего лица -и, -си): Кенджебайкашка (Кенджебай - имя, кашка "выделяющийся холм", "пригорок с дорогой"), Кашайд-жол (Кашай - прозвище, джол "дорога"), Сарыкулсай (Сарыкул - название колена, этноним, сай "ложбина"), Топчубайбараз (Топчубай - имя, бараз "высокое плато") и др. Большинство топонимов Узбекистана построено именно по такой конструкции.

2) Изафет с двумя морфологическими признаками, или двааффиксный изафет, т.е. изафет, в котором первый компонент оформлен генитивным аффиксом, а второй релятивным. Иначе говоря, первый компонент имеет полное окончание родительного падежа -нин (дин), а второй - притяжательный аффикс третье-

го лица *-и, -си*. Этот изафет является характерным признаком микротопонимов Узбекистана.

Первыми компонентами в названиях полей обычно выступают имена землевладельцев, а вторыми компонентами являются нарицательные, обозначающие тип объекта:

а) *джер* ("земельный надел", "участок", букв. "земля"): Баймырзанын джери (Баймырза — имя землевладельца, *нын* — окончание родительного падежа, *джер* "земельный надел", *и* — притяжательный аффикс третьего лица), Джайнактын джери (*тын* — окончание родительного падежа), Джаркулдун джери (*дун* — окончание родительного падежа), Гайназдын джери (*дын* — окончание родительного падежа), Коджомкулдун джери, Козубайдын джери, Маматтин джери (*тин* — окончание родительного падежа), Молло Каранын джери (*молло* — прозвище "мулла", Кара — имя, букв. "черный"), Нарбайдын джери, Ороздун джери, Тиллянин джери (*нин* — окончание родительного падежа);

б) географические термины, указывающие на формы рельефа: Джолбектин джоносу (*джоно* — географический термин со значением "удлиненный холм", Ысанын камы (*кам* "выемка, низкое место на возвышенностях"), Зармастин камари (*камар* "низкое место, лошина в адырах"), Кайымдын сайы (*сай* "ложбина, низина") и др.;

в) географические термины, указывающие на вид угодий: *чарбак* — Абдинин чарбагы ("чарбак Абди"), Бегматтын чарбагы ("чарбак Бегмата"), Чымполоттун чарбагы ("чарбак Чымполота") и т.д. (таджикское слово *чарбак*, собственно *чарбаг*, "четыре сада" в разных местах Узбекистана имеет разные значения; в нашем районе под этим словом подразумевается "огороженный со всех сторон стенами сад"); *кыштов* — Сарыбайдын кыштову ("кыштов Сарыбая"), Молло Ахматтын кыштову ("кыштов Мулла Ахмата") и пр.; *кыштов*, *кыштоо* "зимовка", "место зимовки"; вплоть до 30-х годов зажиточные люди со своими стадами и юртами на лето перекочевывали на *джайлоо* "пастбище", букв. "летовка" (отсюда пословица — *калта джип джетпейт байлоого, камбал чыкпайт джайлоого* "короткая веревка не может служить привязью, бедный не идет на джайлоо"); там проводили лето и осень и к зиме возвращались на свои кыштов; *конуш* или *джурт* — постоянное (ежегодное) место расположения юрты — Касымдын конушу (или джурту), Масиранин конушу (или джурту) и т.д.

Особняком стоят усеченные топонимы, сохранившие только имя или прозвище землевладельца: Бўёнз (имя женщины), Итджетпес (прозвище человека по имени Муса со значением "собака не догонит", так прозвали его за умение быстро бегать), Калек (собственно Калбексарт), Кумарбай, Кулбото, Небосо (земля, которая принадлежала человеку по имени Кал-

мат из узбекского рода небуса*), Турдукара (земля принадлежала человеку по имени Турду, по прозвищу кара "черный" из узбекского рода сулаклы) и т.д.

Названия естественных объектов

Среди таких топонимов обычны названия, образованные из имен существительных или субстантивированных прилагательных: Бараз, Боз "целина", Джал "грива, гребень горы", Джасы "плоское", Кетерме "насыпь", Кысык "щель", Ичкери "внутри гор", Танги "теснина", Танкья "выпуклое", Увакым (искаженное арабское *вакф* "завешание имущества на содержание религиозных учреждений"), Чем, Чоку "пик", Шарылдак "водопад".

Многочисленны топонимы, состоящие из двух компонентов; они оформлены по модели: имя + имя, имя + аффикс:

Айрыташ "двухголовая скала"; Аксангалак (ак "белый", таджикское *санг* "камень", лак — аффикс); Акчалка (чалкагай "широко раскинувшееся место") [4, 840]; Акбашчал "белоголовый старик" (прозвище); Арпапая "ячменное поле"; Атжолу "лошадиная тропа"; Бешкатранг "пять катрангов" (катранг — дерево "каркас кавказский"); Бектерджол "предгорная дорога"; Долоноата (долоно "боярышник", ата "дух-покровитель"); Галателе (таджикское *гала* "множество", төлө "землянка"); Гумсай (таджикское *гум* "глубокое" + сай); Джайкана "кладбище"; Джаманкья "дурной кособор"; Джолджоно "дорога, проходящая по гребню возвышенности"; Джарбулак "родник в яру"; Джертанги "земляная теснина"; Джалгызкатранг "одинокое дерево — катранг"; Джалгызтал "одинокая ива"; Зайракана "место изобилия дикобразов"; Зооэтек "нижний утес"; Ийрикотон "кривой загон"; Калтасай "короткий сай"; Кяттабулак "большой родник"; Камшак (камышлак "тростниковое"); Керегеташ (скала, напоминающая *кереге* "деревянную решетку юрты"); Коргонтөвө "холм, курган"; Көкзоо "синий утес"; Көлдүсай "сай, имеющий озеро"; Курусай "сухой сай"; Көракана (көра — специальная яма для обжигания древесного угля); Көрбулак "слепой родник", родник, эпизодически подающий воду; Кызылкыя "красный кособор"; Култөвө "холм из золы"; Кызылзоо "красный утес"; Мияли "солодковое" (мия "солодка"); Өлөнгөшүм (өлөнг — "трава, осока"); Өтөксай (өтөк "горная впадина"); Пистамазар "фисташковый мазар" (мазар — священное место); Ташевүз "каменный хауз"; Тегерекатранг "круглый катранг"; Томолоктөвө "круглый холм"; Торткатранг "четыре катранга";

* В кишлаке Тамтум некоторые земельные участки принадлежали выходцам из соседних узбекских кишлаков.

Төөташ "верблужья скала"; Тамчы "капельки; родник, капельками подающий воду"; Тешикташ "скала с проходом"; Уйгенташ "груда камней"; Учкырман "три хирмана" (*хирман* — место для молотбы зерна); Утташ "скала, по которой узнают наступление месяца Хут" (двенадцатого месяца солнечного календаря — с 22 февраля по 21 марта); Чокморташ "круглоголовая скала"; Чукурсай "глубокий сай".

Такая модель тоже характерна для топонимии всего Узбекистана.

Встречаются и глагольные географические названия. Имеются названия, выраженные сочетанием имени существительного в основном падеже, обозначающего объект действия, с причастной формой глагола, обозначающего самое действие: Надырчукан "(Скала, где) сорвался (дословно: слетел) Надыр", Джакшыбайчукан "(Скала, где) сорвался (дословно: слетел) Джакшыбай", Саадатчукан "(Скала, где) сорвалась (дословно: слетела) Саадат" и др.

Интересно, что такие же топонимы, состоящие из существительных и причастий прошедшего времени, отмечены А.Л.Хромым в Ягнобе: Хусейнпарта "место, где сорвался Хусейн" (буквально: "Хусейн сорвался"), Аспарта "место, где сорвалась лошадь" [3, 85].

Еще одной особенностью топонимии кишлака Тамтум является то, что здесь встречаются топонимы, образованные по модели: существительное + деепричастие. Например, Балканконгуч "место, где ставит свою юрту Балкан" (Балкан — женское имя); Улакчакчыч "место, где проводятся состязания по козлодраманию"; Улаккамалгыч "место, откуда не могут идти козлята" и т.д.

Такая модель характерна и для топонимии Кашкадарьинской области: Кўпкаричопқич, Бўриётқич и др. [2, 15].

Антропонимы

Личные имена кишлака Тамтум почти не отличаются от личных имен киргизов соседних селений; но есть такие, вернее были такие, которые нам не приходилось встречать в других местах. Это — мужское имя Даркан (по всей вероятности, оно от монгольского *дархан* "освобожденный от повинности"; но местные жители слово *даркан* осмысливают как "радость", "удовольствие"; *даркан болдум* — "я был рад"); женское имя Бараш (видимо, какое-то видоизмененное иноязычное слово). Женское имя арабского происхождения Хурлика "красавица", "райская дева" превращено в Улка и т.д. Региональными, реликтовыми именами являются также Зармас (?), Дангал "прямой", Масира и т.д.

В прошлом широко были распространены прозвища. Это отчасти объяснялось отсутствием фамилий. В кишлаке Тамтум прозвища были особенно распространены. Тамтумцы отличались остроумием, озорством, умением быстро придумывать подходящее для того или другого человека прозвище. Даже неосторожный гость часто наживал себе прозвище. Кроме всего прочего, прозвища придумывались женами старших братьев (жеңге), которые не имели права называть родственников мужа своими именами; поэтому они вынуждены были употреблять разные слова-эпитеты, как-то: бала "мальчик", кара бала "черный мальчик", сары бала "желтый мальчик", кичкине бала "маленький мальчик" и т.д. Такие прозвища, как тыртык "со шрамом", шалтык "вислогубый", пакана "малорослый", часто закреплялись за человеком на всю жизнь, заменяя имя или "дополняя" его.

Очень характерно образование имени и фамилии Молло Кара Сарыева. В молодости его имя было совсем другое; жены старших братьев прозвали мальчика кара бала "черный мальчик", постепенно его имя забыли, его стали называть кара, когда он стал учиться, умел читать-писать, он стал уже Молло (Мул-ла) Кара; имя его отца было Шармат, а прозван он был женщинами за свою белокурость сары; так рожденный Шармат превратился в Сары или Сарыбай; когда Сарыбай стал богатым, зажиточным, его уже называли Бай Сарыбай "Богатый Сарыбай"; компонент бай "богатый, богач" в качестве суффикса мог присоединяться к любому имени.

Другого прозвали Сарымеш за чрезмерную полноту (меш "бурдюк"); третьего прозвали Сарыбай дөшү кенг "широкогрудый".

Прозвища особенно широко применялись при наличии нескольких людей с одним именем. До сороковых годов в кишлаке работали три колхозника-ровесника по имени Абди: 1) Абди дуана "юродивый Абди"; 2) Абди джоон "толстый Абди" или Абди чочко "Абди кабан" (он был упорным, активно участвовал в коллективизации, боролся против кулаков, которые и дали ему такое прозвище); 3) Абди гәрәнг или Абди заранг "тугоухий Абди".

Абдырасыл аймак (аймаком прозвали человека, чересчур старательного); Ак Умар (его иронически прозвали белым, потому что он был темнокожий); Аким ала көз "пучеглазый"; Али кара "черный Али"; Алымкул шалпык (шалпык "отвислый, вислогубый"); Беркбай кенек (кенек "кожаное ведро с носиком"; по-видимому за неприглядную физиономию); Берви туз (туз "прямой, стройный"); Боронбай бепарвай (бепарвай "беспечный"); Боронбай көзү джаман (көзү джаман "с больным глазом"); Джар кетәй (кетәй "дылда"); Джоробай ғоре (ғоре "незрелый, зеленый" или "осленок"); Дос калпа (калма, халфа

"старший, делопроизводитель"); Ыбрайым гярнай (*гярнай, кярнай* — музыкальный инструмент, большая медная труба; такое прозвище дано ему за длинную шею); Карабек дуана (*дуана* "юродивый"); Кошон шоро кез (*шоро кез* "с гноящимися глазами"); Карабек пар кез (*пар кез* "часто мигающий глаз"); Кудаиберди шакмар (*шакмар* "чумазый"); Муса тешик (*тешик* "дырявый"); Мусурманкул чорогасы (*чорогасы* от *чухра агасы* "начальник ханских пажей"; здесь в смысле "активист", "человек у дел"); Мусурманкул чакатай (*чакатай* "забияка"); Нарбай сакоо (*сакоо* "заика"); Ороз паар (может быть, от *пакыр, факир* "бедняжка"); Орозбай каркаша (*каркаша* "капризный"); Ракман сасык (*сасык* "вонючий"); Султан дөө (*дөө* "демон", здесь "исполин, гигант"); Султан кайкы (*кайкы* "с выгнутой спиной"); Толубай тентек (*тентек* "олух"); Турду сокубаш (*соку* "ступа", *баш* "голова", *сокубаш* "большеголовый"); Умар мушкол (*муш* "кулак", *кол* "рука", *мушкол* "с сжатой в кулак большой рукой"); Уста Берк (*уста* "мастер"); Уста Чал Ысман аксакал (*аксакал* "старейшина"); Ысман лагалак (*лагалак* "аист", "длиноногий").

Список можно было бы продолжить. Но приведенного достаточно, чтобы иметь представление о широком бытовании прозвищ у тамтумцев в прошлом. Но теперь прозвища стали историей; их места прочно заняли фамилии, входят в быт и отчества русского образца.

Этнонимы

Тамтумцы принадлежат к подколену эшкара, которое восходит к колену чапан крупного киргизского рода тейит. По преданию, чапан (буквально "ватный халат") было прозвищем родоначальника этого колена, а имя его было Канкел, собственно Ханкел "хан пришел", так как родился тогда, когда явился хан.

У Ханкела было 4 сына: Биркулак "одноухий", Казак, Чоной (монг. *чоно* "волк"), Джумур "сычуг".

У Биркулака был только один сын по имени Эшкара. По другой версии, Биркулак был сыном Эшкары. Этот вариант мы считаем более приемлемым, т.е. биркулак является одним из подразделений подколена эшкара. Все тамтумцы (их более 350 человек, включая тех, которые ныне не живут в этом кишлаке) в один голос заявляют: "мы эшкара", а представители ветви биркулак исчисляются всего несколькими семьями.

Итак эшкара подразделяется на несколько мелких шах, бутак (дословно "ветки") или ата ("отец", "родоначальник"): биркулак с ответвлением ывырсык "хлам", "мелочь"; коджона-

зар, асан тобу, джинди "одержимый", "шаловливый" (с ответвлением муратали); говорят, что Джинди был самым младшим, избалованным сыном в семье, за что впоследствии получил такое прозвище.

Обсбняком стоит этноним сарыкул; предание гласит, что родоначальник сарыкульцев был женат на дочери эшкара, что сарыкульцы являются выходцами из долины Сарыкол (Таджикская ССР).

В Тамтуме живут несколько человек представителей подразделения казак, которое не относится к эшкара; считают, что эшкара и казак были энчилеш, т.е. сонаследниками, получавшими свою долю в наследстве.

Люди до сих пор знают свою родословную, помнят и берегут ее. В старом быту каждый взрослый киргиз должен был знать семь своих предков, а если он их не знал, то его называли кул "раб". Рабами называли и тех, кто не знал своих предков по линии матери. Некоторые до сих пор придерживаются такого мнения и не забывают имен своих предков.

Мы со слов Караева Кабыла (1930 года рождения, имеет неполное среднее образование, рабочий совхоза) записали его родословную: Молло Кара (отец, умер в 1957 г.); Сарыбай (дед); Уста Сатыбалды (прадед, он был кузнецом, мастером-оружейником); Эрназар (прапрадед);

Долой (до сих пор не забыта поговорка: Анай ойлойсунгбу, малай ойлойсунгбу, Асаннын уулу Долой ойлойсунгбу — "Я тебе не простачок, я тебе не слуга, я тебе и не Долой — сын Асана"; по всей вероятности, Долой был человеком простодушным) → Асан (основатель ветви асан тобу) → Эшкара (родоначальник, основатель подколена) → Чапан (Ханкел чапани).

Есть люди, которые знают еще больше своих предков. Вот родословная Тураева Турумбая (55 лет, образование неполное высшее, учитель):

Тура (Тура чолок "хромой", он же Уста Тура, Мулла Тура — отец) → Джолбек эликабашы "пятидесятник" — (дед) → Султан (прадед) → Арзы (прапрадед) → Надыр каяк "упрямый" → Темир (Кара Темир) → Кутбагыш → Мендибай → Баймат → Арык Мурат (Худой Мурат) → Джумур → Чапан (Ханкел чапани).

Не только киргизы, но и казахи, кочевые узбеки и туркмены должны были помнить свои родословные. М.Ф.Гаврилов, обследовавший в конце 20-х годов районы Заamina и Уратепе, писал, что "тюрки (этнические подразделения узбеков. — С.К.) наравне с полукочевыми узбеками ... еще знают свои родословные до 7-го колена" [1,8].

Так народ веками сохранял свою этническую принадлежность.

Литература

1. Гаврилов М.Ф. Материалы к этнографии "тюрок" Ура-Тюбинского района. Таш., 1929.
2. Нафасов Т. Топонимы Кашкадарьинской области. Автореф. канд. дисс. Таш., 1968.
3. Хромов А.Л. Общая лингвистическая характеристика топонимии и микротопонимии Ягноба. — "Известия отделения общественных наук АН ТаджССР". № 3 (45). Душ., 1966.
4. Юдахин К.К. Киргизско-русский словарь. М., 1965.

Н.П. Бутенко

ОНОМАСТИКА В РУССКО-КИРГИЗСКИХ ЯЗЫКОВЫХ ВЗАИМОСВЯЗЯХ

Собственные имена составляют одну из сфер языкового взаимодействия. На примере русской ономастики в Киргизии можно проследить многие общие и специфические закономерности освоения собственных имен в русском и киргизском языках, создание общего для ряда языков словарного пласта.

Заемствование собственных имен происходит в силу временных или постоянных контактов между разноязычным населением, а также при обмене письменными источниками. Многие собственные имена остаются в рамках иноязычной лексики. В большинстве случаев наблюдается стремление точнее передать такие имена в заимствующем языке.

Специфично употребление этих имен в художественной литературе, где иногда даются кальки или объяснения, без чего названия не осмысливаются людьми, не знающими языка, из которого заимствовано собственное имя.

Такое заимствование характерно, с одной стороны, для нечасто употребляющихся слов, а также для слов, появившихся в сравнительно новое время. Для слов, постоянно находящихся в обиходе, характерно более глубокое их освоение языком с подчинением звуковым и грамматическим законам заимствующего языка.

Такое глубокое освоение собственных имен характерно и в тех случаях, когда оно происходит на более ранних этапах развития языка и в определенном смысле сближается с проникновением [3, 164].

С внешней стороны глубоко освоенные собственные имена имеют более широкое употребление в заимствующем языке, иногда, правда, лишь на части территории его распространения. Таким образом, например, освоены названия многих городов — столиц: ср. англ. London, фр. Londre, польск. Londur, русск. Лондон; русск. Москва, фр. Moscou [Mosku], нем. Moskau; нем. Wien, русск. Вена, фр. Wienne, укр. Відень (любопытно использование вообще другого слова, например, в сербско-хорватском Вена — Беч).

При неполном взаимодействии языков на определенной территории возникает некоторая локальная ограниченность в освоении собственных имен. Так, в условиях смешанного населения (в Киргизии, помимо основного населения — киргизов, проживает значительное количество русских, узбеков, украинцев; а из других национальностей — татары, казахи, таджики, уйгуры, дунгане) происходит заимствование собственных имен. Русское и другое население республики осваивает большое количество киргизских собственных имен (как топонимов, так и антропонимов) путем "живого" усвоения, т.е. путем непосредственного общения с киргизским населением. Так осваиваются названия рек, долин, поселков, личные имена и фамилии людей: Ак-Сай, Ак-Тюз, Тамчи, Шор-Булак, Атай, Какен, Койчу, Мамбет, Токон и другие, которые, однако, встречаясь лишь в описаниях республики, сохраняют для общерусского языка марку локальности.

Другие собственные имена, как, например, Иссык-Куль, Джалалабад, Нарын, Токтогул, известны более широким слоям русского населения.

Освоение собственных имен происходит при активном языковом взаимодействии. Так, в работе В.Н.Топорова и О.Н.Трубачева "Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья" [5] приведено большое количество гидронимов Поднепровья по происхождению балтийских, освоенных теперь восточнославянскими языками. Многочисленны также финно-угорские топонимы, освоенные русским языком (см. работы А.И.Попова, А.К.Матвеева по финно-угорским топонимам). Можно отметить и другие русско-иноязычные контакты в сфере собственных имен, например, кетско-русско-тюркские, исследуемые А.П.Дульзоном. При этом может произойти полное заимствование иноязычных слов, связанное с преобразованием их фонетической и грамматической структуры. Заимствованные слова в этом случае осваиваются заимствующим языком и в дальнейшем полностью подчиняются законам его развития. Например, такие названия, как Вашингтон, Египет, Порт-Саид, склоняются в русском языке и изменяются согласно законам его грамматики, так как по внешним признакам они подходят к формам русского языка (ср. кирг. Токтогул, Талас и др.).

Другие собственные имена сохраняют свои звуковые особенности, передаются по правилам языка-источника, например: Мэри, Ырсалиев, Ырдык и т.п.

Некоторые собственные имена, вошедшие в словарный состав заимствующего языка, остаются чужеродными в грамматической структуре. Например, такие названия, как Фрунзе, Бордо, Сухуми, Токио, Тбилиси, Чили, употребляются в русском языке как несклоняемые, т.е. не имеющие формы падежа и

числа. Грамматическое значение этих форм выражается синтаксически сочетанием с согласуемым словом [2, 179–180].

Имеется ряд фактов неполного освоения заимствованных слов из киргизского языка. Так, киргизские названия типа Ак-Су, Кара-Су, Чолпон-Ата в русском языке могут быть отнесены к несклоняемым. При заимствовании происходит подчинение их нормам русской фонетики, словообразования, но пока не произошло полного грамматического освоения таких названий, возможно, оно и не произойдет, так как сфера их употребления ограничена.

Кроме того, некоторые собственные имена при заимствовании калькируются, причем одни из них калькируются полностью (ср. кирг. Ак-Су – русск. Беловодск, кирг. Балыкчи, русск. Рыбачье); другие частично (ср. кирг. Чон-Кемин – русск. Большой Кемин, кирг. Кичи-Нарын – русск. Малый Нарын, кирг. Орто-Орукту – русск. Средние Урюкты), при таком калькировании переводится лишь первая часть слова, являющаяся определением, и сохраняется вторая часть – собственное имя. Случаев полного калькирования не так уж много.

Фонетическое освоение заимствованных слов представляет собой более сложное явление. Здесь следует особо выделить книжное освоение, связанное с более или менее полным приспособлением к нормам заимствующего языка, например, кирг. Орукту – русск. Урюкты, кирг. Иссык-Кол – русск. Иссык-Куль. При фонетическом освоении возможны случаи гаплогонии (например: Джалал-Абад – в разговорной речи превращается в Жалабад), а также других звуковых изменений.

В условиях двуязычия, быстро развивающегося в нашей стране на современном этапе [6, 28], возможна цитация иноязычных собственных имен в “родном” оформлении, без подчинения их законам языка говорящего. Так, развитие русско-киргизских языковых взаимосвязей оказало влияние на киргизскую антропонию. Одним из примеров влияния русского языка на киргизский является употребление русских моделей для образования киргизских фамилий (–ов, –ев, иногда –ин: Мамбет – Мамбетов, Омурзак – Омурзаков, Ажибай – Ажибаев, Саманчи – Саманчин).

Киргизским языком были заимствованы такие собственные имена, как Света, Рая, Люба и другие, в русском языке они употребляются как ласкательные, а в киргизском оформляются в документах как официальные полные имена. В качестве личных имен иногда употребляются русские и интернациональные нарицательные существительные (Октябрь, Совет, Большевик, Талант, Темп, Сталь).

В советское время прочно вошел в жизнь киргизского народа обычай называть друг друга по имени и отчеству. Для образования отчеств также используются русские словообразова-

тельные суффиксы *-ович*, *-евич* (Эрик Керимович, Казы Ажибаевич), *-овна*, *-евна* (Эрна Тугельбаевна, Эльмира Рашидовна).

Нередко при образовании уменьшительно-ласкательных имен в киргизском языке используются русские уменьшительно-ласкательные суффиксы: *-ечка* — Айша — Айшечка, *-ик* — Рахат — Рахатик; *-еньк*, *-оньк* — Гульмира — Гуленька; *-чик* — Кубан — Кубанчик, Темир — Темирчик, а также суффикс *-ка* — Динарка, Солтонка, Кулматка.

Иногда киргизские собственные имена подводятся под русскую модель или полностью заменяются русскими: Асан — Саша, Солтон — Соня, Максуд — Максим, Турген — Толя.

Любопытные примеры подобного освоения западных имен в России при заимствовании приведены в монографии Э.Амбургера [1]. Так он пишет, что переводчик, переводя то или иное имя на русский язык, старался показать свои лингвистические познания. Так, Деодам переводится Богдан. Именем Богдан также стали переводиться все немецкие имена с *gott* (бог): Готлиб, Готлоб, Готфриз, Готхарз.

Но Богдан не являлся единственной возможностью передачи для имен с *gott*. Для польского языка характерна замена имени Готлиб именем Богумил. Иногда переводилась только вторая часть имени, например, в Готлиб — *liben* в Любим; как Любим переводились и такие имена, как Амандус и Айме.

При освоении русскими киргизских собственных имен также происходит некоторое приспособление их к русской норме, например, иногда отбрасывают вторую часть сложных слов *-бек*, *бай*: Болотбек — Болот, Турсунбай — Турсун и др.

Собственные имена — это живая, активная и устойчивая часть языка, тесно связанная с историей и жизнью ее носителей. Они попадают в иноязычное окружение в различное время и в связи с различными условиями общественной жизни.

Ономастические контакты зачастую опережают другие, потому что известия о стране и ее людях доходят раньше, нежели возникают непосредственные контакты и отношения. Так, топонимы Киргизии были известны русским из литературных источников задолго до того, как первые путешественники посетили этот край. Такие названия, как Иссык-Куль и Талас, упоминаются в сочинении Абулгази-Бахадурхана "Родословное древо тюрков", переведенном на русский язык в 1770 г. Упоминание о городе Ош имеется в "Странствованиях надворного советника" Филиппа Ефремова (СПб., 1786): "Между Ушом и Кашгарою кочуют киргизы ..." (стр. 224). В 1832 г. вышло в свет "Описание киргиз-казахских или киргиз-кайсацких орд и степей" А.Левшина, к которому дана карта земель, принадлежавших киргиз-казахам и Туркестану. На карте указаны названия рек Чуй, Кочкорка, Аксу, Карагол и оз. Иссык-Куль.

Аналогичным путем стали известны и антропонимы. Так,

например, в письме киргизов к русским властям в XVII в. упоминается "Великое кочевье" Москва, с одной стороны, а с другой — киргизский антропоним Джарнак. Текст письма был тогда же переведен на русский язык подьячим Андреем Поспеловым [7, 61].

С середины XIX в. начинается непосредственное общение русских с киргизами, что приводит к усилению языковых контактов. В Туркестан был направлен ряд военных и научных экспедиций; в их отчетах часто упоминались топонимы и антропонимы Киргизии, которые постепенно входили в научную и учебную литературу. Большинство топонимов записывалось со слов переводчиков, поэтому единства в их написании не было.

С переселением русских в Киргизию со времени добровольного вхождения ее в состав России в последней трети XIX в. языковые контакты между киргизами и русскими, в том числе и топонимические, еще более активизировались. В географической номенклатуре края появилось много русских названий, которые стали употребляться и в киргизском языке, а русское население усваивало географические названия местностей от абorigенов. Общение между киргизами и русскими способствовало тому, что оба народа стали осваивать иноязычные антропонимы, киргизам стали известны географические названия различных мест России.

Многие киргизские географические названия были заимствованы без изменения (Нарын, Алай, Ат-Баши), другие полностью или частично калькированы, отдельные собственные имена присоединяли русские словообразовательные суффиксы (ср. аналогичное явление, связанное с освоением русских топонимов и в других языках, например, латышском) [4, 99-103].

При образовании современных киргизских топонимов, например, иногда к старым киргизским названиям присоединяют русские определения, характеризующие объект (канал Большой Чуйский, ледник Западный Аламедин).

По мере дальнейшего укрепления культурно-экономических связей между киргизским и русским населением появились названия, ставшие общими для обоих народов. Например, киргизское слово *кант* "сахар" указывает не только место, где построен сахарный завод, а стало собственным названием города.

В киргизский язык вошло много русских собственных имен. Так, в рассмотренном нами топонимическом материале из 1896 гидронимов (названий ледников, каналов, рек, прудов, озер, заливов, водохранилищ, ручьев, арыков, родников) русские составляют 607, или 32%; из общего числа названий населенных пунктов (984) русские составляют 227, или 23%; из 1250 названий улиц русские составляют 1037, или 83%.

На современном этапе развития советского общества, благодаря всестороннему расцвету и тесному сближению социалис-

тических наций, влияние языков друг на друга стало взаимным. В этом закономерном многостороннем сложном процессе важнейшее значение имеет влияние межнационального — русского — языка на национальные языки, что способствует их обогащению и дальнейшему развитию, росту их коммуникативных возможностей.

В киргизском, как и других национальных языках, образовался общий с русским языком значительный словарный пласт. Произношение собственных имен, географических названий и других заимствованных слов в киргизском языке постепенно приближается к их произношению в русском языке, что в значительной мере облегчается принятой в 1941 г. новой киргизской орфографией, разработанной на русской графической основе.

Свободное развитие и взаимообогащение национальных языков народов СССР, появление и увеличение в них общего фонда, пласта слов, сближение в звучании и написании слов во всех языках населения страны отражает объективную тенденцию развития производства и культуры в многонациональном социалистическом государстве.

Литература

1. Amburger Э. Die Behandlung ausländischer Vornamen im Russischen in neuer Zeit. Wiesbaden, 1953, №7.
2. Грамматика русского языка. Т. 1. Фонетика и морфология. М., 1960.
3. Мартынов В.В. О древнейших славяно-германских языковых отложениях. — "Тр. Одесск. гос. ун-та". Т. 148. Серия филолог. наук, 1958, вып. 7.
4. Семенова М.Ф. Русские топонимы в латышском окружении. Вопросы грамматики и стилистики. Уч. зап. Латв. гос. ун-та им. П.Стучки. Т. 83. Филол. науки. Рига, 1967.
5. Топоров В.Н. и Трубачев О.Н. Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья. М., 1962.
6. Ханазаров К.Х. Сближение наций и национальные языки в СССР. Таш., 1963.
7. Эпиграфика Киргизии. Вып. 1. Фрунзе, 1963.

Содержание

От редакторов	3
<u>Этнонимия</u>	
Л.С.Толстова (Москва). Отголоски ранних этапов этногенеза народов Средней Азии в ее исторической ономастике	6
Б.Х.Кармышева (Москва). Следы средневековых этнонимов и антропонимов в узбекских генеалогиях	18
С.С.Губаева (Фергана). Патронимия в топонимии Ферганской долины.	28
<u>Топонимия</u>	
Э.М.Мурзаев (Москва). Топонимика в Средней Азии и Казахстане	38
Г.И.Донидзе (Москва). Отрицание в тюркской топонимии	48
С.У.Умурзаков (Фрунзе). К исторической топонимии Киргизии	53
А.Л.Хромов (Душанбе). Таджикская микротопонимия долины Верхнего Зеравшана и Ягноба	58
А.З.Розенфельд (Ленинград). Проблемы региональности и десемантизации в таджикской топонимии	63
И.М.Стеблин-Каменский (Ленинград). Река иранской прародины	72
✓ Ж.Б.Логашова (Москва). Из топонимии Каспийского моря	75
О.Т.Молчанова (Ярославль). Элемент <i>тай</i> в топонимии Средней Азии и смежных территорий	81
В.А.Никонов (Москва). Заметки по оронимии Киргизии	86
О.А.Султаньяев (Кокчетав). К вопросу об эллиптичности топонимов	108
А.С.Крюкова (Уральск). Некоторые наблюдения над терминами в составе гидронимов Уральской и Гурьевской областей	111
Р.Я.Рассудова (Ленинград). Термин <i>ходжа</i> в топонимии Средней Азии	115
✓ У.Бекбаулов (Нукус). Топонимы Приаралья как источник для изучения истории каракалпакского народа	129
Г.Г.Дитрих (Душанбе). Топонимы бассейна р. Арг в фанских горах Таджикистана	134
	225

Антропонимия

Н.А.Баскаков (Москва). Элемент <i>gül</i> "роза, цветок" в составе каракалпакских женских имен	138
Л.И.Ройзензон, А.Бобоходжаев (Самарканд). Антропонимические серии у узбеков Нураты	144
В.А.Никонов (Москва). Среднеазиатские материалы для словаря личных имен	153
А.М.Решетов (Ленинград), А.Н.Седловская (Москва). Влияние межэтнических контактов на антропонимию дунган.	162
А.Г.Гафуров (Москва). О сложносоставных антропонимах в таджикском языке	165
З.Б.Мухамедова (Ашхабад). Несколько слов об антропонимах в "Огуз-наме" из сочинения Салар Баба . . .	169
Т.А.Заказчикова (Андижан). Мужские имена русских в г. Андижане	172
Г.К.Сопиева (Ашхабад). Лексические источники личных имен у туркмен	177
Р.Р.Рахимов (Ленинград). Две заметки по антропонимии Зеравшанской долины	183
Г.И.Кондратенко (Пески, Кокчетавская обл.). Личные имена Целинного района	193
В.Б.Сузанович (Ангрен, УзССР). Личные имена в национально-смешанных семьях	195
Т.С.Ерохина, М.Н.Рамазанова (Ташкент). Имена узбеков г. Ангрена (1945-1947 и 1972 гг.).	201
Р.Ш.Джарылгасинова (Москва). К характеристике современной антропонимической модели корейцев, проживающих в сельских районах Узбекской ССР . .	203
<u>Зоонимия</u>	
Н.А.Баскаков (Москва). Клички собак у каракалпаков	206
<u>Общие вопросы ономастики</u>	
С.К.Караев (Ташкент). Топонимы, антропонимы и этнонимы кишлака Тамтум	210
Н.П.Бутенко (Львов). Ономастика в русско-киргизских языковых взаимосвязях	219

ОНОМАСТИКА СРЕДНЕЙ АЗИИ

Утверждено к печати
Институтом этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая
Академии наук СССР

Редактор В. В. Волгина
Младший редактор И. И. Исаева
Художник М. М. Мержеевский
Художественный редактор Э. Л. Эрман
Технический редактор Т. А. Сударева
Корректор Г. В. Стругова

ИБ 13190

Сдано в набор 19/1У-1977 г.
Подписано к печати 11/Х1-1977 г.
А-03000 Формат 60х90/16. Бум. № 1
Печ. л. 14,25. Уч.-изд. 13,95
Тираж 1950 экз. Изд. № 3710
Зак. № 3798 Цена 1 руб. 40 коп.

Главная редакция восточной литературы
издательства "Наука"
Москва К-45, ул. Жданова, 12/1

Производственно-издательский комбинат ВИНТИ
Люберцы, Октябрьский проспект, 403